

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

ЗАПИСКИ

РУССКАГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА,

А. Глаголева,

съ 1823 по 1827 годъ.

Ч А С Т Ь П.

**ТИРОЛЬ. ШВЕЙЦАРІЯ. Лионъ.
Гренобль.**

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской Россійской Академіи.

1837.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были три экземпляра въ Цензурный Комитетъ.

С. Петербургъ, Апрѣля 3 дня 1835 года.

Ценсоръ П. Корсаковъ.

ОГЛАВЛЕНИЕ П-й ЧАСТИ.

Стран.

ПУТЕШЕСТВИЕ ВЪ ТИРОЛЬ.

ЗАЛЬЦБУРГЪ, 1823 года $\frac{26 \text{ Мая}}{7 \text{ Июня}}$.

Живописные виды города. Великолѣпное восхожденіе солнца изъ за горъ. Публичные памятники. Ворота съ колоннами, прорубленные сквозь гору.....1.

АНТЕНЪ, деревня при подошвѣ Альпійскихъ горъ.

Рейхепгальская ключевая соль. Осадка соли чрезъ испареніе, изобрѣтенная Гаспаромъ Селеромъ. Освальдъ Шуеъ, творецъ плана для поднятія и проведенія солевой воды чрезъ горы 198 саженой высоты. Исполнитель сего плана Рейхенстуйль. Колеса Бадера и столбовой насосъ Рейхенбаха. Количество добываемой ключевой соли. Подземелье соляныхъ источниковъ. Водопроводъ сквозь гору Шютбергъ.....5.

ТИРОЛЬСКІЯ АЛПЫ, $\frac{27 \text{ Мая}}{8 \text{ Июня}}$.

Тирольскіе музиканты. Первая ночь въ горахъ. Тирольскія Альпы съ картинами всѣхъ четырехъ временъ года. Очаровательные виды и быстрое ихъ превращеніе. Живописное положеніе Раттенбурга и Шваца. Внутреннее богатство горъ. Землеудобреніе на утесахъ. Инсбрукская долина.....10.

ИНСПРУКЪ, $\frac{23 \text{ Мая.}}{9 \text{ Июля.}}$

Внутренность города. Ратуша. Триумфальные ворота въ Нейштадтъ. Конная статуя эрц-герцога Леопольда. Колонна 1703 года. Поіезунтская церковь; Альбертъ Дюреръ. Францисканская церковь; гробница Императора Максимилиана I; 24 бронзовыхъ колоссальныхъ статуй и 23 меньшаго размера; серебряный придмъ.....16.

Физическій кабинетъ и библютека. Петръ Апахъ, пастухъ-астрономъ.....27.

ОКРЕСТНОСТИ ИНСПРУКА.

Водопадъ Зильгъ. Амбрасскій замокъ. Монастырь Вьтау; серебряный сосудъ, памятникъ древняго обряда причащенія Св. таинъ подъ двумя видами.....34.

ПАМЯТЬ ГОФЕРА.....36.

ТИРОЛЬ, 1823 года Июля....

Общество живописцевъ для снятія Тирольскихъ видовъ. Роскошь и дикость береговъ Инна. Рыцарскіе замки. Сцены Тирольской ночи. Обычай строить дома съ плоскими крышами и расписывать наружность стѣнъ картинами. Чувство путешественника при возвращеніи изъ горныхъ мѣстъ въ равнины. Любовь Тирольцевъ къ родилѣ; ихъ набожность; суевѣріе; гостепримство. Веселый нравъ Тирольцевъ; гортаиное пѣніе; собственнаго ихъ изобрѣтенія музыкальные инструменты; національная пляска. Пѣсня пастушки. Наряды мущинъ и женщинъ.....40.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ВЪ ШВЕЙЦАРІИ, 1823 года Июля $\frac{1}{18}$ ...52.

КОНСТАНЦЪ.

Протяженіе озера; его внезапные приливы. Состояніе судоходства. Воспоминаніе о Констанцкомъ соборѣ, созданномъ въ слѣдствіе церковныхъ распрей. Исчисленіе иностранцевъ разнаго званія, бывшихъ въ Констанцѣ въ продолженіе собора. Низверженіе трехъ самозванцевъ папъ. Конклавъ или заключеніе кардиналовъ и провозглашеніе графа Колонны па-

III

Стран.

пою. Созжеіе на костръ Іоанна Гусса и Іеронима Прагскаго. Причини упадка торговли, промышленности и народонаселенія города.....58.

РЕЙНСКІЙ ВОДОПАДЪ, Іюня 2.....68.

КАЙЗЕРШТУЛЬ.

Любопытный путешественникъ. Басня о черномъ лѣск. Святый Фридольдъ, первый проповѣдникъ вѣры во Христа въ Швейцаріи.....74.

БАДЕНЪ.

Минеральныя воды; горячій ключъ, проходящій подъ русломъ рѣки Лимматы съ праваго ея берега на лѣвый; двѣ общія купальни и 200 частныхъ бань. Статуя Изиды, почитаемой покровительницею водъ подъ именемъ Св. Верены. Діета болѣвыхъ Швейцарцевъ. Развалины замка; темница; часовня.....79.

ЛЕНЦБУРГЪ, 10 часовъ утра.....84.

АРБУРГЪ, 2 часа по полудни.

Каменная крѣпость, единственная въ Швейцаріи; слабыя укрѣпленія со стороны сѣвера и востока; достопримечательный по глубинѣ колодезь. Великолѣпный видъ Альпійскихъ горъ. Живая ландкарта классическихъ мѣстъ Швейцаріи: долина Грюнли; г. Альторфъ; башня и часовня въ память Вильгельма Теля. Ученый споръ объ исторіи Телова яблока. Моргартенъ, колыбель славы Швейцарцевъ; Семпахъ, прославленный самопожертвованіемъ Вискельрида.....86.

ГИНДЕЛЬБАНКЪ, 4 Іюня.

Знаменитый надгробный памятникъ Маріи Лангавсъ.....98.

БЕРНСКІЙ КАНТОНЪ.

Экономическій способъ построенія домовъ; сады; изобиліе въ водѣ; удобреніе полей; земледѣшество. Отличительный черты женщннъ; ихъ нарядъ и опрятность; учтивость крестьянъ; ихъ одежда.....106.

БЕРНЪ, Юня....

Окрестности города, обращенныя въ сады; аллеи, ведущія въ городъ. Руцн посередѣ мостовой; галлерей по сторонамъ улицъ. Готическая башня съ часовыми автоматами. Ровъ съ молодыми оленями и другой съ медвѣдемъ и медвѣдицею, представителями Бернскаго герба и геральдики. Соборная церковь и терраса; церковь Св. Духа; больница; наружный видъ города. Швейцарскіе аристократы; правленіе прежняго двухсотнаго совѣта; преобразование его на Вѣскомъ конгрессѣ .....115.

ФРИБУРГСКІЙ КАНТОНЪ.

Духъ правительства; бобыли или бездомные крестьяне; препровожденіе праздничныхъ и воскресныхъ дней; пристрастіе къ табаку; особые табельные дни для плясокъ въ шинкахъ. Воинственный характеръ жителей; маршъ Фрибургскаго земскаго ополченія.....124.

ФРИБУРГЪ, Юня....

Дикое мѣстоположеніе города; дома на скалахъ и въ горахъ; улицы на крышахъ домовъ. Разноплеменная и разноязычье гражданъ. Династіи, владѣвшія Фрибургомъ, и происхожденіе его независимости. Состояніе пародонаселенія; излишество монашествующихъ. Примѣчательнѣйшіе монастыри; семинарія; гимназія; Ланкастерская школа. Причины медленнаго хода просвѣщенія и образованности.....131.

ПРОДОЛЖЕНІЕ.

Земледѣльская школа въ Готривъ. Путь Св. Магдалены, состоящая изъ келій, церкви и колокольни, высѣченныхъ въ скалы. Соборъ Св. Николая. Фонтаны. Знаменитая липа, посаженная въ 1476 году въ память Моратскаго сраженія; гулянье въ липовой аллѣе; этикетъ Швейцарской знати. Смятенія въ Фрибургъ между приверженцами Іезуитовъ и аббата Жирара.....140.

МОРАТЬ.

Самодѣяльность Карла Дерзостнаго; отличительныя черты его соперниковъ, Швейцарцевъ XV столѣтія. Ввроломный

поступокъ Карла съ Грансонскимъ гарнизономъ; мшение Швейцарцевъ; ихъ победы въ окрестностяхъ Грансона и при Моратъ. Смерть Карла подъ стѣнами города Нанси. Остовохраняище Моратское; лѣпа; обелискъ.....148.

АВАНШЪ.

Великолѣпнѣе древяго Авентика. Пепелище его. Обломки антиковъ; мраморная колонна; мозаикъ; башня; часть стѣны. Мечты и пробужденіе на развалинахъ.....155.

ПАЕРНЪ.

Паернъ—резиденція Бургундскихъ Королей. Память въ народѣ о королевѣ Бергъ; гробница и деревянное сѣдло ея въ соборной церкви.....160.

ЗАМОКЪ ЛЮСАНЪ.....163.

МЁДОНЪ.

Башня, оставшаяся отъ Римскаго города Мвиндуна. Тронная зала герцоговъ Савойскихъ. Примѣчательный фрескъ: Судъ Соломоновъ; лица, изображенны въ Русскомъ костюмѣ; аллегорическое дерево. Хартія Водгладская; сходство ея съ Русскою Правдою. Сборникъ законовъ Бериской республики; законы противъ обжорства, пьянства и танцевъ. Три брачныя танца, не воспрещенныя закономъ.....166.

НЮНЪ, $\frac{9}{30}$ Июня.

Панорама Женевского озера.....172.

ЖЕНЕВА, Июня $\frac{9}{30}$

Версуа, городъ съ улицами безъ домовъ. Приливъ иностранцевъ въ Женеву. Смѣсь націй и языковъ за ужинкомъ. Швейцарскій столъ.....181.

ЖЕНЕВСКІЕ ЧИЧЕРОНЫ.....186.

ГОФВИДЪ.

Посѣщеніе Фелленбергова института. Русскій — профессоръ института. Графъ Вильгельмъ, сотрудникъ Фелленберга. Альбомъ посѣтителей. Хозяйственныя заведенія. Пансіонъ для благородныхъ дѣтей. Пансіонъ для бѣдныхъ дѣвицъ. Школа промышленности и земледѣлія. Взаимныя отношенія воиъ

учебныхъ и экономическихъ заведешй въ Говвилѣ. Отзывъ объ ихъ разныхъ особъ и допесевіе Графа Каподистрія. Высочайшій рескриптъ Императора Александра I г. Фелленбергу. Отправленіе 13 Русскихъ питомцевъ въ Говвилѣ. Неудобства отъ чрезмѣрнаго умноженія числа учениковъ и наставниковъ. Главныя черты характера Фелленберга и вліяніе ихъ на пачала, принятыя имъ при основаніи института. Естественность методъ ученія натуральной исторіи, физики, химіи и языковъ. Исключеніе изъ плана преподаванія нѣкоторыхъ наукъ, необходимыхъ при воспитаніи. Исключеніе всѣхъ родовъ поощреній, наградъ и наказаній. Общія мысли о естественномъ ходѣ воспитанія, опредѣляемомъ возрастами души. Методы изящныхъ художествъ въ Говвилѣ. Превосходная метода музыки; нравственные гимны. Главнѣйшее неудобство для воспитанія въ Фелленберговомъ институтѣ: различіе вѣръ и націй..... 191.

ДОРОГА изъ ЖЕНЕВЫ въ ЛІОНЪ, 1823 года, *Сентября*..... 218.

ЛІОНЪ, 1823 года, *Сентября*...

Римскіе памятники: амфитеатръ; водопроводъ; бани; домъ Антиккаль; Навмахія; жертвенникъ Августа и Рима; мозаическая улица..... 224.

ИСТОРИЯ ЛІОНА ПРИ РИМЛЯНАХЪ И ВЪ СРЕДНІЕ ВѢКИ..... 231.

ЗАМѢЧАТЕЛЬНѢЙШІЯ ЦЕРКВИ ВЪ ЛІОНѢ.

Видъ съ башни церкви Фурвьерь. Святыня Ліона—образъ Благодатной Маріи. Оброчныя картины. Церковь Св. Ирипея: подземелье съ костями мучениковъ Христіанъ; колодезь съ слѣдами мученической крови. Лобное мѣсто. Церковь Св. Юста: каноники съ титуломъ бароновъ; золотыя папскія розы. Кафедральная церковь Св. Іоанна Крестителя; придѣлъ, высеченный изъ одной массы камня; часы съ примѣчательною металлическою; два креста—памятники мнимаго соединенія Греческой церкви съ Латинскою; хоръ пѣвчихъ, по образцу Константинопольскаго демественнаго; каноники съ титуломъ графовъ Ліонскихъ; употребленіе митры, заимствованное изъ Греческаго облаченія..... 237.

ЛЮНЬ....

Улица Св. Елены. Площадь Людовика Великаго. Больница. Публичная библиотека. Площади Целестинская, Якобинская и Терро. Ратуша. Театръ. Набережная Сенклеръ. Мосты Моранъ, Гильотерскій и Сен-Жанъ..... 254.

ПРОДОЛЖЕНИЕ.

Постепенное возвышеніе Люнской торговли. Поселеніе Италианцевъ. Евреи. Ярмарки. Фабрики. Модные магазины. Лабораторія г. Реймонда. Баржа. Депо иностранныхъ товаровъ. Матеріалы, получаемые изъ соседнихъ департаментовъ. Число жителей..... 268.

УВЕСЕЛИТЕЛЬНЫЯ МѢСТА и ЗРѢЛИЩА.

Городской садъ. Воздухоплавательница г-жа Гарнерель. Бульваръ Русскія горы. Театры..... 280.

СТАРИННЫЕ ПРАЗДНИКИ ВЪ ЛЮНѢ.

Пятидесятница; Св. Дювсия; крестный ходъ на рыкъ Саонъ; поездъ бумажной лошади. Гимнастика и игрыца на островѣ Ильбарбъ..... 285.

ЛЮНСКІЙ МУЗЕЙ.

Памятники Римскіе и среднихъ вѣковъ. Картины мертвой природы и историческія. Люнская школа живописи и ваянія. 291.

КАБИНЕТЪ ДРЕВНОСТЕЙ.

Различіе между трудами педантовъ и истинно ученыхъ мужей. Египетскіе памятники. Вліяніе иносказательной, героическо-религіозной реаліи на порчу вкуса въ художественныхъ произведеніяхъ. Памятники Греческіе и Римскіе; Гальскіе и Эльвенныхъ народовъ. Достопримѣчательности: бронзовый Индусскій храмъ; Сенегальскій фетишъ; Египетская мумія; барельефъ Suovetaurilia; мозаики. Собраніе медалей. Двъ мѣдныхъ доски съ вырѣзанною на нихъ рѣчью Императора Клавдія. 315.

VIII

Стран.

ГРЕНОБЛЬ, 1823 года, Октября...

Церковь Св. Лаврентія въ подземельи. Колоссальная статуя
Баярда. Библиотека. Картичная галлерей. Кабинетъ натураль-
ной исторіи ..... 338.

ПРОДОЛЖЕНІЕ.

Положеніе и окрестности Гренобля. Воспоминаніе о встрѣ-
чѣ, сдѣланной гражданами Гренобля Наполеону въ 1815 году.
Вліяніе политическихъ партій на народъ ..... 349.

ШАМБЕРИ, 1823 года, Октября ..... 357.

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ ТИРОЛѢ.

ЗАЛЬЦБУРГЪ, 1823 года $\frac{26 \text{ Мая.}}{7 \text{ Июня.}}$

Живописныя виды города. Великолепное восхождение солнца
изъ за горы. Публичныя памятники. Ворота съ колоннами,
прогуляенныя сквозь гору.

Въ Зальцбургъ пріѣхали мы ночью. Въ
пять часовъ утра я открылъ глаза мои
для того, чтобъ удивляться величію и бла-
госшию Бога въ изищныхъ Его твореніяхъ.
Спою за правомъ берегу съ шумомъ клубя-
щейся Зальцы и смошрю на громады зданій,
на высокіе кресны церкви, на длинную го-
ру, извивающуюся въ видѣ серпа вокругъ
города. Цѣлые ряды дикихъ ущесовъ висятъ

Часть II

1

надъ улицами и грозятъ имъ спрашнымъ паденіемъ; цѣлые ряды домовъ презируютъ угрозы каменныхъ скалъ и подпираютъ ихъ, подобно баснословнымъ Апланшамъ, носившимъ на раменахъ своихъ небо. На самомъ высокомъ хребту горы сповитъ древній замокъ, смопрился въ зеркало рѣки и поднимаетъ къ облакамъ зубчатныя, покрытыя мохомъ свои башни. — Выхожу черезъ новыя ворота за городъ и жалю, что я не живописецъ. На широкой и длинной долинь расположены узорчатые цвѣпники, бѣлые домики и дикіе, дымящіяся шуманомъ, утесы. На впоромъ планѣ лянется гора, защищающая и скрывающая съ прехъ споронъ городъ. Подъ нею разсѣяны дома; надъ нею висятъ бесѣдки, дремяють пополи, мелькають кресты церквей и возвышается замокъ. На прешьемъ планѣ расходящіяся двѣ оплогія и высокія горы съ зелеными рощами. Черезъ нихъ и между ними смопряшь убѣденные снѣгомъ Шпирійскіе исполины; изъ за нихъ проглянулъ исполинъ небесный — увѣчанное лучами солнце, гомовое проходитъ пупъ свой опъ востока къ западу.

Какое чудесное смѣшеніе красокъ и яркихъ красокъ! Какой быстрый переливъ чувствъ сладостныхъ и высочайхъ. Одна и таже природа, въ одинъ и тѣже мгновенія, являясь и дикою и украшенною, и прелестною и величественною, обворождаетъ сердце и потрясаетъ душу.

Зальцбургъ достоинъ вниманія по живописному мѣстоположенію, по произведеніямъ искусства и по испоріи. Рѣка Зальца разделяетъ его на двѣ половины; на правомъ берегу еще видны слѣды спрашнаго пожара, опустошившаго здѣсь за нѣсколько лѣтъ цѣлыя улицы. Недалеко отъ Ливецкихъ воротъ чешыре каменные льва сперегуль большой круглый водомеръ.—На лѣвомъ берегу среди главной площади стоитъ на гранитномъ подмостіи мраморная группа Божіей Матери. Надежда, опирающаяся на якорь,—Вѣра, поднимающая крестъ, и Архиспрашгъ, поражающій невѣріе, представлены въ красивыхъ положеніяхъ и съ приличною выразительностію. Подлѣ площади находится готическая башня съ многосложною часовою машиною, которая приходитъ

*

въ движеніе при наспуленіи дня и въ полдень. На противоположной сторонѣ лежатъ большое зданіе коллегіи и принадлежащая къ ней красивая церковь съ колоннадою. Водомешъ подлѣ новыхъ ворошъ украшенъ группою небольшихъ бронзовыхъ спашуй; посреди ихъ—спавшій на дыбы конь, поддерживаемый въ равновѣсіи посредствомъ падающаго съ него ковра. Новая вороша можно назвать исполнскимъ произведеніемъ. Они прорублены сквозь каменную гору и имѣютъ въ длину около 10 сажень, съ выполированными стѣнами и искусными сводами. Съ вѣшной стороны высѣлены также изъ горы двѣ высокія колонны въ видѣ обелисковъ. Надъ аркою поставлена мраморная спашуя архіепископа Зальцбургскаго и примаса имперіи Сигисмунда. Ни въ какомъ Австрійскомъ городѣ не видалъ я проще и приличіе той надписи, которая находится надъ этими ворошами со стороны внутренней: „Te saxa loquuntur; тебѣ повѣдаютъ скалы.“

Въ гостиницѣ N. показывается вышканная на коврѣ копія найденнаго въ Зальцбургѣ

и вапшаго въ Вѣну Римскаго мозаика. Коверъ, хошя и въ маломъ видѣ, сохраняеть всѣ краски и пѣны подлинника. Кромѣ лицъ, изображенныхъ по сторонамъ картины, доспойна пригъчанія лодка съ двумя бѣлыми и съ двумя черными людьми.

АНТЕНЬ,

ДЕРЕВНЯ ПРЯ ПОДОШВЪ АЛЬПЙСКИХЪ ГОРЪ.

Рейхенгалльская ключевая соль. Осадка соли чрезъ испарение, изобретенная Гаспаромъ Селеромъ. Освальдъ Шуберъ, творецъ плана для поднятя и проведеня соленой воды чрезъ горы 198 саженой высоты. Исполнитель сего плана Райхенштуль. Колеса Бадера и столбовой насосъ Рейхенбаха. Количество добываемой ключевой соли. Подземелье соляныхъ источниковъ. Водопроводъ сквозь гору Шлотбергъ.

Отъ Зальцбурга начинающя цѣпи Норійскихъ или Ретійскихъ Альповъ. Проведенная между ними дорога идееть по черезполоснымъ владѣнїямъ Авспрїйской имперїи и

Базарскаго королевства. Передъ городкомъ Рейхенгалемъ, принадлежащимъ Баваріи, успроены превосходныя машины для выдѣлыванія ключевой соли; за Рейхенгалемъ вспрѣчаются соленыя фонтаны и насосы, чудесное произведеніе мовой гидравлики. Ключевая соль, гонимая какъ бы волшебною силою, бѣжитъ сквозь трубы на вершину огромныхъ горъ; и опшуда проводится въ Розентеймъ распояніемъ на оснадцашъ миль. Не доспойна ли вѣнца безсмертія на великая глава, въ кошорой родилась гыгантская мысль эпого изобрѣшенія, сполько благодарѣтельнаго для цѣлыхъ народовъ?

Баварскіе писатели хопягъ доказашъ, что адѣшніе соленые ключи извѣсны были еще Римлянамъ. Моженъ быль они основываюгъ догадки свои на шомъ, что эпои цѣии горъ сосшавлялш часпъ Норикш, провинціи Римской, и находились почти подѣ самой дороги, проведенной Римлянами опъ моста Эискаго, (ропз Оепі) нынѣшняго Инспрука, до Юравы или Туваріи (Югаві, Туваріа), гдѣ нынѣ Зальцбургъ. Впрочемъ Римскіе испорикш и напуралиспы нигдѣ не го-

ворятъ о сихъ ключахъ. Да и въ первой разѣ упоминается объ нихъ только въ лѣтописяхъ осьмага столѣтія. Рейхенгалъ назывался сначала Галемъ: *Halla majog*; но въ средніе вѣки, по причинѣ избытка въ соли, назвали его богатымъ *Reichen*. Не смотря на это обиліе и избытокъ, выдѣлка соли очень незначительна была для Баваріи до того времени, пока не нашли средства дѣлать осадку чрезъ испареніе. За симъ изобрѣщеніемъ, принадлежащимъ *Гаспару Селеру*, слѣдовало другое, гораздо важнѣйшее. По причинѣ недоставки дровъ, въ началѣ семнадцатаго столѣтія начали думать объ опивденіи соленыхъ ключей въ такое мѣсто, которое бы было окружено лѣсами. Природа полагала въ окрестностяхъ тысячу препятствій. Никто не смѣлъ съ нею сражаться; одинъ *Освальдъ Шуффъ* рѣшился побѣдить ее. Въ 1613 году онъ доказалъ возможность поднять воду на горы, проспирающіяся въ высоту на 423 мепра или 198 сажень, и потомъ провеспи ее въ Трауншпейнъ, лежащій въ осьми миляхъ отъ Рейхенгала и выше сего послѣдняго города 158 мепрами.

(около 65 сажень). Исполнение этого слагаго плана немедленно поручено было искусному механику *Рейфенштулю*, который и построилъ въ разныхъ мѣстахъ водоемы, повѣсилъ колеса и провелъ шрубы. Въ послѣдствіи времени, въ усовершенствованіи этихъ машинъ участвовали многіе механики, и въ особенности *Бадерб.* На пр. построенное имъ колесо въ Фагахъ (*Fages*), имѣющее въ поперешникѣ 18 фушовъ, поднимаетъ въ верхъ на 189 фушовъ (27 сажень) въ одинъ сушакъ 12,880 кубическихъ фушовъ соляной воды. А другое его же колесо въ Зебрюгль поднимаетъ также въ сушки 14,520 кубич. фушовъ на высоту 229 фушовъ (32 саж. 5 фуш.). Первое дѣлаетъ въ минуту шесть, а послѣднее только пять оборотовъ. Самый простой и совершенный механизмъ устроенъ въ Нессельграбенѣ нынѣшнимъ механикомъ *Рейхенбахомъ*; изобрѣшенный имъ сполбовый насосъ (*La pompe à colonnes*) поднимаетъ однимъ разомъ соляную воду на 475 фушовъ (67 саж. 6 фуш.) перпендикулярной высоты. Неимоверная сила, приводящая въ движеніе такой огромный водный сполбъ,

почти вся соспоспгъ въ пресной водѣ, проведенной сюда нарочно и падающей съ вышины 140 фушовъ.

Въ Рейхенгалѣ счищается двадцать соляныхъ ключей, изъ копорыхъ одинъ самый изобильный называется *щедрыиъ* (Die guaden quelle). Всѣ вмѣстѣ даютъ они среднимъ числомъ 14,374,800 кубическихъ фушовъ. Для измѣренія количества соли, находящейся въ водѣ, и количества воды поднимаемой, есть машина особенная, изобрѣшенная Бадеромъ и названная гидромерпрографомъ опъ шрехъ Греческихъ словъ, означающихъ водомѣръ. Подъ Рейхенгалемъ есть большое подземелье, въ копоромъ соединяются всѣ соляные источники. Оно имѣетъ очень хорошия своды, построенные при курфирспѣ Карлѣ Теодорѣ въ 1769 году. Для опвода всѣхъ пресныхъ водъ опъ соляныхъ, проведенъ тѣмъ же курфирспомъ чрезъ Рейхенгалъ другой подземельный водопроводъ. Онъ идетъ съвозъ просѣченную для него нарочно гору Шлопбергъ и недалеко опъ города впадаетъ въ рѣку Солу.—Короче скажашъ, исторія Рейхен-

гдѣ естъ исторія великихъ усилій ума те-
ловѣческаго.

ТИРОЛЬСКІЯ АЛПЫ, $\frac{27 \text{ Мая.}}{8 \text{ Іюня.}}$

ТИРОЛЬСКІЕ МУЗЫКАНТЫ. ПЕРВАЯ НОЧЬ ВЪ ГОРАХЪ. ТИРОЛЬСКІЯ
АЛПЫ СЪ КАРТИНАМИ ВСѢХЪ ЧЕТЫРЕХЪ ВРЕМЕНЪ ГОДА. ОЧАРОВА-
ТЕЛЬНЫЕ ВИДЫ И ВМѢСТОЕ ИХЪ ПРЕВРАЩЕНІЕ. ЖИВОПИСНОЕ ПОЛО-
ЖЕНІЕ РАТТЕНБУРГА И ШВАЦА. ВНУТРЕННЕЕ БОГАТСТВО ГОРЪ.
ЗЕМЛЕУДОБРЕНІЕ НА УТЕСАХЪ. ИНСБРУКСКАЯ ДОЛИНА.

26 числа Мая вечеромъ мы оспановились
для перемѣны лошадей въ Ведрингъ, неболь-
шой деревнѣ, лежащей между двумя горными
хребтами. Черезъ минушу явились передъ
нашею карешою два молодыхъ кресстьянина,
одинъ съ кларнешомъ, другой съ скрыпкою,
и одна женщина съ арфою въ рукахъ. Послѣ
громкой и бѣглой прелюди. Сафо запѣла пѣс-
ню; тихіе звуки музыкальныхъ орудій сопро-
вождали заунывный ея голосъ. За каждыиъ

кольномъ слѣдовала быстрая кипермедіа; за каждую кипермедіею снова продолжала пѣвица свой романсъ. Наконецъ музыка ушла; женщина низо намъ поклонилась; музыканты приподняли широкія свои шляпы, обвязанныя зелеными лентами, и скрылись. Нужно ли сказывать, что мы уже въ Тироля и что эта романтическая сцена есть привѣщившіе горныхъ жителей путешественникамъ.

Мы проѣхали каменные ворота, служившіе прежде границею Тироля и разрушенные въ 1809 году Французами. Черныя тучи скрыли опть взора послѣднюю полосу неба, копорая просширалась надъ нашими головами. Огни мелькали въ хижинахъ, разсѣянныхъ вокругъ дороги и на утесахъ. Порывистый вѣсперь вылъ на долинахъ и волновалъ бѣлые туманы на вершинѣ Альповъ.

Есть какое-то близкое и пайное отношеніе между нами и предметами, насъ окружающими. Угрюмая природа располагаетъ и нашу душу къ мрачнымъ мечтамъ. Я вопрошалъ эти грозные утесы о вѣкахъ прошедшихъ, — о народахъ, копорые мимо ихъ про-

шли и скрылись со сцены міра, одни съ шумомъ, другіе съ тишиною. Я искалъ какаго-то сходства между Тиродемъ и землею Локлинцевъ. Мнѣ казалось, я слышалъ арфы бардовъ, поющихъ опцвѣвшую славу своихъ предковъ, передъ развалинами замковъ и при ревъ бушующихъ вѣтровъ.... Легкій сонъ продолжалъ мечты моего воображенія; такъ какъ и легкое пробужденіе служило только продолженіемъ моихъ сновидѣній.

Наконецъ забѣлелось утро. Вообразите длинныя цѣпи высокихъ горъ, спянуціяся по обѣимъ сторонамъ дороги. Густыя туманы поднимались съ Альповъ и образовали двѣ длинныя гряды облаковъ; сѣрыя облака сходили къ Альпамъ и вились вокругъ хребтовъ въ видѣ тумановъ. Вообразите вершины горъ, увѣчанныя снѣгомъ и льдами, — пригорки и холмы, опоясанные зелеными рощами, — долины, испещренныя цвѣтами и покрытыя плодоносными деревьями. Вообразите себѣ золошой вѣкъ, когда въ одно и тоже время зима укрѣпляла холодомъ распѣнія, лѣто волновало поля жашвою, осень

румянила плоды деревьевъ, весна разливала ароматы въ воздухъ: шакова карпина Тироля! Какъ въ калейдоскопъ, съ каждымъ его движеніемъ, мѣняющіяся узоры; одни разрушающіяся, другіе строящіяся: такъ съ каждымъ поворотомъ нашего длижняка представлялись намъ новые, очаровательные виды. Казалось, что мы перенесены были въ міръ волшебный, гдѣ, по одному мановенію существа невидимаго, спланировались передъ нами грозные ущелья, усѣченные могущественною рукою; возспавали горы болѣе или менѣе дикія; разспланивались долины болѣе или менѣе обширныя. Зрѣніе не успѣвало слѣдовать за всѣми превращеніями природы. Оспавляя одинъ видъ съ сожалѣніемъ, мы стремились къ другому съ неперѣнѣніемъ и любопытствомъ. Вниманіе наше было въ безпреспанной дѣятельности и въ безпрерывномъ разспяннн.

Пасмурное утро придавало видѣннымъ нами карпинамъ какую-то мрачность и дикость; но мало по малу солнце пробилось сквозь тучи, разогнало облака и представило намъ во всемъ великолѣпн прекрасный

видъ и окрестности *Rappenburga*. Два грозные утеса съ высокими башнями разступились какъ бы нарочно для того, чтобы защищать лежащій между ними небольшой городокъ. Въ лѣвую сторону горы поднимаются на гору амфишешпромъ; съ правой стороны вьется вокругъ его шумный Иннъ. За рѣкою простирается обширный лугъ, зелѣютъ рощи, бѣлѣются озера; на холмахъ спускаются монастыри и разсыяны деревни.

За Ропшенбургомъ мы встрѣтили вдуртъ при замкѣ. Время разрушило ихъ швердыни и занесло крапивою валы и помосты. Оди только шахматные гербы, сослѣдствіе изъ красныхъ и бѣлыхъ квадраповъ, сохранились еще на стѣнахъ, какъ памятники шцеславія и суешности древнихъ ихъ владѣльцевъ. Ряды горъ, подлѣ котлорыхъ идешь дорога въ Швацъ, грозятъ путешественнику своимъ паденіемъ, и въ поже время очаровываютъ взоръ самою дикостію. На утесахъ поднимаются церкви; надъ пропастями висятъ домики; по крутизнамъ ниспущены перловые ручейки. Природа являешся адѣсь поэтомъ. Она украсила берега Инна всѣми

предѣсьями, которыми разсѣяны въ разныхъ мѣстахъ земнаго шара; и какъ бы слѣдуя имъ же непреложнымъ законамъ вкуса, которыми участь художниковъ, сокрыла подъ блестящею наружносною карпизнъ множество полезныхъ произведеній. Всѣ эти горы носятъ въ нѣдрахъ своихъ желѣзо, мѣдь и чугуны. Фалькенштейнъ изобилуетъ серебромъ; Сальцбургъ наполненъ солью. Горные жители сражаются здѣсь съ самою природою и шоржествуютъ надъ ней среди дѣбрей. Они оросили попоками мѣсна безводныя, покрыли жашвою дикіе камни и провели по гранишнымъ скаламъ лужайки. Вездѣ видны слѣды шрудолубія и шерпѣнія. Земледѣецъ поетъ пѣсни на краю пропастей; шучныя коровы и дерзкія козы гремятъ колокольчиками надъ шпреминнами.

За Галежъ (Halla ad Oenip), знаменитымъ своими соляными заводами, начинается обширная и длинная равнина, защищаемая съ шрехъ сторонъ горами. Быстрый Иннъ пересѣкаетъ ее на двѣ половины, поворачивая и вапя съ яростію бурныя свои волны ошъ запада къ востоку. На правомъ его берегу

сплояпть ряды спройныхъ шополей и вьюп-ся узорами сады, цвѣпники и бульвары. Изъ за нихъ опкрываепся мало по малу *Инспрукъ*, сполнца, доспойная Тироля.

ИНСПРУКЪ, $\frac{28 \text{ Мая.}}{9 \text{ Июня.}}$

Внутренность города. Ратуша. Триумфальные ворота въ Нейштатъ. Конная статуя Эри-Герцога Леопольда. Колонна 1705 года. Понезунтская церковь; Альбрехтъ Дюреръ. Францисканская церковь; гробница Императора Максимилиана I; 24 бронзовыхъ колоссальныхъ статуй и 25 меньшаго размера; серебряный приделъ.

Внутренность *Инспрука* имѣетъ характеръ, отличающій его отъ прочихъ городовъ. Высокіе и устьянные окнами дома его кажутся совершенно раскрытыми; а на плоскихъ крышахъ проведены вездѣ деревянные галлерей или мосты, по копорымъ можно переходить изъ одной части города въ другую, наслаждаясь всѣми окрестными видами.

Испрукъ богатъ памянниками разныхъ вѣковъ и художествъ. *Городская Ратуша*, называемая замкомъ Фридриха IV, достопримѣчательна тѣмъ, что богатая крыша ея состоитъ изъ бронзовыхъ черепицъ, покрытыхъ золотомъ; а передняя стѣна расписана, во вкусъ Тирольскомъ, многими историческими и аллегорическими фигурами. *Триумфальная ворота въ Нейштадтѣ*, хотя и небольшія, могутъ занять одно изъ почетныхъ мѣстъ между произведеніями этого рода. Онѣ сооружены изъ краснавапаго Тирольскаго мрамора извѣстнымъ Австрийскимъ художникомъ Валпаазомъ Модемъ; состоятъ изъ трехъ арокъ, украшены колоннами Ионическаго ордена и покрыты прекрасными медальонами. Усердіе гражданъ посвятило ихъ поржественному вѣду Императора Франца I и его супругъ Маріи Терезіи въ 1765 году, по случаю бракосочетанія сына ихъ Леопольда II, Герцога Тосканскаго.

Внутренняя спорона, называемая печальною, представляетъ внезапную смерть Императора. Здѣсь невольно вспоминаешь обыкновение древнихъ, которые заславляли одного

Часть II.

2

изъ рабовъ говорить, во время самаго торжества, увѣчанному лаврами герою: *temento torg!* Обыкновеніе болѣе уже не существуетъ; а неутомимая владычица смертныхъ ходитъ, какъ и прежде, за геролми и срынаетъ самихъ царей съ ихъ торжественныхъ колесницъ. Между многими лицами, изображенными въ медальонахъ, достойны примѣчанія Марія Анпуанетта, бывшая королевою Французскою, — Марія Христина, прославленная рѣзцомъ Кановы, и Эрцгерцогъ Леопольдъ съ своею супругою, Испанскою инфаншиною Луизою. Близна всѣхъ сихъ круговъ, изваянныхъ изъ Карарскаго мрамора, оплывъ ихъ на красноватыхъ спѣнахъ, соразмѣрность арокъ и красота чертежей составляютъ пріятную для взора гармонию. Однимъ словомъ, эти торжественныя ворота ведутъ и достойны весми въ Италію, опичишу искусство и художество.

Императорскій дворецъ окруженъ бульварами и лежитъ при въѣздѣ въ городъ со стороны Галля. Наружность его опичаеися только двумя небольшими башенками; да и внутренность ничего не имѣетъ достопрі-

мѣчательнаго, кромѣ залы великановъ, представляющей на стѣнахъ и на потолкѣ подвиги Геркулеса. На большой площади, простирающейся передъ фасадомъ, стоитъ маленькая конная статуя Эрцгерцога Леопольда, вылитая изъ бронзы въ 1797 году Тиральцемъ Реймгершомъ. Художникъ вѣро-янно хотѣлъ подражать Фальконешу,—Пиндару вавилонскаго искусства; но восковыя крылья его распаяли и онъ оставилъ одно только свое имя на берегахъ Инна. Тучная лошадь его, спавшая на дыбы, не имѣетъ ни красены, ни гибкости, ни огня. Кромѣ того, ивъ каменья, произведенія высокаго искусства могутъ быть представляемы только или въ колоссальномъ видѣ или въ миниатюрѣ; средний размѣръ или натуральная величина не должны имѣть здѣсь мѣста. Если же художникъ опиважится еще дасть высокому предмету такую мѣру, которая меньше самой природы; но онъ можетъ ожидать отъ зрителя или смѣха или негодованія: въ такомъ случаѣ и гордый конь подъ всадникомъ не что иное есть, какъ только козель подъ пигмеемъ.

Колонна въ новомъ городѣ есть памятникъ освобожденія города отъ вторженія Баварцевъ и Французовъ въ 1703 году. Она сооружена при года спуспя послѣ сей войны Христофоромъ Бенедешпи, украшена группою статуей и посвящена Пророчицѣ Аннѣ, въ день которой совершилось избавленіе.

Церкви здѣшнія красивы, богаты и пышны. Въ нѣкопрыхъ находяпся серебряные олпари, въ другихъ опличныя карпины Тирольскихъ, Нѣмецкихъ и Италіанскихъ живописцевъ. *Соборная* (Св. Іакова) построена вся изъ Тирольскаго мрамора; въ *Гезуитской* есть очень хорѣшій занреспольный образъ, предспавляющій обрученіе Св. Дѣвы Маріи. Полагаюптъ, что онъ писанъ Рубенсомъ, или однимъ изъ художниковъ его школы. Впрочемъ нельзя ничего сказать рѣшительнаго о достоинстввахъ этой карпины, которая поставлена слишкомъ высоко, освѣщена очень худо и загромождена столбами олпая. Въ одномъ изъ придѣловъ сей же церкви находится голова Спасителя въ перивомъ вѣнцѣ, писанная опцемъ Нѣмцкой

школы *Албертольд Дюрерольд* въ 1515 году, съ слѣдующими Лашинскими стихами:

„*Non patat in lacrimis proprioque in sanguine Christus!*

„*Non mihi qui sicors aspicio haec oculis!*“

„Увы мнѣ! Христокъ плаваесть въ слезахъ и въ собственнѣй кровѣ; а я смопрю на него немоченными глазами!“—Спаситель предспавленъ, какъ кажеиця, спяцимъ въ шемницѣ, едва оспѣщаемой дневнымъ свѣтомъ. Въ чертахъ лица и во взорѣ его видны Божественная важность и величественное спокойствіе при спраданихъ. Я не знаю, можно ли Рафаэлю, не унижая его славы, дать названіе Дюрера Ипаліянскаго; но крайней мѣрѣ не боюсь назвать Дюрера Рафаэлемъ Нѣмецкимъ. Онъ не имѣеть конечно ни творческаго воображенія, ни смѣлаго полета своего соперника; но правильность чертежа, сила и выразительность составляютъ характеръ его кисти. Дюреръ не учился у Перуджина; одна природа была для него учителемъ и Аполлономъ; — природа, соскучившая бездѣйствіемъ ума человеческого, произвела въ одно время двухъ гениевъ,

на югъ и на сѣверъ, чтобы они пробудили
вѣки, спавшіе въ невѣжествѣ, и показали
Европѣ прелестную зарю художествъ. Ра-
фаэль былъ Гомеромъ живописи; Дюрера мо-
жно назвать ея Гезіодомъ.

Самая достопримѣчательная церковь въ
Испругѣ есть *Францисканская*. Врата ея
какъ бы ведутъ въ храмъ исторіи. Въ одно
мгновеніе вы переноситесь за нѣсколько вѣ-
ковъ назадъ; и спомните передъ блестящими
сонмомъ королей, рыцарей и королевъ. По-
среди храма возвышается огромная и вели-
чавѣйшая изъ чернаго мрамора *гробница* съ
бронзовою спангую *Императора Максими-
лиана I*. Смиранный видъ его показываетъ,
что онъ не повелѣваетъ уже болѣе народомъ;
но, оставая земля, опходитъ къ Верхов-
ному Царю и Судіи царей. Двадцать чепыре
барельефа изъ бѣлаго Карарскаго мрамора,
по сторонамъ саркофага, изображаютъ его
подвиги земные; а чепыре лика богослов-
скихъ добродѣтелей, вышпые изъ бронзы,
поставлены по угламъ какъ бы для того,
чтобы проповѣдывать концамъ вселенной
о его Христіанскихъ доблестяхъ. По спо-

романъ сего мавзолея и вдоль церкви тя-
нулись два ряда колоссальныхъ статуи. Чи-
сло ихъ простирается до двадцати четы-
рехъ; и сверхъ того чепыре сползъ передъ
главными олшаремъ. Всѣ онѣ вылиты изъ
бронзы; взяты изъ разныхъ вѣмовъ и
спранъ; изображены въ приличныхъ по-
женіяхъ, въ одеждахъ своего времени, и оду-
шевлены реальными чувствами. Это сейде-
ларей, рассуждающихъ о благоденствіи вѣ-
рныхъ ихъ Промыслемъ народовъ; или
сонитъ рыцарей, гонимыхъ подиашъ знамя
Крестна на невѣрныхъ. Самыя королевы при-
шли сюда какъ бы для того, чинобы сло-
жили здѣсь высокой своей санъ и посвя-
тили себя смиренному званію сестръ милосердія. Обширность храма, два ряда мра-
ворныхъ колоннъ, высокіе своды и падаю-
щій съ верху пускмый и какъ бы пани-
спивенный свѣтъ окружающъ эту группу
новымъ величіемъ.

Между историческими лицами достойными
здѣсь примѣчанія Теодорикъ, король Готте-
скій; Филиппъ Добрый, первый король Ис-
панскій; Фердинандъ V, названный Камоли-

чекимъ за изгнаніе Мавровъ изъ Испаніи,— знаменитый Аршуръ, король Англійскій и Рудольфъ, патріархъ Австрійскаго дома. Кловисъ, первый изъ Христіанскихъ королей Французскихъ, представленъ съ гордымъ взглядомъ и съ важною осанкою. Албертъ мудрый, герцогъ Австрійскій, вооруженный копьемъ и съ опущеннымъ забраломъ, вышупаешь уже на поединокъ или на поле сраженія. Шишаки всѣхъ эпическихъ рыцарей составляютъ опдѣльную часть и могутъ легко быть сняты съ головы ихъ; такъ какъ и самыя забрала опускаются и поднимаются, по произволу зрителей. Между сонмомъ героевъ сіюють прелести королевы Бланки, второй супруги Императора Максимилиана. Нѣсколько далѣе стоить его сестра Кунигунда, знаменитая своими добродѣтелями и цѣломудріемъ. Она не могла пережить своего супруга Алберта, герцога Баварскаго, и въ цвѣтѣ лѣтъ погребла себя въ спѣнахъ монастыря Кармелитскаго. Распущенные ея волосы вьются небрежно по плечамъ и падаютъ на грудь; въ рукахъ ея книга; глаза полны мыслей. Кажется, она

употребляешь усилія забыть эпошю неблагодарный міръ, которому она служила опрадою и кошорый обманулъ всѣ ея надежды.

На ряду съ добродѣтелями лепшь поспавила здѣсь и образъ Маргариты Маулпахъ, послѣдней графини Тирольской. О какъ жалки народы, которые въ уничиженіи своемъ принуждены богопворишь сильныхъ злодѣевъ даже и послѣ смерти ихъ! Какой примѣръ соблазна для нравственности! Но лепшь и рабство слабы передъ голосомъ исторіи. Памятниками безстыдства и гнуснаго вкуса Маулпахъ оспались еще барельефы и гербы на стѣнахъ ея замка въ Галль; и неліцепріятное попомство смотришь уже на ея спашую, какъ на идолъ и идеаль развраша. Художникъ, занимаясь ея изваяніемъ, хощѣлъ вѣрояшно подражать природѣ и неумышленно изобразилъ испину. Природа постушила весьма справедливо, наполнивъ глаза сей женщины сладоспрасіемъ и давъ устамъ ея выраженіе вожделенія.

Недоспапокъ всей эпош группы соспоипть большею частію въ слишкомъ правиль-

комъ ея расположеніи; но художники, по видному, не имѣли намѣренія соединить эти лица ни какими общими отношеніемъ; и занимаясь каждымъ отдѣльно, совсѣмъ не думали о еоспавленіи поэмы.

На хорахъ виллжескихъ, поддерживаемыхъ рядами колоннъ, находящаяся еще двадцать три статуи меньшаго размѣра. Онѣ представляютъ лики Святыхъ и также выплпы изъ бронзы. Какъ первыя, такъ и послѣднія работы большею частію въ пятинадцатомъ и шестнадцатомъ вѣкѣ художниками Геддегъ, Ленденшпрейхомъ, Лефмеромъ и Зесслшрейберомъ. А изъ двадцати чепырехъ барельефовъ, которыми украшена Максимилианова гробница, самыя лучшія принадлежатъ Знаменитому ваятелю Александру Колину.

Въ такъ называемомъ, *серебряномъ придѣлѣ* достойны примѣчанія гробницы Фердинанда II и его супруги съ мозаическими гербами, работанныя, какъ думаютъ, также Колиномъ. На одной изъ мраморныхъ досокъ представленъ Фердинандъ одѣтымъ въ броню, вооруженнымъ и сплщившимъ

на кольцахъ. Глубокая задумчивость, въ которую онъ погруженъ, даетъ чертамъ его особенную значительность. Въ серебряномъ ошарѣ блисало прежде все серебромъ и драгоценными камнями. Между прочимъ нѣсколько было золотыхъ спанужъ, принесенныхъ въ даръ Марією Терезією (въ 1741 году); но, во время войны съ Французами, въ 1809 году Австрійцы ошправили всѣ эти сокровища въ Вѣну.

Физическій кабинетъ и библіотека. Петръ Линхъ, пастухъ-астрономъ.

Вмѣстѣ съ Іезуитами, выгнанными изъ Инспрука въ 1782 году, какъ бы удалались ошсюда и самыя музы. Ошъ университета, основаннаго въ 1675 году Императоромъ Леопольдомъ I, ошлалось одно только зданіе съ физическимъ кабинетомъ и библіотекою.

Здѣсь есть полное собраніе машинъ и инструментовъ изобрѣшенныхъ Тирольцами и употребляемыхъ въ Тироль; какъ то модели мѣльницъ, колошленъ, печекъ, машинъ рудоконныхъ и гидравлическихъ. Между прочимъ достойны примѣчанія астрономическіе часы, устроенные Вѣнскихъ механикомъ Авреліемъ въ прошедшемъ столѣтіи и подаренные Императрицею Марією Терезією. Они имѣють 19 стрѣлокъ, играютъ семь штукъ и заводятся одинъ разъ въ мѣсяцъ. Кабинетъ натуральной исторіи состоитъ большею частию изъ минераловъ и окаменѣлостей Тирольскихъ. При немъ находилась собраніе Римскихъ монетъ, множество кристалльных и агатовыхъ вазъ, нѣсколько драгоценныхъ камней съ рѣзбою и двѣ деревянные головы, работанныя знаменитымъ Албертомъ Дюреромъ, который въ одно и тоже время былъ живописцемъ, ваятелемъ и рѣзчикомъ.

Публичная здѣшняя библіотека, подаренная университету Марією Терезією, принадлежала прежде замку Амбрасскому. Она содержитъ теперь около 40,000 книгъ, нѣсколько любопытныхъ рукописей Греческихъ,

Латинскихъ и Тиролевскихъ. Достоинъ замѣчанія одинъ прекрасный экземпляръ Матіола, коего фигуры всѣ раскрашены серебромъ. Между прочимъ показывають здѣсь за рѣдкость два глобуса, работанные Тиролевскимъ крестьяниномъ Анихомъ, подробную карту Тироля, ить самимъ снятую, и нѣсколько его манускриптовъ.

Петръ Анихъ принадлежитъ къ числу людей необыкновенныхъ, хотя пруды и нид его до сихъ поръ еще мало извѣсны въ Европѣ. Онъ родился въ 1723 году въ деревнѣ Оберберфуллъ, въ двухъ миляхъ отъ Инсбрука, и провелъ юныя лѣта безъ образованія, будучи принужденъ водить на пажити малое стадо ошца своего. Душа его, рожденная къ чрезвычайной дѣятельности, шемилась отъ празности и усыпленія. Онъ искалъ для себя занятій и видѣлъ одно только небо, прешертое надъ родными его горами, въ видѣ шапиръ великолѣпнаго. Туда началъ онъ устремлять и взоры и мысли. Красота небесной пверди, усѣянной звѣздами, среди тишины и безмолвія ночей, была вдохновеніемъ для порывовъ его генія. Онъ

удивлялся необъятному разнообразію сѣтлпиль небесныхъ; и въ тоже время замѣчалъ единообразіе въ ихъ движеніяхъ. Мало по малу онъ составилъ собственныи кругъ вѣлпшій о періодическомъ ихъ теченіи; сдѣлалъ нѣсколько грубыхъ орудій для черченія своихъ наблюденій; и не знаа, что уже давно существоуютъ астрономіа, хотѣлъ самъ маобръснн еа слаою своего творческаго ума. Одиаъ счаслпвыи и незаппый случай опкрылъ Аннху новое поприще. Приходскій священникъ, перебиралъ омажды его чертежи, пораженъ былъ удивленіемъ и присовѣщывалъ ему немедленно ипымъ въ университетъ въ Іезуитамъ. Аннху было въ то время уже двадцать восемь лѣтъ. Онъ явлася въ Инспрукъ и съ пастушескою простотою распранквалъ проходящихъ о мѣстопребываніи того пашера, который сконрнлъ на звѣады. Іезуиты пашерь вспрѣннлъ наспуха съ улыбною; но послѣ крапной бесѣды улыбка его обрапнлася въ взумленіе. Онъ увидѣлъ передъ собою новаго Фалеса, удивлялся его оспроумію и обѣщался бышь ему руководителемъ. Но бѣдныи Аннхъ, будучи

принужденъ кипать себя трудами рукъ своихъ, шесть дней долженъ былъ работать для своего содержанія; и одинъ только седьмой день могъ посвящать Богу и наукамъ. Не смотря на столь малые промежутки времени, въ 1756 году онъ поспроилъ уже глобусъ небесный, а въ 1759 окончилъ и земной глобусъ. Сія успѣхи его служили ему поощреніемъ къ предпріятію новому и весьма важному. Онъ рѣшился снять подробную карту Тироля; и Австрія увидѣла вскорѣ чудо, которому едва могли вѣрять. Одинъ бѣдный паспухъ, безъ денегъ, безъ надлежащихъ инструментовъ и съ пособіемъ только своего родственника Блеза Гюбера, въ весьма короткое время окончилъ такую работу, которая требуетъ соединенныхъ усилий цѣлаго общества и значительныхъ издержекъ государственныхъ. Дѣло конечно невѣроятное и необыкновенное; но Аникъ, какъ и прежде, оставался безъ награды и почти безъ куска хлѣба. Наконецъ невниманіе правительства къ полезнымъ трудамъ его, истощеніе силъ онъ чрезмѣрной дѣятельности,—бѣдность, принудившая его про-

дасть испружены физическіе, и горести, съ какою онъ съ ними расстаался, свели его прежде времени въ могилу. Таковы пули испытанія, предписываемые судьбою великимъ людямъ! Анихъ умеръ, какъ и жилъ, въ незавѣспности; и, кромѣ Блеза Гюебера, никто не оросилъ слезами его гробницы.

Учаспъ этого необыкновеннаго человекъ во многихъ отношеніяхъ похожа на жребій нашего Ломоносова. Оба родились почти въ одно время и въ равной долѣ; оба слѣдовали внушеніямъ одной общей ихъ матери, природы; обомъ сопущивовали нужда и бѣднотсп: но Ломоносовъ въ спранахъ сѣвера, копорый въ Европѣ почитали еще необразованнымъ, былъ взысканъ и осыпанъ милостпами крошкой Елисаветы; а Анихъ среди народа, гордившагося просвѣщеніемъ, и при шакомъ правленіи, копорое славилось мудростпію, умеръ жертвою бѣднотсп и суроваго рока.

При дворѣ Вѣнскомъ, кажешся, сумиѣвались о сущеспвованіи генія - паспуха еще и въ шо время, когда онъ уже не сущеспвовалъ. Только при года спустя послѣ его

смерти, Императрица Марія Терезія повелѣла учредитьъ въ честь его шоржесшвенный и великолѣпный поминъ;—награда поздняя и суешная, кошпорою правительствво хотѣло, безъ сомнѣнїя, не столько починить памянь усопшаго, сколько оправданъ себя передъ спрогимъ судомъ потомства.

Скромный и бѣдный паспухъ, во время жизни своей, не былъ удостоенъ вниманїя сибаритовъ, ушопавшихъ въ нѣгъ и роскоши; а послѣ смерти его, гордящся имъ и дворъ и нація (*).

(*) Карта его, напечатанная въ 1804 году въ Вѣнѣ, служила потомъ моделью карты, изданной при Наполеонѣ военнымъ Парижскимъ депю.

ОКРЕСТНОСТИ ИНСПРУКА.

Водопадъ Зилль. Амбрасскій замокъ. Монастырь Вилтау;
СЕРЕБРЯНЫЙ СОСУДЪ, ПАМЯТНИКЪ ДРЕВНЯГО ОБРЯДА ПРИЧАЩЕНІЯ
СЪ ТАНЦЪ ПОДЪ ДВУМА ВИДАМИ.

Изъ окрестностей Инспрука достоинъ примѣчанія водопадъ, находящійся отъ города на одну четверть мили. Цѣлая рѣка *Зилль* низвергается съ шумомъ съ значительной высоты, бѣшетъ пѣнисными буграми и обращается въ спончайшую пыль. Недалеко отъ него стоить на зеленомъ пригоркѣ замокъ Амбрасскій, окруженный обширными и прекрасными видами. Собраніе рыцарскихъ броней и оружія, основанное здѣсь Эрцгерцогомъ Фердинандомъ, перенесено теперь въ загородный Люксембургскій дворецъ Австрійскаго Императора. Въ числѣ рѣдкостей, копорыми обладаетъ здѣш-

няя библіотека, обращаешъ вниманіе одинъ древній пребникъ, украшенный арабесками и миниатюрными изображеніями. Между прочимъ предспавленъ въ немъ Іоаннъ Гуссъ на эшафонѣ; нѣсколько ниже Лапинскій гимнъ, начинающійся слѣдующими словами: „Gloriosi Martyris Ioannis Huss etc.“

Неподалеку отъ замка находится монастырь Вилшау, получившій названіе свое, какъ думаютъ, отъ Римской колоніи Viltina или Uelddena, копорой слѣды видны еще во многихъ найденныхъ здѣсь надписяхъ. Въ церкви монастыря хранился одинъ весьма любопытный серебряный сосудъ, вырытый изъ земли въ 1304 году. Полагаютъ, что онъ употреблялся при совершеніи пайной вечера и принадлежалъ тому времени, когда еще католическіе міряне причащались Св. пайнъ подъ двумя видами. Епископъ Юнфкирхенскій Георгій Драсковичъ предспавлялъ его собору Тридентинскому съ намѣреніемъ возобновить древній обрядъ Евхаристіи, доселѣ свято хранимый въ нашей Воспочной церкви.

ПАМЯТЬ ГОФЕРА.

Сегодня мы были въ другой разъ въ церкви Св. Крестна, называемой придворною и Францисканскою. Между тѣмъ какъ переходилъ я опть одного колосса къ другому и оспанавливался передъ великолѣпною гробницею Максимилиана, одинъ шрогашельный обрядъ креспьянъ Тирольскихъ привлекъ все мое вниманіе. Всѣ приходящіе, спарики и юноши, брали горстію подлѣ дверей благословенную воду; приближались одинъ за другимъ къ углу храма; совершали возліаніе на помоспъ съ шпроскрапнымъ наклоненіемъ головы, и скрывались съ радоспію на лицѣ, подобно людямъ, получившимъ разрѣшеніе опть эпипиміи. Любопытство заспавило меня узнать причину этого рѣдкаго и общенароднаго жершвоприношенія; мнѣ опвѣ-

чали, что подъ этимъ камнемъ покои-
ся Андрей Гоферъ. Гоферъ, щипъ, честь и
слава своего опечесства! Какія высокія и
мрачныя воспоминанія!....

Въ 1809 году, когда упоенный гордостью
Наполеонъ хотѣлъ располагать жребіемъ
Тироля по видамъ своего неасыпнаго вла-
столюбія, въ пишинѣ долинь и въ глуши
ущелій возспалъ незапно страшный кара-
шель насилія и смѣлый поборникъ припѣ-
няемыхъ. Содержатель бѣдной госпитальницы,
не знаменимый ни родомъ, ни званіемъ, но
белокій душою, окружилъ себя горными жи-
телями и, сверкая мечемъ, звалъ ихъ на
кровавый пиръ смерти. О, какъ сильно въ
народѣ чувство независимости и привязан-
ности къ обычаямъ и правленію его пред-
ковъ! Голосъ героя раздался опъ одного
края Тироля до другаго, вливая мужество
въ робкихъ и дерзновеніе въ храбрыхъ. До-
лины воспринули, лѣса ожили, горы одѣлись
лучами. Знамя народнаго вождя было зна-
менемъ побѣды. Полки росли незапно во-
кругъ его. Храбрые падали, на ихъ мѣсто
спановились неустрашимые. Дѣши мспили

за опцевъ, матери за дѣшей, жены за супруговъ. Они падали въ глубокихъ оврагахъ; вырывались изъ темныхъ пещеръ; бросали на непріятеля цѣлыя скалы и утесы, по одному мановенію сопровождаемого ужасомъ ихъ полководца. Таковъ былъ Гоферъ!

Не измѣнила ему слава, измѣнило счастье. Онъ въ плѣну; и здѣсь - по исторіи должна изобразить кровавыми чертами шоржество насилія. Гофера судили и распрѣляли! По паденіи Наполеономъ, бранные останки его перевезены изъ Италіи въ Инспрукъ и положены въ церкви Святаго Креста, на ряду съ плѣнами древнихъ государей и героевъ.

Крапокъ былъ вѣкъ мужа великаго; но память его живешь на горахъ и прахъ его долго будешь свящиться въ храмѣ. — При имени Гофера сильно бьется сердце въ Тирольцахъ. Когда мы вышли на долину, проспирающуюся при подошвѣ Иселя, гдѣ въ 1809 году 12 Апрѣля происходило сраженіе между крещьянами и Баварскимъ войскомъ; нашъ проводникъ, принимая видъ и шонъ важный, говорилъ намъ: „здѣсь мы напали

быстро, бились храбро и спояли спѣною; а шамъ,“ указывая на противоположную сторону, „по повелѣнію нашего вождя, въ одно и позже время, съ вершины горы высыпали наши братья, какъ вчелы, бросились въ городъ, заняли мостъ, смяли Баварцевъ и принудили весь корпусъ ихъ къ сдачѣ.“

Мы вездѣ встрѣчали порпребъ Гофера. Онъ опирается на саблю, одѣтъ въ гусарской мундиръ, имѣетъ красную черезъ плечо ленту. Черная борода, правильныя черты лица и огонь въ глазахъ даютъ ему благородство и важность. Золотая медаль, кошорую онъ получилъ опъ правительствва, хранился въ гостинницѣ Золотого орла и показывается всѣмъ путешественникамъ. Императоръ возвелъ его съ семействомъ въ дворянское достоинство, а испорія поспавилъ его на ряду съ Миниными и Пожарскими.

ТИРОЛЬ, 1823 года Июня....

Общество живописцевъ для снятія Тирольскихъ видовъ. Роскошь и дикость береговъ Инна. Рыцарскіе замки. Сцены Тирольской ночи. Обычай строить дома съ плоскими крышами и расписывать наружность стѣнъ картинами. Чувство путешественника при возвращеніи изъ горныхъ мѣстъ въ равнины. Любовь Тирольцевъ къ родинѣ; ихъ павожность; суевѣріе; гостепримство. Веселый нравъ Тирольцевъ; гортапное пѣніе; собственнаго ихъ изобретенія музыкальные инструменты; національная пляска.

Пѣсня пастушки. Наряды мужчинъ и женщинъ.

Говорятъ, что въ Италіи составляется общество живописцевъ для снятія лучшихъ видовъ Тирольскихъ. Если это справедливо, то мы скоро увидимъ въ лицахъ всѣ Ренійскія и Норійскія Альпы; намъ прудно выбирать чтонибудь лучшее, гдѣ нѣтъ почти ничего посредственнаго. Тироль, въ нѣкопоромъ смыслѣ, есть картинная галлеря

самой природы, которая, по видимому, хотѣла поспавить здѣсь всѣ изысканные ландшафты и разлишь по нимъ свѣтъ со всѣми постепенными его тѣнями.

На длинной и широкой долинѣ Иниской юная весна являеца съ пышностію, съ великолѣпіемъ и съ торжественностію. Роскошные берега Инна улыбаются; прозрачные ручейки играютъ и журчатъ по пучнымъ лугамъ. На холмахъ разсыяны домики; вокругъ ихъ цвѣтутъ плодовые деревья, зеленѣютъ виноградники, или волнуется пшеница и сарачинское пшено. Можно подумать, что жипели эпои обѣщанной спраны не орутъ и не сѣютъ, а, подобно пшпцамъ небеснымъ, собираютъ плоды уже гошовой, нарочно для нихъ повсюду разбросанные; но чѣмъ далѣе къ западу, тѣмъ мѣста спановятся суровѣе, предметы величественнѣе. Здѣсь надобно уже сражаться съ природою и какъ бы силою опинимать у нее учаспокъ земли для нивы, для хупора и для дороги. Мимо васъ идутъ высокіе утесы; надъ головою висятъ кремнистыя скалы; передъ вами ле-

жасть громады цѣлыхъ горъ, упавшихъ опть
вешхоспи или опть землетрясенія; подлѣ васъ
зіяють бездны, омыаемыя шумнымъ попо-
комъ и усѣянныя оспрыми камнями. На
страшныхъ подоблачныхъ крупизнахъ спо-
ясть древніе замки, — памяшники варварспва
и невѣжеспва, гордые въ самыхъ развали-
нахъ. Голпическія башни поросли мохомъ; по
зубчатымъ стѣнамъ вьется крапива и въ
опуспошенныхъ галлеряхъ воесть одинокой
вѣперъ. Самое попомспво, неумолимое въ
приговорахъ своихъ, кажешся, проспшло
звѣрспву жившихъ здѣсь ширановъ, предавъ
забвенію имена ихъ.

Тирольская ночь представляешъ новыя
каршины съ новыми ужасами. Среди непро-
ницаемаго мрака ничего не видно, кромѣ уз-
кой полосы неба, проспирающейся надъ го-
ловою. Въ хижинахъ, разсѣянныхъ по хол-
мамъ, и въ паспушыхъ шалашахъ, висящихъ
надъ спремнинами, мелькають изрѣдка огни
блѣдные и синевапые. Вокругъ васъ цар-
спвуешъ глубокая пишина, прерываемая
только звонкими колокольчиками бродящихъ

по крупизнамъ коровъ (*), или шумомъ низвергающихся съ горъ водопадовъ, или глухими гуломъ бушующаго, какъ бы въ адѣ, Инна, роющаго основанія горъ и гошоваго поглощенія въ своихъ волнахъ неоспорожнаго путешественника (**). Посреди этого мрачнаго безмолвія вдругъ раздается веселая труба почпаліона, извѣщающая о приближеніи къ почповому дому; тысячи опголосковъ повторяють ея звуки въ ущеліяхъ горныхъ и вливають какъ бы новую жизнь въ душу, обремененную бездѣйствіемъ и дремотою.

Тироль вмѣщаетъ въ себѣ почти всѣ произведенія сѣвера и юга. На горахъ дремлютъ кудрявыя сосны и ели; на долинахъ цвѣтутъ миндаль, виноградъ и гранаты. Царство ископаемыхъ изобилуетъ здѣсь мѣдью, желѣзомъ, мраморомъ, яшмою и агашомъ. Для предохраненія отъ вихрей, кошорые бушуютъ очень часто по направленію

(*) Въ Тироль привязываютъ къ шеямъ коровъ колокольчики.

(**) Недалеко отъ Ландека, за недѣлю до нашего путешествія, сорвалась почтовая коляска въ Иннъ и въ одну минуту исчезла съ паромъ лошадей и съ почтою. Къ счастью, курьеръ шелъ пешкомъ, а извозчикъ успѣлъ спрыгнуть.

Инна, Адига и Ейзаха, строятъ здѣсь крыши домовъ плоскія и кладутъ на нихъ множество камней. Къ спраннымъ Тирольскаго вкуса принадлежатъ въ особенности то, что наружность домовъ почти всегда расписана картинами или иконами; а что еще удивительнѣе, часто подлѣ пракширной вывѣски, подлѣ буфалокъ и спакановъ, пѣнящихся виномъ, изображена Мадонна или святыя папроны.

Съ переменною высокою жѣспа переменяются здѣсь климатъ и атмосфера. Въ глубинѣ ущелій мы дышали знойнымъ воздухомъ; а на вершинѣ горы, послѣ прехъ часовъ путешесствія, вдругъ окружило насъ облако и скрыло опть взора солнце и небо. Проѣхавъ черезъ узкой деревянный мостъ, подлѣ которымъ зіяла бездна и раздавался глухой гулъ бушующаго потока, мы начали спускашся въ равнину. Неперпѣніе наше обратилось въ воспоргъ, когда мы снова увидѣли проспранныя поля и обширныя долины; казалось, мы вдругъ переселились изъ чуждаго намъ міра въ нашъ собспвенной. Это можешъ служишь доказательствомъ,

что душа наша не въ состояніи переносить продолжительнаго на нее дѣйствія высокихъ предметовъ, и что послѣ сильныхъ поприсеній ей нужны покой и отдыхъ.

Прежде нежели оспавлю совѣтъ Тироль, скажу нѣсколько словъ и о характерѣ горныхъ жителей. Нѣтъ сомнѣнія, что изученіе склонностей и привычекъ народныхъ требуетъ долгаго времени и глубокихъ наблюденій; со всѣмъ тѣмъ, вспрѣчаяючися очень часто въ народѣ такія черты, которыя съ перваго взгляда поражаютъ путешественниковъ. Тирольцы, сколько я могъ замѣтить, имѣютъ всѣ добродѣтели, свойственныя народамъ, еще не совсѣмъ распавшимся съ первоначальною ихъ мшерію, природою. Любовь къ независимости можно назвать господствующимъ ихъ чувствомъ. Они никогда не будутъ завоевателями, и не хотѣтъ знать, что за ихъ горами есть міръ со всѣми выгодами жизни; но и никогда не снесутъ чуждаго ига и рабства. Эти разсѣянные по дѣбрямъ и долинамъ кресты, памятники войны 1809 года, скажутъ потомкамъ о великихъ пожертвованіяхъ ихъ

предковъ. Въ мѣстечкѣ Св. Іоанна одна могила скрываетъ семерыхъ брашневъ, которые сражались вѣдшѣ и пали одинъ подлѣ другаго. Въ пылу битвы они забыли и женъ и младенцевъ дѣшей, помня объ одномъ опечесствѣ и чести.

Тирольцы ошлѣчаются паяже и набожностью. Въ храмахъ Инспрука вы увидите съ утра до вечера шарцевъ, женъ и дѣвицъ, просшерныхъ при подножіи олшарей; и въ самыхъ домахъ моленіе соспавляетъ одну изъ первыхъ ихъ обязанностей. Какое прогашельное зрѣлище, когда послѣ шумной вечери десяшь или пятнадцашъ работниковъ госпинницы спановялся на колѣна и съ наклоненною головою, съ сложенными руками, слушающъ молитву, чишаемую вслухъ начальникомъ семейства! — Тирольцы, подобно всѣмъ католикамъ, слишкомъ привязаны къ вещеспвеннымъ названіямъ, дѣйствующимъ на чувства. За первую спанцію отъ Инспрука къ Ландеку ешь гора съ лѣспницею, прообразующая путь къ небу или духовный Іерусалимъ. Олшари, поставленные на успунахъ, пред-

спавляющъ Виелеемъ, Голгоѳу, Ѳаворъ и шакъ далѣе.

Набожность безъ образованія обращается въ суевѣріе, а Тирольцы суевѣрны до легкомыслія. Въ 1799 году нашла плуча на деревню Абсамъ, опшюящую на полмили отъ Галля. Послѣ сильнаго удара увидѣли на оконницѣ одного дома образъ Божіей Машери, писанный на стеклѣ, и потчасъ распустили слухъ, что будто бы онъ сошелъ съ неба вмѣстѣ съ молніею и громомъ. Толпы Христіанъ сняли его со спавия и понесли съ шоржеспвомъ въ церковь. Ни увѣщанія священника, ни благоразумныя мѣры Тріенскаго Епископа не могли вывеспи черни изъ заблужденія, и найденная икона скоро сдѣлалась извѣсною въ окрестностяхъ.

Тирольцы вѣряшъ снамъ, гаданіямъ и волшебспвамъ. Есть цѣлые дома, брошенныя и запущенныя подъ шѣмъ предлогомъ, что они обипаемы духами. Робкое легковѣріе ходишъ мимо ихъ съ шрепетомъ, ограждая себя креспомъ и молишвою.

Тирольцы славяшъ геспепрімспвомъ. Путешеспвенникъ найдешъ въ горныхъ хи-

жизняхъ убѣжище оупъ суровости спихій и покой оупъ успалости. Слѣды безкорыстія видны еще въ самыхъ гостинницахъ. Какъ скоро проиграешъ труба почталіона, молодая женщина или дѣвушка бѣжитъ на встрѣчу къ каретѣ, принимаетъ гостей съ оипровенною улыбкою и осыпаетъ ихъ ласками, какъ бы давно уже ей знакомыхъ.

Я не видалъ почти ни одного суроваго Тирольца. Мнѣ кажется, они поютъ, пляшутъ и въ радостяхъ и въ горестяхъ. Пѣсни Тирольцевъ извѣсны всей Европѣ; но въ Тиролѣ онѣ имѣютъ какую-то особенную прелестъ. Горный жипель впорилтъ переливамъ своего голоса игрою горла, похожею на игру духоваго инструмента. Жанъ Жакъ Руссо, а съ нимъ и другіе ученые искали причину эпой необыкновенной способности въ климатѣ, во вліяніи воздуха, въ привычкѣ переключаться на горахъ, въ необходимости громко разговаривать при шумѣ полоковъ; но господа ученые забыли только одно, что эта способность приобрѣщается подражаніемъ природѣ и что вся тайна гармоніи состоитъ въ искусствѣ повпорять голосомъ

пѣсню? Если бы ты былъ другомъ сердца моего, спалъ ли бы ты убѣгать отъ моего друга!“

„Въ мѣстахъ пустынныхъ, гдѣ волнуется наши жашвы безъ призражня, звѣроловца ищеть себя убѣжища. Глупой! поперявъ дорогу жизни, онъ надѣется еще найти себя убѣжище въ мѣстахъ пустынныхъ! Говоряшь, что любовь не есть доброе чувство. Смотри на себя, я этому не вѣрю. Если любовь есть злое чувство, для чего же шаекъ мнѣ приятно смотрѣть на себя?“

„Паспухъ! блаженство обихаетъ въ одномъ швомъ шалашѣ. Вдали отъ міра, котораго тебя не знаешь, слѣдуи сладостнымъ влеченіямъ природы и наслаждайся свободою.“

„Милый другъ! удовольствіе зоветь тебя; пользуйся минушою. Знаешь ли, какъ быспроулепають отъ насъ радости? Не бойся же ничего; наказываютъ ли боги за невинное удовольствіе?“

Природа дала Тирольцамъ спройный спанъ, а упражненія дѣлають ихъ ловкими. Обыкновенная одежда муштинъ соспоинтъ въ куржѣ.

Кожаный ихъ поясъ застегивается специальной или мѣдною пряжкой; широкая шляпа обвязана зеленою лентою и украшена перьями. Зеленый цвѣтъ есть самый употребительный и національный; а число перьевъ означаетъ, какъ мнѣ сказывали, число побѣдъ, одержанныхъ въ борьбѣ, въ бѣганіи и другихъ гимнастическихъ играхъ. Женскіе костюмы и безобразны и превосходны. Спартанская женщина есть ходячій аякикъ съ большимъ колпакомъ и съ огромными фишками; но рядомъ съ нею вы увидите молодую девушку,—не прекрасную, но милую,—не богато, но со вкусомъ убранную. Бѣлый или черный бархатный корсетъ спягивается зеленую юбочку и обхватываетъ круглую грудь. Русые волосы, заплѣненные въ косу, обвязаны зеленою лентою; или, завитые въ локоны, падаютъ изъ подъ черной мужской шляпы и спелются во бѣлой шеѣ. Круглая мужская шляпа черного пуху бросаетъ пріятную, свѣтлую тѣнь на щекъ, покрытыхъ румянцемъ.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ВЪ ШВЕЙЦАРІИ,

1823 года Іюня $\frac{1}{15}$.

Мы пріѣхали въ Фельдкирхъ ночью, оставили здѣсь дилижансъ и выѣхали въ почтовой коляскѣ, при восхожденіи солнца. Городъ сей лежитъ на правомъ берегу Рейна и опворяетъ входъ изъ Швейцаріи въ область Форальбергъ, а опшуда черезъ гору Арлебергъ въ самый Тироль. Такое положеніе его, весьма важное въ военномъ отношеніи, неоднократно давало поводъ воюющимъ державамъ къ кровопролитнымъ сраженіямъ, изъ которыхъ самое жестокое происходило въ Маршѣ 1799 года между Французами и Австрійцами. Окрестности Фельдкирха напоминаютъ также наблюдателямъ природы о великихъ превращеніяхъ, совершившихся

въ эпоху часпи земнаго шара. Передъ вос-
точными его вершинами поднялся два ряда
холмовъ, въ родѣ нарочно построенныхъ
земляныхъ укрѣпленій. Разбросанныя на рав-
нинахъ пригорки, имѣющія видъ огромныхъ
кургановъ, какъ бы опорваны оныя Альповъ.
Бока многихъ горъ, то покатыя, то ош-
вѣсныя, то нагіе, то покрытые дерномъ,
или увѣчаные развалинами рыцарскихъ
замковъ, — представляють взору картины
разнообразныя, игривыя и красивые. Далѣе
развертывается широкая и горизонтальная
долина Рейнпаль, урѣвненная разливіями
Рейна; за нею слышеть озеро Констанцкое,
подобное великолѣпному зеркалу, отражаю-
щему берега Германіи и Швейцаріи Рейнъ,
Аахенъ и Брегенцъ, впадающіе въ него съ
юговосточной стороны, заволокли песками
заливъ, упоминаемый Амміаномъ Марцелли-
номъ, писателемъ четвертаго столѣтія, и
подвинули берегъ внизъ почти на четыре
версты. Если въ теченіи четырнадцати вѣ-
ковъ могли произойти столь важныя пере-
вороты; то можно предполагать, что Кон-
станцкое озеро восходило прежде въ верхъ

на нѣсколько миль и покрывало водами своими, можешь быть, всю долину Рейнпаль.

Лишь только мы взопли на ушлый плоть, который долженъ былъ нести насъ по зыблнмъ валамъ бурнаго Рейна; товарищъ моего путешествія, докторъ Ж., прогнавъ руки къ противоположному берегу, заплъ извѣстный романсъ Швейцарскій: „O ma patrie! Toujours chérie!...“ Если не любовь къ отечеству, по крайней мѣрѣ поска по роднмъ оспаешся еще однимъ изъ главныхъ качествъ Швейцарцевъ. Я раздѣляю эти два чувства по тому, что первое изъ нихъ почитаю принадлежностію однихъ душъ благородныхъ и возвышенныхъ, а послѣднее слѣдствіемъ только привязанности къ мѣсту рожденія, — привязанности физической, свойственной равно Лапландцу, какъ и живелю очарованныхъ странъ южной Европы.

Наконецъ мы спусли на берегъ Швейцаріи, 1 Іюня въ 10 часовъ утра. Швейцаріи!.. Признаюсь, я не могъ быть равнодушнымъ, когда мой взоръ встрѣпилъ въ первый разъ эту землю, по многимъ отношеніямъ класси-

ческую, и когда разными воспоминаніями съ волшебными мечтами начинали пробуждаться въ душѣ моей. Къ сожалѣнію, это состояніе сладостнаго забвенія не долго продолжалось. Неумѣренныя восклицанія, забавныя иперболы и припворныя воспорги доктора Ж. разрушили мое очарованіе. Прежде всего бросился онъ обнимать меня и поздравлялъ съ какимъ-то высокимъ счастіемъ. Въ чемъ же состояло мое высокое счастье? Въ высокой чести путешествовать по Швейцаріи. Если вѣришь нашему панегиристу, эта спорона есть другой земной рай. Первенцемъ его былъ Вильгельмъ Тель, который не только не падалъ, но и никогда не сполыкался. Понюмки его всѣ безъ исключенія праведники. Въкъ ихъ золошой, жизнь папріархальная, нравы пасшущескіе. Особенно оплячаюпся они привѣпливостію, иростосердеціемъ, опкровенностію. Права ихъ—безаусловное равенство и совершенное брапство. — Красноричавый панегиристъ, хваля шанимъ образомъ свою опчиану, не пропуская случая унижать и бранить всѣ прочія націи. Однимъ словомъ, это шонъ нашихъ гувверноровъ.

и гувернаншокъ, которые прѣзжаютъ къ намъ для того, чтобы проклинаніе нашъ сѣверъ и выхваляя съ восторгомъ южныхъ комаровъ и мухъ, выспавляя ихъ намъ огромными слонами. Къ несчастію, и мы Русскіе такъ напуганы еще съ младенчества высокимъ просвѣщеніемъ эпитихъ заморскихъ пѣснуровъ, что очень часто и въ масленичной староспни спавимъ себѣ за грѣхъ ошсупишь въ чемъ нибудь опъ ихъ образа мыслей или усумнишь въ какомъ нибудь ихъ словѣ. И мое сердце готово было бы распопишь передъ жаркими доводами доктора Ж., если бы только при неожиданные случаи не уменьшили моего къ нему довѣрія. Три случая, достойные вниманія путешественниковъ.

1) Когда Г. докторъ описывалъ самыми вышними красками богатство Швейцарскихъ крестьянъ, уподобля каждый ихъ домъ Церрину рогу изобилія; тогда изъ эпитихъ роговъ изобилія безпрестанно выскакивали въ оборванныхъ плащяхъ мальчики и дѣвочки, и гонясь за нашею коляскою, просили у насъ милоспины жалобными воплями. Эпа музыка

преслѣдовала насъ и въ деревняхъ и въ полѣ; и до того вывела изъ шерпѣнія Г. докшора, что онъ принужденъ былъ защищаться хлыщикомъ отъ музыкантовъ.

2) Когда онъ Швейцарскихъ крестьянъ сравнивалъ съ помещиками другихъ націй, и доказывалъ, что у каждаго изъ нихъ есть по десяти и двадцати работниковъ; тогда сидѣвшій съ нами Гризонецъ, покачавъ головою, сказалъ ему: „видно, милоспивый государь, вы худо знаете Швейцарію; справедливо, что многіе изъ здѣшнихъ поселенъ окружены полнами хлопковъ: но кпощъ эти хлопны? Также Швейцарцы; только бездомные, безпріюпные, спраждающіе отъ монополіи своихъ брапій и осужденные во всю жизнь орошать ихъ поля своимъ потомъ.“

3) При перемѣнѣ лошадей въ Арбонѣ, сполько времени заспавили насъ дожидаться, что Г. докшоръ поперялъ наконецъ шерпѣніе и началъ кричать на извозчика. Послѣдній въ свою очередь до того разгорячился, что совсѣмъ заглушилъ перваго ревомъ своего голоса; а въ добавокъ засучилъ еще рукава и

началъ показывать ему кулаки. Послѣ нѣсколькихъ минутъ глубокаго молчанія доктора, я обратился къ нему съ вопросомъ: къ чему онъ относитъ этотъ поступокъ извощика? Къ просподушію или къ праву безусловнаго равенства? — „Къ праву равенства,“ отвѣчалъ онъ сердитымъ тономъ; „да, государь мой, къ праву равенства.“ Я пожалъ плечами и подумалъ: несчастна сторона, гдѣ надобно доказывать права своимъ кулаками!

„Скажу вамъ еще болѣе,“ продолжалъ нашъ выпіи; „здѣсь не смотрятъ на лица и не уважаютъ княжескихъ пипль; здѣсь тогъ князь, кто больше даетъ золота.“ Я вздохнулъ и подумалъ: жалокъ народъ, у котораго цѣнятъ шаланты и доспоминства по одному вѣсу золота!

Вопъ какія впечатлѣнія оставилъ во мнѣ первый день моего путешествія по Швейцаріи; они непріятны, по крайней мѣрѣ послужатъ мнѣ урокомъ для будущихъ наблюденій.

КОНСТАНЦЪ.

Протяжение озера; его внезапные приливы. Состояние судодводства. Воспоминание о Констанцкомъ соборѣ, созванномъ въ слѣдствіе церковныхъ распрій. Исчисленіе иностранцевъ разнаго званія, бывшихъ въ Констанцѣ въ продолженіе собора. Низверженіе трехъ самозванцевъ папѣ. Конклавъ или заключеніе кардиналовъ и провозглашеніе Графа Колонны папою. Созженіе на кострь Іоанна Гусса и Іеронима Прагскаго. Причины упадка торговли, промышленности и народонаселенія города.

Огромность водоема, проспирающагося въ длину отъ Брегенца до замка Бодмена на 70, и въ ширину отъ Рошаха до Лангенаргена на 20 верстѣ, хотя отдаленностію береговъ разрушаешь цѣлостъ и единство окружающихъ его ландшафтовъ, но въ тоже время даетъ каждому изъ нихъ въ особенностіи какою-то свѣжестъ и жизнь.

Озеро Конспанцкое есть самое низкое и самое глубокое изъ озеръ Швейцарскихъ. Около утесовъ Мерсбургскихъ, около острова Линдау и во многихъ другихъ мѣстахъ имѣетъ оно глубины до 299 сажень, а возвышенія надъ поверхностью моря 1085 футовъ. Во время водополюя, когда снѣга Альпійскіе начинаютъ растапливаться и превращаются въ потоки, оно поднимается обыкновенно на 8 футовъ; а иногда на 20 и даже на 24 фута, какъ случилось въ 1770 году. Внезапные приливы и опливы, являющіеся въ неопредѣленное время (извѣстные на Женевскомъ озерѣ подъ именемъ Seiches), не рѣдко замѣчаются на озерѣ Конспанцкомъ; напр. въ 1740 году 5 Февраля, въ продолженіе одного часа, вода поднималась и опускалась четыре раза, мѣрою на 2 фута. Причина этого явленія, называемаго здѣсь ругсомъ (rouhs), не смотря на всѣ предположенія ученыхъ, остается до сихъ поръ загадкою.

Пятнадцатое и шестнадцатое столѣтія были самыми благопріятными для судоходства озера Конспанцаго; но въ послѣдствіи времени упадокъ фабрикъ и значительное умень-

шеніе народонаселенія въ Констанцѣ, политическія отношенія Австріи къ Швейцаріи и Германіи и сверхъ того взаимное чужденіе окрестныхъ народовъ, получившихъ разные образы правленія,—поразили смертельнымъ ударомъ торговлю, промышленность и самую дѣятельность. Послѣдовавшее съ 1815 года размежеваніе владѣній, вновь ожидаемые пражпаншы между правительствами Нѣмецкими и Швейцаріею и построеніе пароходовъ, предпринимаемое разными обществами, можетъ быть, дадутъ снова движеніе судоходству, но едва ли возмогутъ привести его въ прежнее цвѣтущее состояніе.

Дорога опъ Рейнска до Констанца лежитъ по лѣвому берегу озера, и большею частію черезъ виноградники и поля, засѣяныя хлѣбомъ. *Констанцѣ* обязанъ основаніемъ и именемъ Императору Констанцію Хлору, а знаменитостію своею бывшему въ немъ собору. Въ концѣ четырнадцатаго и въ началѣ пятнадцатаго столѣтія церковь западная, какъ извѣстно, раздираема была внутренними распрями и междуособіями. Власть

папская въ то время достигла высочайшей и послѣдней степени своего могущества; нипшло намѣстника Божія и наслѣдника Апостольскаго прешло льспило людямъ кичливымъ; проишвенная пиара, сїавшая тогда на земль, какъ солнце на небѣ, — содѣлалась первымъ предметомъ недремнаго честолюбія духовныхъ сановниковъ. И такимъ образомъ явились въ одно время три лжепапы: Іоаннь XXIII, Григорій XII и Бенедиктъ XIII, вооружившіеся одинъ противъ другаго громами проклятій и церковнаго оплученія. Такіе ихъ поступки привели въ соблазнъ народъ и въ негодование самыя правительсва. Императоръ Сигисмундъ спарался пресѣчь зло и, послѣ предварительныхъ сношеній съ депутатами самозванцевъ папъ въ Лоди и въ Комахъ, рѣшилсѣ созвать въ Констанць вселенскій соборъ. Въ слѣдствіе его приглашенія, стеклись со всѣхъ сторонъ католическаго міра короли, принцы, герцоги, епископы, богословы, законовѣдцы, уполномоченные отъ монастырей и университетовъ, — изъ Италіи, Франціи, Испаніи, Германіи, Англіи, Даніи, Норвегіи,

Швецїи, Польши, Венгріи, и даже изъ Констанцинополя. Городъ Констанць, имѣвшій до того времени около 52,000 жителей, вдругъ увидѣлъ въ спѣнахъ своихъ до 100,000 иносѣранцевъ, въ числѣ которыхъ современные хроники считали 2,300 принцевъ и вельможъ, 18,000 прелатовъ, священниковъ и богослововъ, 1500 придворныхъ дамъ, 228 порфирныхъ, 300 брадобрѣевъ, 75 кандидеровъ, 44 аптеки и 80,000 людей разнаго званія съ 30,000 лошадей. Съ водвореніемъ такого множества иносѣранцевъ водворились разнаго рода увеселенія, роскошь и пышность.

Святыя опщы, водимыя болѣе видами властлюбія, нежели Христіанскимъ смиренномудріемъ, многое начинали и ничего не оканчивали. Между тѣмъ Іоаннъ XXIII, видя близкое свое паденіе, хотѣлъ спасенія бѣгствомъ и, пойманный на дорогѣ, лишенъ былъ порожественно папскаго сана; въ слѣдъ за этимъ Григорій XII, спарецъ восьмидесяти-восьмилѣтній, сложилъ самъ съ себя піару; а для низверженія Бенедикта XIII, Императоръ отправлялся нарочно въ Испанію. Онъ посѣтилъ раннимъ образомъ

Францію и Англію, чтобы возстановить миръ между сими державами; а по возвращеніи изъ путешествія, которое продолжалось около 18 мѣсяцевъ, вознамѣрился спуститься къ рѣшительнымъ мѣрамъ и въ отношеніи собора.

Между тѣмъ какъ кардиналы и другіе избираемые члены спорили и шумѣли, Императоръ совсѣмъ неожиданно запираетъ ихъ въ залъ и приказываетъ объявить имъ, что они до тѣхъ поръ не выдутъ изъ заключенія, пока не согласятся въ избраніи папы. Несмотря на эти угрозы, избиратели продолжали еще нѣсколько времени упорствовать. Но привыкнувши къ нѣгѣ и изобилію, они поблѣдѣли передъ голодомъ, измощающимъ тѣло и скрежещущимъ зубами, по выраженію спихопворцевъ; и такимъ образомъ принуждены были провозгласить графа Колонну папою подъ именемъ Мартина V. Въ избираемой залѣ, уцѣлѣвшей до нашего времени, и увѣщанной теперь вооруженіями рыцарскими, показывающся два вѣшнихъ кресла, на которыхъ сидѣли Императоръ и новоизбранный папа; и между прочимъ одно

узкое опверстіе или окно, через которое подавали кардиналамъ узникамъ хлѣбъ и воду.

Такъ окончился Констанцкій соборъ, продолжавшійся съ 1414 до 1418 года,—не оспавившій никакого полезнаго слѣдствія для рода человѣческаго,—не объяснившій ни одной истины, важной для Христіанства; и желательнаго было бы, чпобъ по крайней мѣрѣ пакъ окончился. Но исторія и строгій судъ попомства не пройдутъ молчаніемъ спрашнаго вѣроломства, учиненнаго опцами собора и самимъ Императоромъ прошивъ двухъ бѣдныхъ богослововъ, Іоанна Гусса и Іеронима Прагскаго. Іоанкъ Гуссъ дерзнулъ вооружившись явно въ ученіи своемъ прошивъ злоупотребленій папы и капомческаго духовенства, распроспранявшихъ въ по время соблазна въ народѣ. Его позвали на соборъ какъ ерешика; онъ не явился. Самъ Императоръ поручился ему за его безопасность своимъ словомъ; и не замедлилъ измѣнить слову, дозволивъ въ своемъ присутствіи обвинить невиннаго, какъ преспуника, и сжечь его на кострѣ, какъ чудовище, заражающее учемъ своимъ землю и дыха-

ніемъ воздуха. Іеронимъ Прагскій, одинъ изъ ревностнѣйшихъ учениковъ Гусса, преперпѣлъ одинавую съ учинелемъ своимъ участь. Въ Констанцѣ показывающъ домъ, въ которомъ Гуссъ былъ скваченъ, пемницу, гдѣ онъ былъ заключенъ, — мѣсто въ соборной церкви, на которомъ онъ услышалъ роговій для себя приговоръ, — и грубый плащъ чернаго цвѣща, славшій съ плечь его въ шу минушу, когда разъяренныя преланы, изгоняя его изъ церкви щолчкомъ ноги, предавали въ руки городской справы.

Таковы были люди, изъ образъ мыслей и наскупки. Прошло чепыре вѣка; — и шо, что служило для нихъ предметомъ поруганій, свашпшися помомшвомъ; а на что они и взора не могли подяпш безъ глубокаго благоговѣнія, шо обращилось въ предметъ одного холоднаго любопытства. Такіе быспрыя перевороты мнѣній, совершающіеся въ столь короткое проспраншво времени, невольнo рождающъ въ душѣ мрачныя мысли о заблуденіяхъ и противорѣчіяхъ челоѣва.

Соборъ Констанцкій какъ бы изрекъ приговоръ паденія и самому городу, дополъ силь-

ному и цвѣтущему. Приливъ спа тысячь
иностранныхъ выпѣснилъ большую часть
гражданъ въ Санкт-Галленъ, въ Аппенцель и
другіе сосѣдственныя города. Выспѣ съ ни-
ми удалились навсегда фабрики, торговля и
промышленность. Вандалы Французскіе, во
время революціи, нанесли Констанцу послѣд-
ній ударъ, кошораго слѣды, повидимому, оспа-
нухся надолго неизгладимыми. Теперь счи-
таюхъ въ этомъ городѣ не болѣе двухъ ты-
сячъ жителей; дома опустѣли; на площадяхъ
мершвая лишина; большая часть улицъ по-
росла правою. Увѣряюхъ, что, при вторжен-
іи варваровъ запада, вождями ихъ въ гра-
бежѣ и несповспвахъ были жители города
Аппенцеля, ожесточенные враги Констанца.
Они назначали и дома для грабежа и граж-
данъ для насыщенія звѣрсства. Таковъ на-
пріоріизмъ и братскія отношенія Швейцар-
скихъ кантоновъ одного къ другому! (*)

(*) Констанць принадлежитъ великому Герцогству Баденскому; но по своему положенію, по происхожденію жителей и по вѣр-
нію епископа Констанцкаго на католическіе кантоны, онъ со-
стоитъ въ самыхъ тѣсныхъ сношеніяхъ съ Швейцарією.

РЕЙНСКІЙ ВОДОПАДЪ,

Іюня 2-го.

Природа положила на пути Рейна всѣ возможные препятствія, чтобы показать во всемъ блескѣ его всепреодоляющую силу. Еще версты за четыре до своего паденія, онъ находить дно, усѣянное острыми камнями; начинается яришься; бросаетъ волны въ верхъ и въ кремнистые берега, которые поспешенно суживаются и какъ бы силится схватъ его въ спремленіи. Наконецъ онъ встрѣчаетъ огромную каменную площадку и на ней четыре скалы, образующія вмѣстѣ съ берегами пять широкихъ ворошь; скачетъ съ ужасною яростію черезъ пороги, превращается весь въ пѣну и спремглавъ низвергается въ бездну. Это — адское горнило, въ которомъ расплавляющіяся алмазы, сверкающъ жемчуги, влокачешъ

серебро и крушится вечно-движущийся сѣтъ. Густое облако дыма волнуется надъ поверхностью; шокіе брыаги лепящъ на зеленые холмы; сильный гулъ несется въ опдаленныя окрестности. Таковъ *водопадъ Рейнскій!*

На правомъ берегу его успроена шабачная фабрика Нейгаузенская и нѣсколько выше лежатъ развалины замка, принадлежавшаго древней фамиліи Лауфенъ; на лѣвомъ берегу виситъ надъ самою рѣкою маленькій навильонъ *Фишецъ*, посѣщаемый обыкновенно пѣми изъ путешественниковъ, которые ходящъ видѣть водопадъ вблизи. Ширина его просширается на 450 фузовъ, а высота въ обыкновенное время оиъ 50 до 60, а въ водомомъ до 75 фузовъ.

Чтубы рѣшилъ вопросъ: всегда ли одинакова была высота водопада, для того нужно любопытнымъ осмопрѣшь долину Рейнскую около Брегенца. Какъ, по всему вѣрояшю, большая часть ея нѣкогда была покрыта озеромъ Конспанцкимъ; но можно предполагать, что прежде и озеро и Рейнъ были нѣсколькими саженими выше настоящей ихъ поверхности. Самые скалы,

споряція надъ водопадомъ и жарылыя съ зерку до низу водою, говорящъ о шомъ довольно ясно. Римскіе писатели не оставили намъ никакихъ измѣреній и даже никакого сочиненія о семъ величественномъ феноменѣ. Гораций сѣбѣся только надъ спихопворцами, покушавшимися описывать вообще теченіе Рейна и не успѣвшимъ въ своихъ предпріятіяхъ. Изъ этого видно, что природа открываетъ свои прелести однимъ только избраннымъ сынамъ своимъ, каковъ былъ Державинъ. Нашъ поэтъ списывалъ свою карпину, какъ бы съ Рейнскаго водопада; пѣже скалы, пѣже алмазы, пѣже яркость свѣта и пышность красокъ.

Пороги водопада отъ Фишеца къ мѣльницамъ Нейгаузенскимъ имѣютъ примѣнное склоненіе. Первая скала, спящая отъ лѣваго берегу въ 200 фунахъ, представляетъ видъ огромной головы на шонкѣ шеѣ и покрыта вся кустарникомъ. Вторая находится отъ первой на 50 футовъ и замѣчательна своею коническою формою; прерпыя и четвертая довольно широки, но низки. Всѣ эти скалы по положенію своему намушся

совсѣмъ неприступными: но что жоненъ быль неприступнымъ для дерзновеннаго племени Яфешова, которое, по словамъ Горация, въ глупой гордоспи своей гошово лѣзиль на небо. По крайней мѣрѣ мерѣдко случается, что во время убыли воды нѣкоторые изъ смѣльчаковъ, повѣривъ судьбу свою ушлой ладѣ и смѣясь надъ угрозами сопровождающей ихъ смерти, перенываютъ съ опьянностью весь кипящій адъ и пристають съ шоржеспвемъ ко вшорой скалѣ. За чѣмъ же? За нѣмъ, чтобы разорить гнѣда ишницъ, ищущихъ адѣсь безопаснаго убѣжища. За нѣсколько лѣтъ передъ симъ равѣвалось на этой скалѣ даже и знамя побѣдное, шодруженное ланими-ню пушешеспвенниками. Тутъ-ию бы Римскій шихошворецъ воскликнулъ: „дубомъ и шрехлишвенною нѣдью основана грудь ихъ!“

Осмелѣвъ водопадъ съ праваго берега, хопя и не съ самой выгодной точки зрѣннл, —мы пошли въ замокъ (Im Woerth), чтобы видѣннл еще оно великолѣпное зрѣлище въ камеръ-обскурѣ, ушроенной здѣсь однимъ Шафраузенскимъ живописцемъ. Дѣйшвіе сего

оптического орудія очаровательно. На блѣдомъ листѣ бумаги представляется весь движущійся водопадъ со всѣми своими красками. Клубящіеся надъ нимъ пары безпрестанно какъ бы выходятъ изъ гладкой поверхности и бросающася прямо въ лице и въ глаза.

Здѣсь вспрѣтали мы прехъ путешественниковъ разныхъ націй; сужденія ихъ о водопадѣ убѣдили насъ, что высокіе предметы природы также не чужды красоты, какъ и всѣ изящныя произведенія искусства; можемъ быть опъ того, что все изящное возбуждаетъ большую дѣятельность въ душѣ человѣка, нежели все обыкновенное.

Французъ, смотря въ окно, первый началъ: „что ни говорите, а я право ничего не нахожу здѣсь рѣдкаго.

Нѣмецъ. Рѣка льется черезъ плосину, какъ на мельницахъ, не производя никакого динамическаго дѣйствія.

Англичанинъ. Такъ вамъ кажется опъ того, что вы слишкомъ увлеклись воображеніемъ, которое обыкновенно все представляеть въ огромныхъ размѣрахъ.

Французъ. Дѣло идетъ не объ огромности, а о принадлежностяхъ, необходимыхъ для обспавки слишкомъ обнаженного ландшафта. Вонъ тамъ, напримѣръ, на лѣвомъ берегу, я посадилъ бы ряды дубовъ или плаучихъ ивъ.

Нѣмецъ. Я на правомъ берегу построилъ бы большой готической замокъ.

Англичанинъ. А я порубилъ бы ваши дубы и срылъ бы ваши замки.

Французъ. (громко смѣясь) Помилуйте, пощадите хоть сколько нибудь наши пруды.

Нѣмецъ. По вашему мнѣнію, природа не имѣетъ нужды въ украшеніяхъ.

Англичанинъ. Вы полкуете не о каршинѣ, а о рамѣ.

Нѣмецъ. А развѣ рамка бездѣлица? Развѣ не бросаетъ она на каршину совсѣмъ другаго свѣта и другихъ тѣней? . . . .

Между тѣмъ какъ наши эспешики продолжали спорить, солнце пробилось изъ за облаковъ, осыпало лучами водопадъ и поставило вокругъ его самыхъ яркихъ цвѣтовъ радуго. Нѣмецъ и Французъ бросились

къ окну, и безпрестанно повпоряли: *C'est sublime! C'est magnifique!*

Англичанинъ. Вопьъ вамъ и ранка; но жалуйте не поправляйте промзведеній природы и оспавьте ее дѣйствовань, какъ ей угодно. Повѣрьте, что она — самой лучшей пейзажиспъ и колориспъ изъ всѣхъ доселѣ извѣстныхъ.

КАЙЗЕРШТУЛЬ.

Любопытный путешественникъ. Басня о черномъ лѣсѣ. Святый Фридольдъ, первый проповѣдникъ вѣры во Христа въ Швейцарии.

Изъ Шафгаузена въ Баденъ одна дорога идешь чрезъ Цюрихъ, другая чрезъ маленький городъ Кайзершпультъ, лежащій на лѣвомъ берегу Рейна. Мы выбрали послѣднюю, какъ краивчайшую, хопя невымоцениую и самую безпокойную. Пока мы съ докпоромъ Ж-

ходили смопрѣшь водопадъ, карета наша, двигаясь черезъ холмы черепахою, закатала шоварница нашего путешествія Гривонца, ѣдущаго въ Базель по шорговымъ дѣламъ. Подъ гуломъ шумящаго Рейна онъ также сладко заснулъ, какъ пуспухи Виргиліевы и Геснеровы снали при журчаніи ручьевъ и при жуужаніи пчель. Мы думали, что Гривонецъ уже нѣсколько разъ посѣщалъ сей водопадъ; но, къ крайнему удивленію нашему, услышали, что онъ никогда его не видалъ и совсѣмъ неохотникъ до такихъ зрѣлищъ. Есть люди, какъ извѣстно, равнодушные къ живописи, къ музыкѣ, къ зодчесиву и вообще къ произведежіямъ изящныхъ искусствъ; притиною шому безъ сомнѣнія грубое усиліе органовъ, недоспашокъ чувствившельности и онисущствіе вкуса: но человекъ, при правильномъ зрѣніи, слѣпой для красоты природы, и при дарѣ чувствившельности, холодный къ высокимъ предметамъ, — по моему мнѣнію, есть такое явленіе, которое должно привесити въ зашрудненіе самыхъ ученыхъ искусствовъ. „Я совсѣмъ неохотникъ до такихъ зрѣлищъ“ живопись

шакъ говоришь? Гризонецъ, рожденный и выросшій среди самыхъ величественныхъ сценъ природы! Не ужели привычка къ красотама въ самомъ дѣлѣ убиваетъ въ душѣ чувство наслажденія изящностію? Если это справедливо; по мы, сыны сѣвера и полуночи,—мы, взлелеянные вьюгами на степяхъ, покрытыхъ снѣгомъ, но въ груди носящие пламень воспорговъ,—не должны нимало завидовать жителямъ жаркихъ странъ юга,—этимъ холоднымъ сибаритамъ, припушляющимъ органы свои съ самой юности.

Городокъ *Кайзерштуль*, въ которомъ переправились мы черезъ Рейнъ по вешкому деревянному мосту, достопримѣчательна одною только Римскою башнею, пережившею около оснадцати столѣтій. Пониже его остаются два другіе водопада или порога Рейнскіе, шакъ называемый *герный лѣсъ* и чепыре лѣсные города: Вальдсхупъ, Лауфенбургъ, Секингенъ и Рейнфельденъ. Нашъ вишуринъ (извощикъ), свѣдущій не только въ исторіи деревень и дорогъ, но даже и въ баснословіи своей опчизны, рассказалъ намъ повѣсть о черномъ лѣсѣ.

„Эпоптъ лѣсъ, по его словамъ, сотворенъ былъ, какъ и всѣ прочіе, зеленымъ. Но давно, очень давно, во времена незапамятныя, поселились въ немъ феи, сальфы и всякаго рода демоны. Лѣсъ попчасъ переимѣнилъ свой цвѣтъ; деревья и лисья сдѣлались чернѣ лица Египскаго. Между пѣмъ начался въ немъ шумъ и гамъ; а по ночамъ горючіе огни, пляски мершвецовъ и пиры духовъ. Людямъ въ эпоху споронъ было уже не въ мочь; демоны не давали пропуска ни конному, ни пѣшему; хватали и вспрѣчнаго и поперечнаго; таскали всѣхъ въ дебри, жарили ихъ на очагахъ и ѣли безъ всякихъ запѣй. Не зная, какъ избавишься отъ эпихъ безпкойныхъ сосѣдей, народъ началъ гонять въ лѣсъ спада воловъ и овецъ; жарилъ на поваль весь скопъ; и падалъ съ покорностію передъ дубами, въ кошорыхъ жили души (въропшно намекъ на времена друидовъ). Къ счастию, сюда прибылъ изъ за моря свяпый мужъ Фридогольдъ; и эпо случилось пакже во времена незапамятныя (Фридогольдъ или Фридолинъ Ирландецъ, живпій въ VI вѣкѣ). Когда дошли до него слухи о лѣсныхъ спра-

пшаницахъ; онъ поклоняся изжиши ихъ и одержалъ свое слово. Однажды онъ отправился въ лѣсъ въ самую глухую полночь; вдругъ видиши передъ собою огненные привидѣнiя и идеши впередъ; слышиши грохотъ, свистъ, гарканье и идеши далѣе. Но лишь нюлько вспушилъ въ средину дебрей и сдѣлалъ освѣщенiе престома, копорый до той поры былъ сокрытъ подъ рцзою: земля пошряслася; деревья заскрипѣли и злые духи удалились съ ревомъ; а лѣсъ въ шуже минушу принялъ снова свой зеленый цвѣтъ!" Тупъ окончилъ испурина свой расказъ. Упоминаемый въ немъ свяшый Фридольдъ въ самома дѣла былъ первымъ проповѣдникомъ Хрисповой вѣры въ Швейцарiи; кости его до сихъ поръ храняшся въ церкви Св. Гиларiя въ городѣ Селмигенѣ; а подла города и до сихъ поръ показываютъ лаженный жершвенникъ, на копоромъ онъ совершалъ обѣдни.

БАДЕНЪ.

Минеральныя воды; горячій ключъ, проходящій подъ русломъ рѣки Лимматы съ праваго на берѣга на лѣвый; двѣ общія купальни и 200 частныхъ ваннъ. Статуя Изиды, почитаемой покровительницею водъ подъ именемъ Св. Варвары. Дѣла вольныхъ Швейцарцевъ. Развалины замка; террица; часовня.

Баденъ Швейцарскій имѣеть положеніе живописное. Онъ состоить изъ нѣсколькихъ перепутанныхъ улицъ и спелется амфиатромъ по крупизнамъ и скаламъ. При подошвѣ ихъ кашптъ бурныя свои волны желтая Лиммата; надъ городомъ поднимается часпю обнаженная, часпю покрывая кустарникомъ гора, увѣчанная развалинами древняго замка. Мы оспановились въ шракширѣ *подъ всами*; и поспчасъ осправились смолрѣть минеральныя воды, оспоящія оспъ города на одну вер-

спу, внизъ по печенію рѣки. Онѣ почи-
ются самыми древнѣйшими въ Швейцаріи и
извѣсны были еще Римлянамъ своимъ цѣ-
лебнымъ свойствомъ. Горячій здѣшній ключъ
можно назвать искусственнымъ фонтаномъ
самой природы. Онѣ вытекаютъ изъ подош-
вы горы, окружающей правой берегъ Лим-
маны, прятаясь опять въ землю, подрываю-
тся подъ дно рѣки, и являясь снова на до-
вольно значительномъ возвышеніи пропиво-
положнаго берега. Здѣсь, вокругъ главнаго
источника, устроено два публичныхъ водо-
ема, въ которыхъ могутъ купаться до 100
человѣкъ. Сверхъ того считается еще чис-
ныхъ бань около 200; онѣ раздѣляются на
большія и малыя; первыя находятся на лѣ-
вомъ берегу Лимманы, послѣднія на правомъ.
Чистыя бани состоятъ изъ квадратныхъ
обширныхъ досками купалень и расположены
всѣ вообще въ нижнихъ этажахъ гостини-
ницъ, которыхъ здѣсь большое множествъ.
Въ одномъ изъ публичныхъ водоемовъ спо-
ишь на сполбу маленькая раскрашенная спа-
пуя Изиды, найденная вмѣстѣ съ прочими
памятниками древности въ окрестностяхъ

Бадена. Христиане среднихъ вѣковъ почитали ее изображеніемъ Св. Верены, покровительницы адѣшнихъ водъ, и въ эпосѣ заблужденіи поклонялись ей очень долгое время; да еще и нынѣ грубая чернь, мало заботящаяся объ археологіи, приближается къ эпосному идолу съ благоговѣніемъ.

Мы возвратились въ пракпирь къ самому ужину; и нашли за общимъ столомъ съ жолдюжины полосныхъ и красныхъ Швейцарцевъ, пріѣхавшихъ сюда лѣчиться водами или, справедливѣе, кухнею и виномъ. Послѣ продолжительнаго и сыпнаго спора, за которымъ они не переспавали эвенѣшъ стаканами, спросили еще по бутылкѣ вина, и воображая, что они больны въ самоѣ дѣлѣ, начали пить за здоровье каждаго порознь. Унавши, что я Русской, не замедлили предложить поспѣ, при всеобщихъ восклицаніяхъ, въ честь нашего обожяемаго Государя, забавившела Европы и возспановившела Швейцаріи. И я съ моею стороны, пламя за учпивость учпивосшію, принужденъ былъ выпить за здоровье покойнаго ихъ предка, блаженной памяти Вильгельма Теля. Уже

Часть II.

6

часа съ два, какъ я ихъ оставилъ; но шопны еще не прекрапились. Къ сожалѣнiю, компаня моя не далеко опъ шоловой; шумные разговоры, восклицанiя и пѣсни разсѣяли мою дремошу. Я раскрылъ окно и смюпру на городъ, освѣщаемый луною,—въ ожиданiи, пока угомоняшся больные.

На другой день, рано по упру, взявши проводника, я пошелъ къ развалинамъ замка. Мы вѣбировались по пропикѣ, по дуспарникамъ, по камнямъ. Спѣны ашаго рыцарскаго памяшника часпiю разсыпались по скашамъ горы, часпiю грозашъ своимъ паденiемъ. Положенiе его очень прiятное: на западѣ два ряда горъ, въ видѣ полукружiя, замыкають равнину Баденскую; на воспокѣ пнянешся желшою полосою Лиммапа съ долинами и пригорками; за ними мелькають Цюрихское озеро, городъ Цюрихъ и окружающiе его холмы. Во внушренности замка все покрышо мохомъ, или заросло крапивою. Одна полько темница сохранила въ цѣлости печальный свой образъ; она состоипъ изъ сыраго немощенаго подвала съ узкою скважиною и съ низкою, похожею на

окно, дверью. Слѣжная съ нею башня обращена въ часовню, въ копорой монахи Капуцинскаго ордена совершають по временамъ обѣды за древнихъ владѣтелей замка; и съ той самой бойницы, гдѣ прежде гремѣли набаты и раздавались вздохи узниковъ,—теперь слешають въ мирныя окрестности тихіе звуки колокола, благовѣспншеля молитвы. И такъ крошкая посланница неба, Вѣра, не перестаетъ еще ходатайствовать передъ грядущимъ Судією и за тѣхъ грѣшниковъ, которыхъ судъ потонсхва и исторія подписываютъ строгіе приговоры. Какой высокой урокъ великодушія!

*

ЛЕНЦБУРГЪ, 10 ЧАСОВЪ УТРА.

Пользуясь короткимъ временемъ завтрака, я немедленно отправился къ Ленцбургскому замку, висящему надъ городомъ. Висящимъ можно назвать его въ собственномъ смыслѣ; попому что скалы, на которыхъ онъ стоитъ и которыми пирамидальная гора увѣнчана, какъ короною, повисли нѣсколькими фурами на воздухъ. Виды, простирающіеся отсюда на сѣверъ и западъ, самые обширные и разнообразныя: равнины пересѣкаются холмами; на холмахъ зеленѣютъ рощи или виноградники; за ними тянутся отрасли Юры съ деревеньками, домиками и развалинами замковъ Вилдексаго и Брюнексаго. Послѣдній принадлежалъ извѣстному Геслеру, пирату Урійскому, Швицкому и Уншервальденскому. Обыкновеніе время

рыцарскихъ — строили замки на мѣстахъ возвышенныхъ — было общимъ. Необходимость защищать себя отъ хищныхъ соседей, а еще болѣе намѣреніе распространять ужасъ въ окрестностяхъ, были главнымъ къ тому побужденіемъ.

Сѣверная часть Швейцаріи почти вся покрыта подобными развалинами замковъ, — по большой части оспашками двѣнадцатаго и тринадцатаго столѣтій, когда пятьдесятъ семействъ графскихъ, сто пятьдесятъ дворянскихъ и тысяча двѣсти рыцарскихъ опустошали эту страну междоусобными войнами и истребляли другъ друга съ естественнымъ неслыханнымъ, какое свойственно однимъ лютымъ звѣрямъ степей Африканскихъ. Ленцбургскій замокъ принадлежалъ въ то время фамилии, носившей также названіе города. Во внутренности замка помещается теперь народное училище, состоящее подъ покровительствомъ, такъ называемаго, Гельветическаго воспитательнаго общества, основаннаго въ Ленцбургѣ.

АРБУРГЪ, 2 ЧАСА ПО ПОЛУДНИ.

КАМЕННАЯ КРЕПОСТЬ, единственная въ Швейцарии; славныя укреплениа со стороны сѣвера и востока; достопримѣчательный по глубинѣ колодезь. Великолѣпный видъ Альпійскихъ горъ. Живая ландкарта классическихъ мѣстъ Швейцарии: долина Грютли, г. Альторфъ; часовня и часовни въ память Вильгельма Телля. Ученый споръ объ исторіи Теллева явска. Моргартенъ, колыбель славы Швейцарцевъ; Семпахъ, прославленный самопожертвованіемъ Винкельрида.

Мы остановились въ маленькой деревенькѣ, лежащей на шомъ перекресткѣ, гдѣ Цюрихская дорога, ведущая въ Бернъ, пересѣкается Арбургскою, идущею въ Люцернъ. Въ ожиданіи обѣда, пошли мы съ докторомъ Ж. осмотрѣть Арбургскую крѣпость, опоясующую отъ нашей гостинницы вершины на двѣ, и нѣмъ уже достопримѣчательную, что въ цѣлой Швейцаріи считается всѣхъ

крѣпостей одна только Арбургская. Зубчатые стѣны ея, споя на отвѣсныхъ скалахъ, кажутся съ южной стороны въ три раза выше настоящей высоты своей. Съ запада идутъ онѣ по скаламъ оплодой горы, при подошвѣ которой лежатъ и самый городъ омываемый Аарою. Отправь малой Юры, упираясь въ противоположный берегъ и вдругъ поворачивая внизъ по теченію рѣки, сослаиваются противъ самаго города довольно крутой уголъ. Желтого цвѣта скалы, которыми она увѣнчана, до такой степени обмывающа зрѣніе, что издали можно почтительно стѣнами другой крѣпости.

Мы поднялись по каменной лѣспницѣ, вырубленной въ улесахъ, и позвенѣли у боковыхъ дверей въ колокольчикъ. Съдой прирашникъ, исправляющій вѣроятно должность и часового, вышелъ къ намъ на встрѣчу и проводилъ насъ въ канцелярію коменданта, гдѣ тотчасъ записали наши имена въ книгу и выдали намъ билеты. Пожилыхъ лѣтъ офицеръ или комендантъ, вызвавшись самъ своею особою быть нашимъ проводникомъ, началъ пушашъ съ нами

по наилучшимъ коридорамъ и подъемнымъ мостамъ, показалъ намъ рвы, арешанскія шорымы, подземельные ходы и все, чѣмъ сочинили романы пугающъ воображеніе своихъ чинапелей. По всему видно, что строили этой крѣпости, еще не слишкомъ далекіе въ военной архитектурѣ, заботились при ея сооруженіи не столько о способахъ защищать ее извнѣ, сколько объ изобрѣшеніи лабиринта внутри, на случай побѣга и спасенія отъ штурма непріятельскаго. Что всего страннѣе, она защищена наиболѣе въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ укрѣпила ее сама природа; по естѣ съ двухъ сторонъ ея, южной и западной, обнесенныхъ отвѣсными скалами, построены огромныя стѣны и башни: напротивъ того съ сѣвера почти вся открыта, а съ востока не имѣетъ ни рва, ни бастіона и, на большую бѣду, примыкаетъ еще къ подошвѣ одного возвышеннаго холма, опоясанаго отъ нея сажень на двѣсти. И такъ непріятелю сподобъ только занявъ пость холмъ, чпобъ нѣсколькими выстрѣлами повергнуть къ стопамъ своимъ крѣпость; чѣмъ и не упустили случая

воспользоваться Французы во время войны ихъ съ Швейцаріею. Здѣшнюю артиллерію можно назваць слишкомъ многочисленною въ сравненіи съ гарнизономъ; такъ что на каждаго солдата достаеца по орудію: а всѣхъ солдатъ, составляющихъ гарнизонный корпусъ, считаеца теперь до 12. Мнѣ кажеца, и не должно обвиняць Швейцарцевъ въ ихъ небреженіи о построеніи и содержаніи крѣпостей. Альпы, Рейнъ и Юра, вошъ ихъ пвердые оплоты; и если къ сему прѣмъ спѣнамъ присоединяшь еще четвертую, то еста грудь, окованную любовію къ опечесству и мужеспвомъ ихъ предковъ; но они непобѣдимы. Въ крѣпости Арбургской достаеца особеннаго примѣчанія по глубинѣ своей колодезь: дно его, кажеца, на одной линіи съ дномъ Аары, и брошенный въ него камень достаеца поверхности воды только черезъ двѣнадцать секундъ.

Виды простирающіеся опъ Арбургской крѣпости на югъ, опмичаюца обширностію своего горизонта. Ровная и ничѣмъ не пересѣкаемая долина спелечеца зеленымъ, узорчатымъ ковромъ до самыхъ спѣнь Лю-

черна; на ней сверкает маленькое Семпакское озеро; вдали — большое озеро, как сверкнувшее зеркало чешырех кантоновъ его окружающихъ; съ востока смотрится въ него державная царица горъ, сановитая *Риги* (*Mons Regius, Regina montium*); съ запада поднимается великанъ *Пилатъ*, опоясанный прозрачными облаками; между ними вдали плыветъ длинная цѣпь снѣжныхъ шапоровъ Альпійскихъ. Съ самаго этого мѣста, на которомъ мы теперь стоимъ, извѣстный полковникъ Микели (*du Crêt*), содержащійся здѣсь арестантомъ въ половинѣ прошедшаго столѣтїя, занимался измѣренїемъ высоты многихъ Альпійскихъ горъ. И такъ вѣрнымъ спутницы нашей жизни опрадна и благодѣшительныя науки нашли ученаго мужа въ самомъ его заключенїи и принесли ему успѣшенїе при самыхъ гоненїяхъ судьбы.

Уже нѣсколько минулъ споялъ я неподвижно передъ новымъ для меня зрѣлищемъ снѣжныхъ горъ Альпійскихъ. Взоръ мой, вооруженный зрительною трубою, переходя съ одного мѣста на другое, силлся проникнуть далѣе предписанныхъ ему предѣловъ и

спарался ловить каждый новый образъ, что-бы передать его памяти и воображенію. Замѣшивъ мое любопытство, Офицеръ обратился ко мнѣ съ слѣдующею рѣчью: „эту великолѣпную картину я называю живою ландкаршою классическихъ мѣстъ Швейцаріи; потому что всѣ мѣста, на которыхъ родилась и прославилась свобода Швейцарцевъ, заключающіяся подъ эпитомъ, проспираниющимся передъ нами, горизонтомъ, Посмотрите, на примѣръ, сюда, на западный берегъ Люцернскаго озера, на углубляющіяся въ него мысомъ горы, — тамъ находишся колыбель нашей независимости, та знаменитая долина *Грюнли*, на которой Вернеръ Шпауффахъ, Эрнн изъ Мельхпала, и Вальперъ Фюрспъ, во мракѣ ночи, подъ кровомъ усѣяннаго звѣздами неба, дали первые клятву освободить опечесство отъ ига пирановъ.—Нѣсколько далѣе, на самомъ концѣ озера стоишъ городъ *Альтпорфъ*, прославленный героическимъ подвигомъ Вильгельма Теля. Вы знаете, что пираниъ Геслеръ, повѣсивши на площади города свою шляпу, приказывалъ оказывашъ ей тѣже почести, какъ и ему самому, и что

Вильгельмъ Тель за презрѣніе, изъявленное имъ къ эпиху символу рабства его соопеченниковъ, осужденъ былъ сосрѣлншь съ головы своего сына яблоко или, въ случаѣ промаха, умереть мучительною смертію. Въ Альшорфѣ естѣ башня, воздвигнутая въ память сего происшествія въ 1567 году, и, какъ увѣряюшъ, на мѣстѣ шой липы, къ которой привязанъ былъ юный сынъ Тель. Тамъ же естѣ одно подземелье, открытое при устроеніи сей башни и считаемое обыкновенно пещницею Теля. Между шѣмъ какъ Герой нашъ прижималъ къ груди своей чудесно избавленное отъ смерти дитя и съ младенческими его слезами смѣшивалъ свои слезы; пиранъ увидѣлъ спрятанную у него подъ полою другую спрѣлу и попребовалъ объясненія. „Она была назначена для тебя,—опвѣчалъ Вильгельмъ Тель,—для тебя, если бы только имѣлъ я несчастіе убишь своего сына.“ Пораженный эпимъ опвѣпомъ Геслеръ приказалъ снова заключишь Теля въ узы и повезъ его въ своей лодкѣ на другой берегъ озера, въ замокъ *Кюснахтѣ*, гдѣ онъ имѣлъ обыкновеніе пипашъ свой взоръ изможденіемъ

пѣла узниковъ и услаждавъ слухъ вѣчными ихъ спонами. Буря, какъ вамъ извѣстно, пришла на помощь нашему герою; съ него сняли узы и дали ему въ руки весло. Пользуясь благопріятными минушами, онъ бросается въ озеро, борется съ волнами, достигаетъ утеса и спасается бѣгствомъ. Утесъ сей, вмѣстѣ съ построенною на немъ въ память эпического случая часовнею, до сихъ поръ называется именемъ Теля: Tells - Platte. Онъ находится на юговосточномъ берегу озера, недалеко отъ Альпорфа. Вильгельмъ Тель поспѣшилъ послѣ того въ Кюснахтъ и, дождавшись Геслера въ оврагѣ, убилъ его стрѣлою. И здѣсь построена также часовня во имя Теля. Оврагъ, называемый Гольгассомъ, (die hohle gasse), и замокъ Кюснахтъ находятся влѣво отъ Риги и недалеко отъ Цугскаго озера.“

Ваша исторія, сказалъ я Офицеру, очень занимательна; но знаете ли, что вашъ соотечественникъ, сынъ знаменитаго Галлера, называетъ ее баснею?— „Эпо сочиненіе Галлерово, оповѣчалъ офицеръ, осуждено было на сожженіе и сожжено публично народомъ

лѣсныхъ каншоновъ.“ — Однако вы согласитесь, что доводы Галлеровы довольно основательны и сильны. Онъ именно указываетъ на подобную испорію яблока, приписываемую Саксономъ Грамматиномъ одному Королю Датскому.

Офицеръ. „Этого мало; въ лѣтописяхъ Урійскихъ упоминается именно о такомъ же происшествіи, случившемся будто бы въ городѣ Ури въ 1260 году, то есть за сорокъ восемь лѣтъ до испоріи Альпорфской. Но одно другому не мѣшаетъ. Вся эта испорія, хотя бы и въ самомъ дѣлѣ изобрѣшена была первоначально въ Даніи, могла бытъ повсюдена въ Ури и въ Альпорфѣ. Можно еще и такъ думать, что у Саксона Грамматика, наполненнаго баснями, она не что иное, какъ басня; эта басня понравилась хроникамъ Урійскимъ; и они внесли ее въ свои лѣтописи; а чтеніе сихъ послѣднихъ могло вложить въ Геслера жестокою мысль воспользоваться этимъ адскимъ вымысломъ и привести его въ исполненіе.“

Все это—одни только предположенія, возразилъ я офицеру,—а доводовъ историческихъ

не видно; да и льпописи Швейцарскіа начинають въ первый разъ упоминашь объ исторіи яблока Телева только въ шесшнадцапомъ столѣтіи.

Офицеръ. „А преданіе народное развѣ не историческій доводъ? А башня Альпорфская, воздвигнушая, какъ я сказала, въ 1567 году, и представляющая на стѣнахъ своихъ всѣ подробности эпого приключенія? А часовня Гольгасская, освященная въ 1388 году, въ присущствіи 114 сшарцевъ, кошорые лично знали Вильгельма Теля?“

„Полно-ли спорить, — сказала докшоръ Ж.; пусть г. офицеръ лучше окончивъ объясненіе своей ландкаршы и покажетъ намъ Моргаршенъ и Семпахъ.“ Офицеръ продолжаетъ: „*Моргартена* опшюда не видно; онъ по шу спорону Риги. Вообразите себѣ (обращаясь ко мнѣ) долину покрытую болошами и лежащую между озеромъ Егери и горою Моргаршенскою. Вотъ куда привелъ свое войско Герцогъ Австрійскій Леопольдъ, горя неперѣніемъ опмисшши Швейцарцамъ за убіеніе одного изъ его наиспниковъ и за изгнаніе другаго, шо ешь

Ланденберга. Горысть жителей, вышедшихъ къ нему на встрѣчу, было неболѣе 1300. Слабые числомъ, но крѣпкіе вѣрою и мужествомъ, они пали на колѣна предъ Богомъ-силью, котораго называли единодержавнымъ своимъ Владыкою, и призывавъ его на помощь въ усердной молитвѣ, расположились при Моргаршенѣ. Выждавъ минушу, когда войско Леопольдово вступило въ узкое ущеліе, вдругъ посыпали на него камни градомъ, разорвали ряды всадниковъ, и пользуясь общимъ ихъ смятеніемъ, — не сколько копьями, сколько булавами, — побили непріятелей девять тысячъ, какъ утверждаетъ Чуди, или пять-надцать и даже двадцать тысячъ, какъ считаютъ другіе испорники. Вошь гдѣ колыбель славы Швейцарцевъ! — „Вы спрашивали меня о *Семпахѣ*; онъ передъ нашими глазами, на южномъ берегу эшаго маленькаго озера, называемаго его именемъ. Здѣсь-то происходило знаменитое сраженіе Семпахское, прославившее и утвердившее свободу Швейцаріи на вѣки. Начало и продолженіе его были для Швейцарцевъ самыя опасныя. Герцогъ Леопольдъ, сынъ Леопольда Моргаршенскаго,

успрохль фалангу, подобную Македонской. Четыре стѣны Австрійскихъ воиновъ, огражденные лѣсомъ осмнадцати-фузовыхъ копій, казались непреоборимыми. Мужество Швейцарцевъ уже начинало колебаться; надежда ихъ блѣднѣла—и въ сію-по рѣшишельную минуту великодушный Арнольдъ Винкельридь, снавши передъ рядами, воскликнулъ: „братья! я отворю вамъ дорогу; не покиньте моей жены и моихъ дѣшей.“ Съ этими словами бросаетъ съ себя броню, схватываетъ пукъ непріятельскихъ копій и, обративъ ихъ на свою грудь, увлекаетъ за собою копіеносцевъ своимъ паденіемъ. Пользуясь опверспіемъ стѣны, Швейцарцы впоргаются мгновенно въ средину фаланги и—черезъ нѣскольکو минушь славяшъ въ поржеспивенныхъ пѣсняхъ Бога силъ, котораго они имѣли обыкновеніе, передъ началомъ каждой битвы, призывашъ въ помощь съ колѣнопреклоненіемъ.“ — Весь эпозъ расказъ офицера одушевленъ былъ жаромъ; рѣчь его сопровождалась сильными пѣлдвиженіями; и даже по окончаніи ея, нѣскольکو минушь, казалось, споялъ онъ еще въ положеніи

Виннелрида, восклицающаго передъ рядами:
„братья! я опворю вамъ дорогу; не покиньте
моей жены и моихъ дѣшей.“ — Тутъ я
вспомнилъ стихи нашего пѣвца:

«Да въ чадахъ къ родитѣ любви
Зажгутъ отцы въ могилы»

ГИНДЕЛЬБАНКЪ, 4 Юня.

ЗНАМЕНТЫЙ НАДГРОВНЫЙ ПАМЯТНИКЪ МАРИИ ЛАНГАНСЪ.

Между красавицами Швейцарскими Г-жа
Лангансъ цвѣла, какъ пышная роза между
лиліями. Она соединяла въ себѣ и осанку
Таліи и послушь Граціи и правильность
лица, сняшую какъ бы съ образца красоны.
А что всего важнѣе, наружныя прелести
были однимъ только отблескомъ ея доброты,
нѣжности, скромности и другихъ качествъ
нравственныхъ, служащихъ украше-

ніемъ прекраснаго пола. Одинъ Фрибургскій Іезуитъ, увидѣвши въ первый разъ эту рѣдкую женщину, давно уже извѣстную ему по слуху, обратился къ споявшему подлѣ него Іезуищу и сказалъ ему: „вопть новое доказательство шѣсной связи между душою и тѣломъ, и новая загадка для умовъ, испытующихъ образъ эпого шамиспеннаго союза.“ Слова сіи вѣрояшно сказаны были, по поводу споровъ о соединеніи существъ протшыхъ съ сложными, копорое около шого времени было моднымъ запросомъ философовъ и богослововъ.

Но цвѣшамъ нѣжнымъ судьба назначила жизнь крапкую, какъ бы для шого, чшобъ не возбудишь въ нимъ равнодушія въкомъ продолжштельнымъ. Марія Лангансъ родилась въ 1724, а скончалась въ 1751 году. Внезапная смерть ея, послѣдовавшая опъ родовъ, лишила ея супруга, пастора Гиндельбанкскаго, всѣхъ земныхъ радостей и всѣхъ лспящихъ надеждъ. Свѣпъ дневной померкъ для очей его; а искапъ свѣша вѣчнаго, небснаго, онъ не имѣлъ еще довольной швердосши духа. Къ счастью, въ домъ его

жилъ въ это время знаменитый Прусскій ваятель Нагль (Nahl), по случаю сооруженія надгробнаго памятника фамилии Ерлахъ въ Гиндельбанкской церкви. Учасіе художника, который зналъ лично достоинства усопшей, оставалось почти единственнымъ врачеваніемъ несчастному. Первый дѣлалъ очень часно съ послѣднимъ его уединеніе и слезы. Въ одну изъ этихъ дружескихъ бесѣдъ Нагль почувствовалъ въ себѣ вдругъ какое-то сильное волненіе, какъ бы свыше ему ниспосланное; онъ вскаептъ съ кресель и, бросаея въ объятія паспора, воскликнулъ пророческимъ шеномъ: „другъ мой! Она возвратится снова къ жизни; мы воскресимъ ее.“ Внезапная смерть, постигшая Г-жу Лангансъ наканунѣ Пасхи, пробудила въ душѣ художника священныя мысли о чаемомъ воскресеніи мертвыхъ. Таинственная завѣса, скрывающая опъ всего рода человѣческаго великолѣпную сцену спрашнаго суда, вдругъ падаетъ передъ быстрымъ его взоромъ. Онъ видитъ попухающее солнце, падающія звѣзды и свивающееся небо. Воспокъ пылаептъ свѣпомъ грознаго Судіи, грядущаго со сла-

вою; одинъ изъ предшеспвующихъ ему Ангеловъ спавъ въ зѣирной высотѣ и гласомъ шрубы зовепъ живыхъ и мершвыхъ на долину Юсафашову.—Могила Маріи Лангансъ, подобно прочимъ, разверзлась; гробъ ея распадается на двѣ половины; спящая жена, пробудившись опъ усыплемя, обращаетъ лице свое къ востоку и, вслушиваясь въ звуки шрубнаго гласа, лѣвою рукою слѣшипъ свергнувъ одинъ изъ свворовъ гробницы, правою прижимаетъ къ своей груди младенца — сына, виновника ея смерши, — также пробудившагося опъ сна и также усиливающегося ручонкою поднять другой свворъ гробовой крыши.—Это огромная поэма, объемлющая цѣлый міръ Христіанскій; но зритель чипаетъ одну шолько часъ ея. Онъ спопитъ шолько передъ сценою земною; прочее арѣлице небесное видипъ онъ въ одномъ умѣ и гаданіяхъ. Какая счастливая мысль!—Мысль—шѣмъ болѣе достойная удивленія, что воображеніе ваятелей шого времени уже было испощено въ сооруженіи надгробныхъ памятниковъ, и повшорало

одни только обыкновенныя, соспавшися
иден.

Не лучше ли было бы, еслибъ художникъ далъ болѣе движенія воскресающей? Не полнѣ ли было бы очарованіе, еслибъ онъ представилъ ее уже вступающею и по крайней мѣрѣ поднявшеюся съ одра своего? Въ эпозъ нѣтъ никакого сомнѣнія; но художникъ хотѣлъ, повидимому, не столько поразить, сколько занять зрителя,—не столько воспламенить его душу, сколько возбудить въ немъ любопытство; и онъ достигъ совершенно своей цѣли, предпочитая первое мгновеніе воскресенія всѣмъ послѣдующимъ. Обманъ искусства доведенъ до высочайшей степени и, какъ говорятъ ученые, *pas plus ultra!* — Зритель думаетъ, что створы гробницы, сдѣланныя изъ одного камня съ группою, поспѣшь распадутся на стороны; любопытство его обращается въ непрерывное, возрастающее съ каждою минутою.

Въ лицѣ Маріи Лангансъ выражающія два главныхъ чувства: слухъ весь обратился

во вниманіе; неподвижный взоръ исполненъ изумленія. Глаза ея, только сейчасъ открытые, обращены къ воспоку и остановились на какомъ-то великолѣпномъ зрѣлищѣ, къ которому невольно увлекающъ за собою и предстоящаго зрителя. Часны лица оплачующся всѣ вообще строгою соразмѣрностию, кромѣ слишкомъ длиннаго и высокаго носа, вновь поддѣланнаго какимъ-то искуснымъ художникомъ на мѣсто прежняго, опбитаго однимъ Англійскимъ путешественникомъ, Варваръ — Англичанинъ просперъ святошапшвенныхъ руки свои на зпонтъ драгоцѣнный памятникъ не съ другимъ намѣреніемъ, какъ для того только, чтобы, подобно Героспрату, или справедливѣе, подобно многимъ своимъ соотечественникамъ, оплччшсь въ попомспвѣ своею безумною спранностию. Новый Вандадь не подумалъ даже и о томъ, что дикое имя его, трудное для произношенія, скоро будетъ забыто или и совсѣмъ не будетъ отвержено Швейцарцами; хотя память его останешся навсегда предметомъ поруганій для любители изящныхъ художествъ. Мла-

денецъ Лангансъ пакже возврашлся къ жизни; но онъ предспавленъ не однодневнымъ, а въ шакомъ возрастѣ, который занимаешь насъ первоначальнымъ развитіемъ смысла. Въ глазахъ его видна какая-то мысль еще неопредѣленная; ручки простершы къ чему-то еще для него немавѣстному и непоспѣжимому.

Изъ принадлежностей этой гробницы достойна примѣчанія голова Адамова, держащая въ зубахъ змию и увѣчанная цвѣточнымъ вѣнкомъ; надпись Галлерова, сосная изъ Нѣмецкихъ стиховъ, довольно уже извѣстна намъ изъ Русскаго перевода, сдѣланнаго поэтомъ — путешественникомъ Карамзинымъ.

Я воображалъ, что памятникъ Маріи Лангансъ, соизобретенный для испоріи художества; открытъ для всѣхъ любопытныхъ и освѣщенъ приличнымъ свѣтомъ, или по крайней мѣрѣ увѣчанъ великолѣпнымъ мавзолеемъ. Совсѣмъ напрощивъ; невѣжество и корыстолюбіе спрятали его подъ деревянной полъ храма, предавъ пыли и сырости на съденіе. Деревянная дверь,

сплоченная изъ грязныхъ досокъ, опширается и поднимается, только подъ звукомъ багценевъ, напоминающимъ неволью пушешешвеннику, что онъ въ Швейцаріи.

Я ничего не буду говорить здѣсь о пампникѣ Ерлаха, споящемъ въ той же церкви на гордомъ подножій за богатымъ занавѣсомъ. Хотя и въ немъ видны слѣды рѣзца Наглева; но золото, для котораго онъ былъ рабочанъ и которымъ роскошно облитъ, опняло у него всю надлежащую цѣну. Истинное изящество имѣеть ли нужду въ ничтожномъ блескѣ мешаловъ?

БЕРНСКІЙ КАНТОНЪ.

Экономическій способъ построения домовъ; сады; извѣстіе въ водѣ; удобреніе полей; землекпашество. Отличительныя черты женщннъ; ихъ нарядъ и опрятность; учтивость крестьянъ; ихъ одежда.

Кантонъ Бернскій представляетъ множество предметовъ любопытныхъ со стороны трудолюбія, промышленности и довольства его жителей. Крестьянскіе дома здѣшніе, подобно Ноеву ковчегу, вмѣщаютъ въ себѣ все и всяческая. Они по большей части двухъ-этажныя и спроектированы или построены изъ камней или изъ косяковъ и брусевъ, расположенныхъ въ видѣ квадратовъ и треугольниковъ, копорыхъ промежутки наполнены камнемъ, глиною и мусоромъ. Нижній этажъ

обыкновенно имѣетъ два отдѣленія; въ одномъ живетъ хозяинъ съ своимъ семействомъ; другое есть родъ корчмы, гдѣ оспанавливаются навозники и вообще просполюдины, а въ дни праздничные собираются крестьяне и крестьянки для пирушекъ и плясокъ. Верхній этажъ назначается для почелныхъ госпей или путешественниковъ, и состоитъ изъ отдѣльныхъ комнатъ, убранныхъ богатою мебелью. Хотя я описываю здѣсь преимущественно госпанинцы; но въ Берскомъ кантонѣ, какъ и во многихъ другихъ, на большихъ дорогахъ почти каждый крестьянскій домъ есть госпанинца; а потому и не считаешь за рѣдкость встрѣтить въ немъ кровати съ шпофными одѣлами и занавѣсами, канapé и кресла обитыя ситцемъ или шпофомъ, столики изъ краснаго или пальмоваго дерева, зеркала съ нарядною драпировкою и бахрамами.—Между двумя отдѣленіями нижняго этажа находится каренный сарай, кошорый, кромѣ запряжекъ, нерѣдко вмѣщаетъ въ разныхъ проспѣнкахъ своихъ конюшню, овчарню, спойло для коровъ и ословъ, логовище для свиней, клѣшки

для упокуъ, насѣсны для куръ и шому подобное. Хошя изъ каждаго роду эшихъ живонныхъ не болѣе берепся въ обыкновенномъ быту, какъ по одной парѣ; со всѣмъ шѣмъ, смонря на шакой сбродѣ скопа и плицѣ, и на уютное, математически измѣренное, помѣщеніе шакого количества разныхъ родовъ на самомъ маломъ проспранствѣ и часпо на шеспи или пшци квадратныхъ саженьхъ, невольнo можно подумашъ, что Швейцарскіе дома въ самомъ дѣлѣ спрoлшся для предѣспорожности ошъ пошона и что сейчасъ гошовы подняшся на воду и плышъ къ Альпійскимъ горамъ. Но эшого недовольно; въ хороминѣ Швейцарца найдете вы шо, чего конечно не было и въ Ноевомъ ковчегѣ. Наприм. подъ самою крышею дома помѣщаетъ онъ цѣлое гумно; гдѣ кромѣ сѣсныхъ припасовъ, кромѣ сѣна и хлѣба въ зернахъ, складываетъ цѣлые скирды пшеницы, овса и риса; и все эшо иногда вношишъ онъ на рукахъ и плечахъ по лѣстницѣ, а иногда ввозишъ цѣлымъ возами на лошадахъ, по насыпному опшгому мoспу. А гдѣ же шокъ, вы спросите? Токъ его въ всеобъем-

лющемъ каретномъ сараѣ, о которомъ мы шеперь упоминали. Когда нужно, онъ выгружаетъ изъ него экипажи;—и цѣлы его говорятъ съ поломъ, съ стѣнами и съ пошолкомъ. Для насъ Русскихъ, любящихъ просторъ и имѣющихъ для того способы, съ перваго взгляда снранною покажется такая экономическая расчепливость въ строеніи; но она не будетъ снранною, когда захопимъ вникнушь въ мѣстныя обстоятельство и причины. Конечно не лѣность, не прихоть и не своеправіе заснавляютъ Швейцарца жаться и сосредоточивать все вокругъ себя, но одна только скудость въ участкахъ земли, происходящая отъ возрастающаго народонаселенія. Швейцарець и Нѣмецъ мѣряютъ свои поля не десятинами, а локтемъ или шагомъ; и попому они весьма благо- разумно поскупаютъ, обращая въ нивы или въ луга по проспранство, которое пропало бы подъ дворомъ и гумномъ безъ всякой существенной пользы.

Здѣшніе дома, и особенно уединенные, окружены ошкрытыми садами и полисадниками; вишни, груши и грѣцкіе орѣшники

разсажены въ видѣ аллея по самымъ дорогамъ. Хищная рука не снимаетъ здѣсь плода съ чужаго дерева; право собственности почитается священнымъ, и уваженіе къ нему обратилось въ привычку народа. Повидимому, ни гдѣ нѣтъ такого избытка воды, какъ въ Швейцаріи. Вода крушится и шумитъ въ горныхъ потокахъ, бѣжитъ въ каналахъ по споронамъ дороги, играетъ въ фонтанахъ передъ домиками, орошаетъ поля, покрываетъ хлѣбомъ, и серебрится струйками по зеленымъ пажитямъ. Однимъ словомъ: ручейки, цѣпы, рошцы и все, что описываютъ стихопворцы въ своихъ идилліяхъ, все это здѣсь въ самой природѣ и передъ вашими глазами. Одно только странно, что навозъ, заготовляемый для удобренія полей, обыкновенно складывается передъ самыми окнами. Въ этомъ отношеніи, кажется, нельзя извинить Швейцарцевъ даже и тѣмъ экономическимъ правиломъ, что необходимое должно предпочитаться приятному. Какая же другая потребность можетъ быть необходимѣе для здоровья и для жизни, если не воздухъ благораспоренный? Впрочемъ агрономы не дол-

жны оспавлять безъ вниманія и самаго способа пригопвления навоза въ Бернскомъ кантонѣ. Здѣшніе креспьяне роюють сначала яму передъ домою и наполняють ее соромъ, вымешаемымъ изъ сараевъ; надъ нею спавяють огромную квадрашную кучу мелкаго навоза и обкладывають ее крупнымъ навозомъ, свипшымъ на подобіе полспыхъ канашовъ; потомъ дѣлають вокругъ эшаго квадрата покашосши для споку нечиспошы; льюють на него сверху и снизу помон; и оспавляють въ шакомъ видѣ весь навозъ на нѣскольго лѣшь, но еспь до того времени, пока сдѣлаешся въ немъ броженіе и перегарь.

Производспво землеудобренія здѣшняго предспавляешть шаже особенное и нерѣдко забавное зрѣлище. Здѣсь машують обыкновенно плугомъ; но въ плугъ впрягають попарно или гусемъ одну лошадь, одного мула, одного вола, одну корову и одного осла; и всѣмъ эшимъ сбродомъ завѣдывають два креспьянина, а часто двѣ женщины или дѣвушки, безспорно достойныя лучшей участи, но еспь способныя управлять не одними ушаспыми и рогапыми чешвероногыми.

Женщины Берискаго кантона примѣчательны не столько красошою, сколько дородствомъ своимъ. Свѣжестъ лица, бѣлизна шеи, округлостъ грудей и полноша рукъ отличаютъ ихъ отъ всѣхъ другихъ Швейцарокъ. Крѣпкое сложеніе тѣла и изобиліе въ жизненныхъ потребностяхъ дѣлаютъ ихъ веселыми, проворными, а слѣдовательно и милыми. Наряды ихъ имѣютъ разительное сходство съ Русскими. Онѣ также носятъ кашемировыя и шелковые сарафаны чернаго цвѣта; съ тѣмъ только различіемъ, что накладываютъ на нихъ коротенькіе черныя корсеты съ вырѣзными грудями. Въсто сорочекъ употребляютъ онѣ большею частію манишки съ кружевнымъ воротникомъ и съ короткими, пышными рукавами, какъ у нашихъ купчихъ. Дѣвушки заплетаютъ свои волосы въ одну или въ двѣ косы съ лентами, висящими до пяты; а на головѣ также, какъ и замужнія женщины, носятъ низкой чепчикъ, обложенный по бокамъ сполчии блондами чернаго цвѣта, имѣющими въ ширину по крайней мѣрѣ одну четверть. Очень забавно видѣть въ эшомъ нарядѣ дѣвушку,

когда она полешъ пшееницу или другой какой
нибудь хлѣбъ, и когда примѣтна одна поль-
ко ея голова. Огромныя крылья чепчика,
колеблемыя зефиромъ, дѣлають ее въ то
время эмблемою самой себя и всего жен-
скаго пола; но естъ дають ей видъ бабочки
большой Американской породы. Ничто споль-
ко не бросается здѣсь въ глаза, какъ опряп-
ность женщинъ. Онѣ купаються нѣсколько
разъ въ недѣлю, а лице и руки моють по
нѣскольку разъ въ день. Бѣлье ихъ чистпо,
дакъ снѣгъ, всегда накрамелено и, повиди-
мому, перемѣняется ежедневно. Однимъ сло-
вомъ: въ этомъ отношеніи едва ли онѣ усту-
пають Англичанкамъ и первымъ щеголи-
хамъ Парижскимъ. Креспыяне здѣшніе не
сполько опряпны, какъ ихъ жены и дочери;
но обращаютъ на себя вниманіе другимъ
качествомъ, достойнымъ похвалы, и именно
—учтивостію. Ни одинъ изъ нихъ не прой-
детъ мимо путешественника безъ того,
чтобы не сказать ему обыкновеннаго сво-
его привѣтствія: *guten morgen* или *guten
nacht*. Одежда ихъ состоить въ суконной
или плюсовой курткѣ и въ панталонахъ

одинакой съ нею матеріи; шляпы круглыя; волосы спржженные. Многіе однако изъ пожелыхъ крестьянъ еще свяшо соблюдаютъ одежду своихъ праошцевъ; т. е. длинныя кафшаны съ фалдами, короткіе штаны съ пряжками, бѣлыя или синіе чулки, трехъугольныя шляпы, косы лентою перевитыя или благоговѣнно въ нѣшочки заправленныя. О прочихъ обычаяхъ, равно жъ о нравственныхъ качествахъ мужчинъ жъ женщинъ, какъ о предметахъ, требующихъ долговременныхъ наблюдений, на сей разъ умалчиваю.

БЕРНЪ, Іюня....

ОКРЕСТНОСТИ ГОРОДА, ОВРАЩЕННЫЯ ВЪ САДЫ; АЛЕИ, ВЕДУЩІЯ ВЪ ГОРОДЪ. РУЧЬИ ПОСРЕДИ МОСТОВОЙ; ГАЛЕРЕИ ПО СТОРОНАМЪ КАНАЛА. ГОТИЧЕСКАЯ ВАШНЯ СЪ ЧАСОВЫМИ АВТОМАТАМИ. РОВЪ СЪ МОЛОДЫМИ ОМЯКАМИ И ДРУГОЙ СЪ МЕДВЕДЕМЪ И МЕДВЕДИЦЕЮ, ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ БЕРНСКАГО ГЕРБА И ГЕРАЛДИКИ. СОВОРНАЯ ЦЕРКОВЬ И ТЕРРАССА; ЦЕРКОВЬ Св. ДУХА; ВОЛЪНИЦА; НАРУЖНЫЙ ВИДЪ ГОРОДА. ШВЕЙЦАРСКІЯ АРИСТОКРАТЫ; ПРАВЛЕНІЕ ПРЯМЫГО ДУХООТНОГО ОБОЖА; ПЕРВОЕ ОБРАЗОВАНІЕ ЕГО НА ВЪНСКОМЪ КОНГРЕССѢ.

Чѣмъ ближе къ Берну, тѣмъ предѣльныя становаются замѣнательнѣе; природа равнотворнѣе. Въ деревняхъ и въ полѣ вы наблюдаете промышленность и изобиліе крестьянъ; а въ публичныхъ сооруженіяхъ, открываются городъ, открывающаяся вамъ роскошь самой республики. Басціоны обращены въ сады и бульвары; роціи перепутаны излучишными дорожками; холмы обсажены по шинуру и обложены дерномъ; надъ спрѣтнѣ

довольно древніе, достопримѣчательны Готтическою башнею и въ особенности часовой мѣшного, составленною изъ разныхъ деревянныхъ спашуекъ; какъ по изъ маленькаго палца, бьющаго въ колокольчики чешверни, изъ большой фигуры, ударяющей молотомъ часы и изъ прешней спашуи сидящей, которая послѣ каждаго боя часовъ кланяется мнимодущимъ. Надъ ворошани сполнитъ огромной величины Голіаеъ, сдѣланный изъ дерева и окрашенный разными красками; а на нѣкоторомъ распояніи отъ ворошъ надъ холмеземъ или водоемомъ, представляеть въ мнѣшпюрномъ видѣ Давидъ съ працею. За ворошани и за каменною спаринною спѣшою находилса два глубокихъ рва; въ одномъ изъ нихъ пасушъ молодыхъ оленей, въ другомъ держащъ медвѣдя съ медвѣдицей, символъ государспивеннаго герба. Когда и по какому поводу это животное вошло въ Бернскую геральдику, о томъ и сами граждане мнѣшпъ пониміе шенное. Говорятъ, что будшобы основатель города, убивъ на семь нѣспѣ медвѣдя, называемаго по-Нѣмецки *Bär*, назвалъ его именемъ и самый городъ;

и что новые поселенцы, принявъ сіе прѣжшешнѣе за счастливое предзнаменованіе будущей воинской славы, начали предписывать медвѣдя на своихъ знаменахъ. Но эта басня, какъ видно, родилась отъ одного только сходства въ названіяхъ и можетъ быть не что иное, какъ подражаніе баснямъ среднихъ временъ, многократно въ лѣтописяхъ повѣреними и начало свое получившимъ вѣроятно еще отъ Римскихъ вымысловъ объ основаніи Капитолія. Другіе же пропавъ того относятъ введеніе этого герба только къ принадлежанію смоленскому, и именно къ тому случаю, когда граждане Вало Грюерскій вырвалъ знамя Бернское, уже разодранное и окровавленное, изъ рукъ непріятелей, осаждавшихъ Бернъ подъ предводительствомъ герцога Австрийскаго Леопольда. Какъ бы то ни было, по крайней мѣрѣ обыкновеніе держать живыхъ медвѣдей и, въ случаѣ ихъ смерти, назначать имъ преемниковъ, также свѣдѣно соблюдается въ Бернѣ, какъ соблюдается оно было въ Египтѣ въ разсужденіи Аписа. Не понимаю, какъ еще не явился мысль Бернскимъ профессо-

рамъ издашь родословное дерево сихъ чешероногихъ бургмейсперовъ съ ихъ характеристикою и біографією.

Изъ публичныхъ памятниковъ достойна особеннаго примѣчанія *Соборная церковь* съ двумя башнями, спроектированная въ одно время съ Спразбургскою колокольнею и однимъ архитекторомъ. Она стоитъ на прекрасной террасѣ, обнесенной со стороны Аара каменною стѣною, фуповъ въ 80 вышины и осѣненной липовою аллеєю, любимымъ и обыкновеннымъ мѣстомъ прогулки Бернскихъ гражданъ. Особенно большое спеченіе гуляющихъ бываетъ здѣсь передъ вечеромъ, когда заходящее солнце позлащаетъ роскошные холмы и пригорки, окружающіе городъ со стороны юговостока, и когда розовыми лучами своими вѣнчаетъ поднимающіеся изъ за горъ снѣжныя чела гигантовъ Альпійскихъ. Зрѣлище великолѣпное!

Церковь Св. Духа есть единственный образчикъ правильнаго Греческаго вкуса не только въ Бернѣ, но и почти во всей Швейцаріи. Публичная больница съ хорошимъ дворомъ и садомъ также принадле-

жишь къ почетнымъ и почетникамъ, украшающихъ городъ; и особенно примѣчательна лаконическая надпись золотыми буквами на фронтонѣ: *Christo in reuregis*, т. е. Христу въ лицѣ бѣдныхъ.

Зданія публичныя вмѣстѣ со многими частными, равно какъ и роскошь модныхъ лавокъ и пышность художественныхъ магазиновъ, дають съ перваго раза довольно высокое мнѣніе объ изобиліи гражданъ, помышляющихъ уже не столько о потребностяхъ, сколько объ удобствахъ и удовольствіяхъ общественныхъ. Вообще городъ Бернъ кажется по наружности своей очень богатымъ; и онъ дѣйствительно былъ такимъ, когда имѣлъ еще Вассалами своими кантоны Аргаускій, Солотурскій и Водшландскій. Нѣтъ ничего страннѣе, какъ видѣть деспотизмъ аристократическій среди такого народа, который гордится или лучше хвастается мнимою своею независимостію; и ничто конечно не противоположенъ столько преявевшій политическому успроенію государствъ, какъ такой образъ првленія. Монархъ, какого бы ни былъ харак-

иера, всегда ижеиъ цѣлю благо народное, полагаю въ эпоху свою чести и славу; Швейцарскіе *аристократы*, не пропавъ того, самое устройство народного блага считаютъ только средствомъ для достиженія личныхъ выгодъ.

Доказательство эпоху открывающа намъ въ мѣсторіи Берна, которая иочна съ самаго начала своего предшавляетъ одну только борьбу единойдержавіи и народонаселенія съ аристократіею. Извѣстный двухсошный совѣтъ Бернскій носилъ одно только названіе забирающаго совѣта; потому что члены его выбирались всегда изъ однихъ и тѣхъ же домовъ, присвоившихъ себѣ наследственное право первенства во всѣхъ отрасляхъ правленія. Они рассылали повсюду своихъ бальфовъ съ неограниченною властію; дѣлали налоги по своему произволу, собирали подати по мѣрѣ своихъ приходовъ, рѣшали судъ по видамъ своего корысподобія. Справедливо, что они обращались съ прочими гражданами и крестьянами кантона Бернскаго очень снисходительно и ласково, какъ хитрые циприци съ своими

дліеншами, не опягощая ихъ ни налогами ни припѣсненіями; не менѣ того послѣдніе къ первымъ всегда находились въ такомъ же отношеніи, какъ рабы къ господамъ своимъ. И сіе-по отношеніе было причиною малой дѣятельности, худой промышленности и особливо медленнаго хода образованности Бернскаго кантона.

Для прекращенія этихъ неуспѣхивъ, рыцари Французской революціи, опредѣливъ кантоны Аргаускій и Водландскій опъ Бернскаго, хотѣли въ семь послѣднемъ посадить свое дерево равенства; но ихъ дерево на чужой почвѣ скоро засохло. Наполеоновы успавы, основанные на личныхъ видахъ его властолюбія, также не принесли ни какой существенной пользы.

Вѣнскій конгрессъ во время обширныхъ своихъ занятій, касавшихся до устройства цѣлой Европы, не потерялъ изъ виду и Бернскаго кантона; и можно сказать, положилъ самое прочное основаніе его благоденствію, присоединивъ къ двумъ спамъ прежнимъ членамъ совѣта девятосю девяти мѣстъ, избираемыхъ изъ кантона. Нельзя не удивлять-

ся предумышленною и соображеніямъ живовниковъ этого учрежденія, влекущаго за собою тысячу благодѣтельныхъ послѣдствій. И народъ и аристократы воспрянутъ на конецъ опъ лепагическаго своего усыпленія: одни для того, чшобъ содѣлаться достойными будущаго своего назначенія; другіе для того, чшобъ не унизились передъ новыми сочленами. Соревнованіе вездѣ и всегда было недремнымъ спражемъ общественной дѣятельности.

ФРИБУРГСКІЙ КАНТОНЪ.

Духъ правительства; вольны или бездомныя крестьяне, препровожденіе праздничныхъ и воскресныхъ дней; пристрастіе къ табакъ; особые табельные дни для плясокъ въ шинкахъ. Вонистый характеръ жителей; маршъ Фрибургскаго земскаго ополченія.

Кантономъ Фрибургскіимъ опдѣляется опъ Бернскаго рѣзкою Сингвиною, выходящею изъ

озера Омейскаго ит. выдающагося въ Са-
рину подъ Лаупена. Кроме этого предѣла
физическаго, онъ имѣетъ еще границы поли-
тическія, которыя прежде нежели увидѣте,
почувствуете сами сопоставки вашего пѣ-
ла. Я хочу сказать о худыхъ дорогахъ, оста-
вленныхъ въ пренебреженіи какъ бы нароч-
но съ шѣи намѣреніемъ, чтобы препятство-
вать сообщенію съ сосѣдственными канто-
нами. Но крайней мѣрѣ прочія распоряженія
и мѣры здѣшняго правительсва, или спра-
ведливѣе, правительствъ правительсва, Іезуи-
товъ, очевидно клонятся въ попу, чтобы
усилить жищелей кантона отъ влі-
янія образованныхъ сосѣдей и въ особенно-
сти отъ общества просвѣщенныхъ ино-
странцевъ, посѣщающихъ Швейцарію. По-
сѣднее обстоятельство, повидимому, мало-
важное, можетъ имѣть слѣдствіа весьма
значительныя не только въ отношеніи къ
образованности, но и по части хозяйствен-
ной; потому что и въ прочихъ кантонахъ
продовольствіе и изобиліе жищелей зави-
сятъ не только отъ внутренняго промысла,
сколько отъ прилива путешественниковъ,

приходящихъ каждое лѣто удивлялись дѣлней природѣ и властью данъ ея дѣлать. Жалко, что легковѣрные граждане, обманываемые Іезуитами, не подозрѣваютъ въ нихъ ни какой хитрости, а что всего важнѣе, по проспотѣ сердца своего и совсѣмъ кажутся неспособными къ подозрѣніямъ.

Впрочемъ кантонъ Фрибургскій до сихъ поръ имѣетъ еще значительное число богатей какъ между гражданами, такъ и между поселенцами. Аристократы, избираемые для правительственныхъ мѣстъ, большею частію на всю жизнь, такъ же владѣютъ обширными помѣстьями. Но эта монополія во владѣніяхъ предполагаетъ неминуемо большое количество бобылей или бездомныхъ кнущихъ, которые обыкновенно проводятъ весь свой вѣкъ у богатыхъ въ неволѣ и въ работѣ. Я видѣлъ одного толстаго крестьянина, окруженнаго двадцатью помѣями и сухощавыми илопами. Это маленькій образецъ равенства, или лучше, равнолѣсія Швейцарцевъ.

Подобно прочимъ соотечественникамъ, Фрибургскіе крестьяне оплачиваютъ учивостію и обращаютъ на себя вниманіе сво-

ить привѣшпвіемъ. Вспрѣшпвшисъ съ путешешсвенникомъ на дорогѣ, они обыкновенно приподнимающъ шляпу и говорятъ: „да ниспошлеть Хриспосъ тебѣ небесное благословеніе!“ Расположеніе домовъ здѣсь почти такое же, какъ и въ Вернскомъ кантонѣ; но въ нихъ не видно того убранства и нѣхъ удобностей, какія встрѣчаются въ послѣднемъ. Въ праздничные и воскресные дни креспьяне и креспьянки собираются въ нранширы и, сидя за длинными столами, пьютъ вино и пиво безъ умѣренности. Виноградниковъ въ Фрибургскомъ кантонѣ очень мало и вино очень худо; но вмѣсто вина нѣрѣдко употребляется выдѣлываемая на горахъ вишневка (l'eau de cerises). Обыкновенныя закуски состоятъ изъ свѣжаго Грюерскаго сыра и сдобнаго пирога или пирожнаго блина, тонкаго какъ листъ, сложеннаго байнами наподобіе блондъ и имѣющаго въ поперешникѣ по крайней мѣрѣ около фупа. Лакомое пирожное печется на сыронѣ, который дѣлается изъ сока плодовъ и навѣшпется здѣсь подъ именемъ *соуса*. Табакъ есть смерпная охота вообще Швейцар-

ца; ни старые, ни молодые никогда не рас-
стаются съ трубками; и пучи дыма носящи-
ся вѣчно въ шинкахъ, какъ густыя облака
надъ Альпами. Въ Фрибургскомъ кантонѣ
шабакъ сѣсшавляетъ одну изъ главныхъ от-
раслей промышленности; и въ сѣверной спо-
ронѣ кантона цѣлыя поля засѣяны эппи-
распеніемъ. Молодежь, участвующая въ кор-
чемныхъ пиршествахъ, собирается въ оп-
дѣльной кружокъ съ нарядными и пригожи-
ми дѣвушками. И тѣ и другіа пьютъ много,
поютъ мало, а пляшутъ и еще меньше. Для
плясокъ есть у нихъ особенные и, такъ сна-
зупь, шабельные дни; на примѣръ понедѣль-
никъ и вторникъ карнавала; воскресенье,
понедѣльникъ и вторникъ національнаго ихъ
праздника, называемаго общенароднымъ хоро-
водомъ (*La dedicace générale des danses*). Въ
продолженіе сего послѣдняго, празднуемаго
осенью, всѣ шинки наполнены шумными со-
браніями; во всѣхъ поютъ, играютъ на ин-
струментахъ и пляшутъ; но для отвраще-
нія безпорядковъ, законъ запрещаетъ пля-
сать позже восьми часовъ вечера. Шинки
или пражширы можно назвать народными

клубами, въ кошорыхъ крестьяне убивають время, привыкають къ лѣности, празднують праздники, играють свадьбы, а иногда читають какую нибудь газету и разсуждаютъ о полишикѣ. Къ несчастію, число эпихъ заведеній простирается до каппелеса; въ одномъ Фрибургѣ читають ихъ около ста; не говорю уже о прочихъ, разсѣянныхъ по всѣмъ дорогамъ и по всѣмъ угламъ кантона. Приличіе не позволяетъ дѣвушкамъ пѣть ни въ шинкахъ, ни на улицахъ; а пошому и хорожденныя пѣсни совсѣмъ здѣсь неизвѣстны. Преданіе сохранило одинъ только маршъ свадебный, играемый на всѣхъ свадьбахъ и освященный глубокою древностію.

Жители здѣшніе повидимому болѣе, нежели прочіе Швейцарцы, удержали воинственный характеръ своихъ предковъ; по крайней мѣрѣ ни одинъ кантонъ не снабжаетъ иностранныхъ державъ и особливо Франціи такимъ числомъ воиновъ, какъ кантонъ Фрибургскій. Меня спрашивали многіе старики и старухи, съ обыкновеннымъ ихъ просподушемъ, о своихъ Жакахъ и Жозефахъ, служившихъ въ большой арміи Наво-

леона и оставшихся или удержанных, по ихъ мнѣнію, въ Россіи для возобновленія Москвы. Вѣроятно они всѣ пали подъ Полоцкомъ, гдѣ весь Швейцарскій полкъ, какъ жавѣстно, зарубленъ и уничтоженъ отважнымъ напитокомъ одного изъ героев эпохи битвы. Земское ополченіе Фрибургское имѣетъ собственный маршъ, достопримѣчательный по выразительности тона и по протекательной простотѣ своего смысла. Предлагаю здѣсь буквальный переводъ его.

„Однажды шелъ я на гору Грюеръ по-
смопрѣль мое спадю; вдругъ съ вершины
пригорка слышу военный маршъ; сердце мое
забилося и я сказалъ самъ себѣ: пойдемъ,
ополчимся за опечесство; ему я долженъ за-
планишь моимъ сердцемъ и моею жизнію.
Гремите барабаны; я иногда послѣдую за
вами.“

„Полкомъ, по крапчайшимъ пропинкамъ
спремлюся къ моей хижинѣ; схватываю мое
оружіе и спѣшу въ ряды нашей храброй дру-
жины. Просни, родимая мать! Просни, родная
сестра! смоприше за хозяйствомъ нашимъ;

а пы, цвѣтъ нашего селенія, о Тереза! береги для меня швое сердце.“

„Привѣспивую васъ, милые братья! Привѣспивую васъ при раза, мой сподвижники рашные! О какъ мнѣ пріятно смодръшь на васъ! Какъ мнѣ пріятно бытъ въ вашей дружинѣ! Рядомъ съ нами идешь память нашихъ предковъ Швейцарцевъ. Фрибургъ! не бойся ничего; швом дѣлши не помрачатъ швоей славы.“

Ф Р И Б У Р Г Ъ, Іюня . . .

Дикое мѣстоположеніе города; дома на скалахъ и въ горѣ; улицы на крышахъ домовъ. Разноплеменность и разноязычье гражданъ. Династия, владѣвшая Фрибургомъ и происхождение его независимости. Состояніе народонаселенія; излішество монашествовающихся. Примѣчательнѣйшіе монастыри; семинарія; гимназія; Ланкастерская школа. Причины медленнаго хода просвѣщенія и образованности.

Дворцы царскіе, дома вельможъ и роскошныя мызы богачей имѣють особенную

*

прелестъ, когда лежатъ посреди улыбающихся окрестностей; напропивъ того романпическія башни, древніе монастыри и рыцарскіе замки тогда только на своемъ мѣстѣ, когда споятъ въ глуши и окружены мрачными дебрями. Романпическое положеніе Фрибурга, принадлежащее къ послѣдному изъ эпическихъ двухъ родовъ, во всѣхъ отношеніяхъ соотвѣтствуетъ характеру древнихъ его зданій, времени ихъ построенія и господствовавшему духу того времени.

Спускаясь съ горы Бернской, вы съ перваго взгляда догадываетесь, что эти глубокіе овраги и длинныя ряды голыхъ утесовъ, увѣнчанные зубчатыми стѣнами и башнями, избраны были первоначально какимъ нибудь рыцаремъ одиннадцатаго или двѣнадцатаго столѣтія для того, чтобы защищаться отъ набѣговъ сильныхъ и хищныхъ сосѣдовъ, или для того, чтобы за этими оградами перзать спокойно слабыя жертвы своего жестокосердія, какъ Альпійскіе орлы перзаютъ ягнятъ на неприспунныхъ вершинахъ.

Рѣка Сарина, извиваясь дугою или полукружіемъ, раздѣляетъ городъ на двѣ части. На правомъ берегу ея лежатъ подолъ или нижняя часть города; а надъ подоломъ сползаютъ полуразвалившіеся утесы, изъ которыхъ одинъ, выдавшійся впередъ и повисшій на воздухѣ въ видѣ балкона, держитъ еще на хребтѣ своемъ церковь и башню съ подъемнымъ мостомъ. На лѣвомъ берегу поднялся спѣною отвѣсныя скалы, имѣющія около 300 футовъ высоты и выполированныя водою, какъ бы руками каменосѣцевъ. Подошвою сползаютъ онѣ на днѣ рѣки, а вершиною сливаются въ одну спѣну съ пышными домами, на нихъ выросшими. Надобно имѣть голову крѣпкую и совсѣмъ неподверженную круженію, чѣобы спокойно изъ оконъ этихъ зданій въ зияющія подъ ними бездны. Переулокъ, называемый коропкою дорогою (Court chemin), достопримѣчательнъ также стройнымъ положеніемъ домовъ своихъ, которые привисы къ крушизнамъ горы, наподобіе пичьихъ гнѣздъ, и въспло кровли покрыты каменною моствою улицы *Большаго водомета*; такъ чпо

во внушренности ихъ, раздаются и попопъ лошадей и сплукъ экипажей, ѣдущихъ по пошолку и надъ головою жшпелей.

Покашая возвышенность горы, защищенной съ двухъ или почти съ шрехъ споронъ рѣкою Сарниою, предспавляетъ совсѣмъ другой городъ, отличный опть подола наружноспію зданій, нравами гражданъ и самымъ языкомъ. Жшпели подола сохранили еще до сихъ поръ въ нѣкоторой спепенн просшопу нравовъ Швейцарскихъ и особенное свое нарѣчіе Нѣмецкое; напротшвъ шого, на горѣ вы вспрѣчаеше вдругъ Французовъ съ ихъ языкомъ и даже съ свойспвенною имъ фшзшомією. Такое различіе двухъ часпей города предшлагаетъ различное ихъ происхождение. И въ самомъ дѣлѣ низовая часпъ или подоль, сосшавляющій шеперь одно шолько предшспіе, извѣспенъ былъ подъ именемъ *Friburgum Nuithorum* еще около половины двѣнадцатаго спольшія; а самый городъ, занимающій возвышенность горы, обязанъ началомъ своимъ Герцогу Церингенскому Бершольду IV, который населилъ его въ 1178 году двадцашью чешырьмя приходами или

селеніями Французской Швейцаріи. И такъ различные оппѣнки характеровъ въ разномысленныхъ гражданахъ надобно приписывать не чему иному, какъ сильной ихъ привязанности къ обычаямъ своихъ предковъ и постоянному чужденію одного племени отъ другаго, обыкновеннымъ качествомъ всѣхъ Швейцарцевъ. Но какимъ образомъ эти качества могли оспашься неизмѣнными въ продолженіе восьми вѣковъ, и при томъ въ гражданахъ, исповѣдующихъ одну вѣру и управляемыхъ однимъ закономъ; случай сей, по видимому, есть такое же явленіе въ мірѣ политическомъ, какъ и судьба нѣкопорохъ народовъ, поглощенныхъ другими народами въ два или въ три вѣка. Къ спраннымъ Фрибурга надобно прибавить еще одну довольно забавную: а именно, кромѣ главныхъ діалектовъ Французскаго и Нѣмецкаго, онъ имѣлъ и свое *râtois* или особенное нарѣчіе, сославившееся изъ смѣси двухъ первыхъ. Имъ говорятъ граждане, живущіе на скалахъ горы и занимающіе средину города. Сихъ послѣднихъ въ нѣкопорохъ смыслъ можно назвать проваодишелями спранзинной

торговли между двумя главными часпями города и въ тоже время полмачами двухъ главныхъ племень, изъ коихъ многіе совсѣмъ не понимающъ другъ друга и совсѣмъ неспособны къ непосредственному сообщенію.

Начиная съ принадлежаго столѣтія, Фрибургъ имѣлъ почти одинакой жребій съ прочими городами сѣверной Швейцаріи. По уничтоженіи фамиліи герцоговъ Церингенскихъ, онъ достался графамъ Кибургскимъ; опъ нихъ перешель къ графамъ Габсбургскимъ и былъ удѣломъ Императора Рудольфа Габсбургскаго. Попомъ, въ продолженіе почти двухъ вѣковъ, онъ принадлежалъ герцогамъ Авспрійскимъ, служа подъ ихъ знаменами и участвуя во всѣхъ ихъ войнахъ противъ соединенныхъ шпатовъ Швейцарскихъ. Въ 1450 году Императоръ Фридрихъ объявилъ Фрибургъ независимымъ; но герцогъ Савойскій Людовикъ, пользуясь эшимъ случаемъ, успѣлъ его подчинить своей власти, подъ предлогомъ усупки значительной суммы денегъ, копорыми долженъ былъ ему сей городъ. Наконецъ союзными своими пракшами съ Берномъ, а еще болѣе участиемъ

въ войнѣ Швейцарцевъ пропивъ герцога Бургундскаго Карла Дерзновеннаго, Фрибургъ искупилъ свою независимоспъ и въ 1481 году былъ принятъ въ число кантоновъ Швейцарскихъ.

Судя по пространству и окружности Фрибурга, можно было бы подумать, что онъ принадлежишь къ городамъ многолюднымъ; но какъ большая часть домовъ его совсѣмъ кажущся пустыми, и кромѣ того большая часть ихъ отдѣлены одинъ отъ другаго садами и огородами, по и не удивительно, что онъ вмѣщаетъ въ стѣнахъ своихъ только 6,000 жителей. Причиною такой малой населенности должно быть худое состояніе торговли, мануфактуръ и прочихъ отраслей промышленности, такъ какъ и несообразное съ числомъ гражданъ число монашескуюющихъ и расположеніе къ монашеску, лѣпящее спокойствіемъ и изобиліемъ въ жизненныхъ потребностяхъ. Въ послѣднемъ отношеніи Фрибургъ походитъ болѣе на городъ Испанскій или Италіанскій: въ однихъ стѣнахъ его находится семь монастырей; не говорю уже о двѣнадцати прочихъ, разсѣян-

ныхъ по разнымъ мѣстамъ кантона, — и также несоразмѣрныхъ съ его народонаселеніемъ, простирающимся только до 55,000 жителей. Изъ числа первыхъ достопримѣчательнѣйшіе суть: 1) женскій монастырь *Монтпоржбъ*, знаменитый издѣіемъ цвѣтновъ искусственныхъ; 2) монастырь *Иезуитскій*, гдѣ до революціи была Иезуитская коллегія и гдѣ теперь снова поселились Иезуиты подъ начальствомъ снарѣйшины, имѣющаго титулъ *Principalis*. Большая часть изъ нихъ отправляютъ должность профессоровъ въ семинаріи и въ гимназии. *Семинарія* есть высшее училище кантона въ родѣ прежде бывшей коллегіи; въ ней преподають богословіе, нравственную философію, метафизику, логику, физику, математику и каноническое право; а въ *гимназии* учать языкамъ Латинскому, Нѣмецкому, Французскому и словеснымъ наукамъ. Съ нѣкопорого времени открыта здѣсь также и *Ланкастерская школа*, знаменитая своею мѣтодою взаимнаго обученія. Быстрые успѣхи учениковъ этой школы вооружили явно Иезуитовъ противъ ея директора Аббаша Жирара, мужа ученаго,

нравственнаго, дѣятельнаго и во всѣхъ отношеніяхъ почтеннаго.

Не смотря на количество учебныхъ заведеній, науки и искусства вообще находящаяся здѣсь не въ цвѣтущемъ состояніи. Фрибургъ до сихъ поръ не произвелъ еще ни одного ученаго и въ самой образованности, сколько примѣрно, опспалъ опть сосѣдственныхъ кантоновъ. Причиною тому схоластическая метода ученія, имѣющая одностороннюю цѣль. Воспитаніемъ юношества исключительно завѣдывающъ здѣсь монахи, которые заботятся не столько объ образованіи гражданъ, сколько о пригопвленіи канониковъ и клириковъ. Недостатокъ учебныхъ пособій равнымъ образомъ весьма ощущается въ Фрибургѣ; такъ что нѣтъ ни одного публичнаго кабинета, ни одного музея, ни одной галлерей. Библиотека одна только Іезуитская, но и къ ней граждане не имѣютъ доступа.

ПРОДОЛЖЕНІЕ.

Земледѣльческая школа въ Готривѣ. Пустынь Св. Магдалины, состоящая изъ келій, церкви и колокольни, высвѣщенныхъ въ скалѣ. Соборъ Св. Николая. Фонтаны. Знаменитая липа, посаженная въ 1476 году въ память Моратскаго сраженія; гулянье въ липовой аллеѣ; этикетъ Швейцарской знати. Смятенія въ Фрибургѣ между приверженцами Іезуитовъ и Абатя Жирага.

Изъ учебныхъ заведеній кантона самое полезнѣйшее и доспонримѣчательнѣйшее есть безспорно школа земледѣльческая, находящаяся въ Аббадспивѣ Готривѣ, верстахъ въ десяти отъ Фрибурга. Она состоитъ подъ управленіемъ монаховъ Бернардинскаго ордена, которые основали ее въ 1808 году, въ одно время съ школою монастыря Крейцлингенскаго, состоящаго въ кантонѣ Тургаусскомъ. Какъ та, такъ и другая учреждены на одинакомъ положеніи съ инспитумомъ Фелленберговымъ; да и уставъ свой

получили почши непосредственно изъ рукъ сего знаменишаго агронома. Желательно, чтобы вкусъ къ такимъ учрежденіямъ распространялся болѣе и болѣе и замѣнили суешную моду прошедшихъ вѣковъ на поспроеніе убѣжищъ, какія, на примѣръ, разсыяны въ окрестностяхъ Фрибурга, подъ именемъ арміажей или пустынь. Изъ числа послѣднихъ я видѣлъ одну только *пустыню Святой Магдалины*, лежащую на берегу Сарины въ пяти верстахъ отъ города. Она состоить изъ церкви и колокольни, изъ нѣсколькихъ залъ или келій, одного погреба, одной кухни и другихъ принадлежностей. И все это зданіе, имѣющее 400 футовъ длины, вырублено въ каменной скалѣ, а что всего примѣчательнѣе, однимъ только пустынникомъ и его послушникомъ, жившими въ XVII столѣтіи. Сохранилось преданіе, что эти спуженики погибли оба вмѣстѣ въ бурныхъ волнахъ Сарины, опрокинутые въ нее съ ладьею внезапнымъ порывомъ вихря. Съ того времени пустыня ихъ стала удѣломъ убогихъ спарцевъ, которые, наследуя одинъ другому въ эпоху убѣжищъ,

нипаются милоспынею путешественниковъ, привлекаемыхъ сюда любопытствомъ. Именами сихъ послѣднихъ покрыты всѣ стѣны и своды келій. Внутренность церкви и прочихъ комнатъ освѣщается окнами, высѣченными въ стѣнѣ со стороны рѣки. Колокольная, имѣющая 80 футовъ вышины, также высѣчена въ скалѣ наподобіе трубы; а колоколъ виситъ надъ нею снаружи. Дикія окрестности, среди копорыхъ лежатъ пустыни Св. Магдалины, совершенно соотвѣствуютъ ея назначенію. Огромные утесы, сползающіе по берегамъ Сарины въ родѣ длинныхъ и высокихъ укрѣпленій,—быстрая рѣка, разбивающая бурныя волны свои объ ихъ подошву,—вѣтеръ, качающій вершины деревьевъ по скаламъ пригорковъ, и звукъ колокола, теряющійся въ дебряхъ, оставляющъ въ душѣ посѣтителей впечатлѣнія мрачныя и поныя. Прибавьте къ этому угрюмый видъ старика, рассказывающаго вамъ о печальной кончинѣ пружениковъ и картина вапа будетъ достойна кисти романтической.

Въ самомъ Фрибургѣ достопримѣчательнѣйшее зданіе естъ Готическій *Соборъ Св. Николая*, основанный въ 1283 году. Своды главныхъ воровъ и свѣтны паперши украшены довольно хорошими барельефами, въ которыхъ предсавлены грѣшники, низвергаемые демонами въ огонь кромѣшный. Идеи и чертежи вѣроятно заимствованы изъ извѣстной карпины спрашнаго суда, привезенной, можетъ быть, Греками въ Италію около сего времени. Колокольня *Св. Николая*, имѣющая 586 фузовъ высоты, считается самою высочайшею, а звукъ колоколовъ ея самымъ пріятнѣйшимъ во всей Швейцаріи.

Не смотря на гористое положеніе, ничѣмъ Фрибургъ столько не богатъ, какъ водою: кромѣ 28 публичныхъ фонтановъ, онъ содержитъ еще въ верхнихъ частяхъ города нѣсколько водоемовъ; такъ что, въ случаѣ надобности, можно провести ручьи по всѣмъ улицамъ. Гульбищъ въ Фрибургѣ почти совсѣмъ нѣтъ, кромѣ одной липовой аллеи внутри города. Недалеко отъ нея стоишь на знаменитая липа, которая

посажена была въ 1476 году въ память Морашскаго сраженія. Она не высока роспомъ, но достопримѣчательна огромностію спвелла при корнѣ и широкимъ объемомъ пушистыхъ, развѣсистыхъ вѣтвей. Съ нѣкопорого времени эшо почтенное дерево начало шерять свою бодрость и крѣпость, какъ бы опъ груши, что уже не видишь болѣе въ шѣни своей шѣхъ доблеспныхъ гражданъ, которые приходили нѣкогда бесѣдовать здѣсь о подвигахъ предковъ и объ истинной любви къ отечеству. Въ самомъ дѣлѣ, я имѣлъ случай сегодня замѣтить, что скамьи, распавленныя въ шѣни эшого дерева, были не заняты, между шѣмъ какъ липовая аллея наполнена была толпами гражданъ и гражданокъ средняго класса, какъ водишься всегда въ дни воскресные. Я упоминаю исключительно о среднемъ классѣ по тому, что здѣшнія знаютъ или богатыя фамиліи, какъ меня увѣряли, почишаютъ за неприличіе мѣшаться съ такъ называемою ими *gernio*, populace. Вообще примѣтно, что послѣ Германіи, можетъ быть, нигдѣ не наблюдается сполько

эпикеповъ и причудъ, какъ между Аристократами Швейцарскими.

Возвращаясь въ гостиницу Орла, лежащую недалеко отъ аллеи, я сѣлъ подь окномъ и продолжалъ смотрѣть на голы гуляющихъ, которыя, при свѣтѣ луны, казалось, росли и умножались безпрестанно на площади; какъ вдругъ отворилась дверь и входилъ, запыхавшись, докторъ Ж., прошедшій весь день у родныхъ своихъ. „Слышали ли вы новость?“ спросилъ онъ меня съ шоропливостію.— Ни какой.— „Знаете ли, что здѣсь со дня на день ожидають переворота?“ — Я невольно при этихъ словахъ разсмѣялся и напомнилъ доктору объ остроумномъ опивѣшѣ одного изъ Монарховъ сѣвера, при полученіи имъ извѣстія о революціи Женевской: *C'est une tempête dans un verre*; это буря въ спаканѣ. „Ахъ! Ославьте намъ спаканѣ нашъ, опивѣчалъ съ безпокойствомъ докторъ, и возмите, если можно, эту бурю. Вы, иностранцы, конечно будете смотрѣть на эту сцену, какъ на комедію; но для насъ совсѣмъ другое. Мы имѣемъ здѣсь семейства, родство, друзей...“ Да скажите, что даетъ

Часть II.

10

вамъ поводъ къ такому опасенію? — „Всеобщее круженіе головъ, произведенное инпригами Іезуитовъ.“ — Опять Іезуиты! — Чпозжъ это за существа такіа? Вездъ слышно объ нихъ и нигдѣ ихъ не видно. — „Вы сказали правду; они нигдѣ и вездѣ. Тайкомъ и невидимками они прокрались въ кабинеты градоначальниковъ, въ кладовыя богачей, въ спальни женщинъ; поссорили маперей съ дѣтьми, женъ съ мужьями, дочерей съ родителями; и всю эту бурю хопящъ обратили на главу почтеннаго опца Жирара, виноватаго только тѣмъ, что онъ ввелъ и успѣлъ поддержать методу взаимнаго обученія, съ жаромъ принимающую и поддерживаемую всѣми правительствами, любящими просвѣщеніе. Слушайте, слушайте!“ — И въ эту минушу въ самомъ дѣлѣ раздались на площади крики: *Vivent les Jesuites!* — Чего же хопящъ эти Іезуиты? — „Они хопящъ бытъ монополистами воспитанія, чпобы наспроишь умы юношей сообразно съ своими видами; хопящъ оспановишь насъ на шой степені образованности, на какой заспали; а если можно, поодвинуть и назадъ вѣка за два, чпобы послѣ

ного на невѣжествѣ и легкомыслии нашей брашнѣ основашъ личныя свои выгоды. Безспорно, что они приобрѣли нѣкоторую знаменитость воспитаніемъ юношества; но ихъ мешода соспарѣлась, и самая ученость ихъ опснала опъ нашего вѣка. Всѣ глубокія ихъ свѣденія заключаюцца почти въ одной Ланьни; а къ чему послужишь знаніе Ланьни нашимъ гражданамъ, гошоващимся бышь или содержащелыми шракшировъ или шоргашами мѣлочныхъ лавочекъ? И припомъ знаніе недокончанное, а часпо и не начашое, не смотря на десятилѣтія, для приобрѣшенія этого руна испощаема? Слушайте, слушайте.“ И фпашъ раздались крики: „да здравствують Іезуишы!“ — „Да здравствуетъ опецъ Жираръ!“

Тушь я вспомнилъ справедливыя укоризны Холмскаго гражданамъ Новгородскимъ, въ прекрасной рѣчи, произнесенной имъ съ вечаваго мѣспа. „Вы опшвергли, восклицаетъ онъ, роды княжескіе,—и спонете подъ игомъ купцевъ, не знаменитыхъ ни родомъ, ни заслугами, ни паланшами.“—Граждане Фрибургскіе способны, повидимому, сдѣлашь еще болѣе

они готовы свергнуть власть купцевъ и облобызашь ярмо Иезуитовъ. Вопль доспойные плоды того буйнаго и неограниченнаго своеволия, которое, подь именемъ свободы, сполько превозносятъ фанатики полипитческіе!

М О Р А Т Ъ.

Самонадеянность Карла Дерзостнаго; отличительныя черты его соперниковъ, Швейцарцевъ XV столетія. Вероломный поступокъ Карла съ Грансонскимъ гарнизономъ; мщеніе Швейцарцевъ; ихъ победы въ окрестностяхъ Грансона и при Моратъ. Смерть Карла подь стѣнами города Нанси. Остовохранилище Моратское; липа; обелискъ.

Моратъ, по-Нѣмецки Мурпентъ, прославился въ испоріи блистательною побѣдою,

одержанною подъ стѣнами его Швейцарцами въ 1476 году 22 Юня надъ герцогомъ Бургундскимъ, Карломъ Дерзоспнымъ (*téméraire*). Сей герцогъ, кромѣ обѣихъ Бургундїй владѣлъ всѣми низовыми землями Рейна и былъ однимъ изъ сильнѣйшихъ вассаловъ короля Французскаго. Но могущество и вѣстїе, неоплучныя до того времени его спутники, возбудили въ немъ алчность къ новымъ почестямъ. Онъ искалъ прѣона; въ право пребыванія своего хотѣлъ прїобрѣсти и упрочить леспнымъ пшпломъ завоевапелл. Къ несчастію, самонадѣяніе заспавило его пренебречь слабостъ окружающихъ его сосѣдей; а шщеславїе указало ему на такой народъ, кошорый въ то время не имѣлъ соперниковъ въ воинскихъ доблестныхъ. Умѣренность въ дѣлѣ, прудолубїе на поляхъ и мужество въ битвахъ были отличительными чертами Швейцарцевъ япнадцатаго столѣтія. Шалаши и хижины служили имъ кровомъ; мечи и колчуги еоспаивали ихъ упварь; ушесъ, снѣга и бездны были завѣшнымъ наслѣдіемъ отъ предковъ. Они никогда не искали чужаго и шѣны бо-

лѣе дорожили правомъ собственности. Но самымъ драгоценнѣйшимъ для нихъ благомъ была свобода. И вошь съ какимъ народомъ надобно было имѣть дѣло герцогу Бургундскому.

Война открылась въ 1474 году, въ продолженіе котораго Швейцарцы покорили всю линію крѣпостей, разсѣянныхъ вдоль горы Юры. На слѣдующій годъ герцогъ провелъ въ Нейшательскому озеру до 60,000 войска; осадилъ и принудилъ крѣпость Грансонъ къ сдачѣ на капишуляцію: но, не уважалъ данныхъ условій, велѣлъ казнить смертію весь гарнизонъ ея, состоявшій изъ 500 воиновъ. Такое посмѣяніе надъ клятвою и поруганіе надъ священнѣйшимъ правомъ полиптическимъ воспламенили Швейцарцевъ всеобщимъ негодованіемъ и местию. Они рѣшились немедленно наказати клятвопреступленіе; наспигли герцога въ окрестностяхъ Грансона и 3 Марша, обративъ въ бѣгство все его войско, завладѣли чепырьмя спами шелковыхъ шапровъ, шестью спами знаменъ и шпандарповъ, всею утварью домашнею и церковною, большою суммою денегъ и мно-

жеспиомъ драгоцѣнныхъ камней. Въ числѣ несмѣльной добычи оспался и поппъ знаменитый величиною своею алмазь, который служилъ теперь украшеніемъ короны Испанской. Сначала онъ проданъ былъ простымъ рашиникомъ одному священнику за нѣсколько бащценовъ; поппомъ переходилъ изъ рукъ въ руки, достался Англійской королеви Маріи, которая и передала его во владѣніе двору Испанскому, по случаю бракосочетанія своего съ Филиппомъ II.

Печаль о поперѣ Грансонскаго сраженія повергла герцога въ жестокую болѣзнь и, по свидѣтельству Комина, одного изъ современныхъ историковъ, до такой степени разстроила душевныя его способности, что въ немъ уже не примѣтно было въ послѣдствіи времени ни прежняго разсудка, ни прежняго благоразумія. Между тѣмъ онъ не терялъ еще надежды изгладить спыдъ рѣшительнымъ ударомъ; пополнилъ разстроенныя полки свои новыми опрядами, приведенными изъ Бургундіи; соединился въ Лозаннѣ съ союзникомъ своимъ графомъ Ромонскимъ и, такимъ образомъ собравъ въ 1476 году снова

до 60,000 войска, расположился подъ спѣнами Морава, не задолго передъ пѣмъ заняшаго дружиною Берискою и Фрибургскою. Швейцарцевъ всѣхъ было не болѣе 1500; но, привыкши издавна измѣрять силу свою не числомъ воиновъ, а однимъ пламенемъ мужества и рѣшимельности, они заняли 22 Іюня прилегающія къ городу высоты и ударили на непріятелей съ такою быстротою, что въ нѣсколько часовъ накрыли ихъ штурмами весь берегъ Морапскаго озера. Если вѣрнѣе испорикамъ, на этомъ сраженіи пало изъ непріятельскаго войска 18,000 пѣхоты и 5,000 конницы, кромѣ 12,000 попонувшихъ въ озеро. Самъ герцогъ обязанъ жизнию своей лошади, которая перенесла его вплавь на другой берегъ. Такъ окончилась Морапская битва, страшная чудесами храбрости и елѣдствіями опчаднѣя, — битва, на коперой, казалось, сама Слава озаряла своими лучами Швейцарцевъ и сама Смерть спояла подлѣ волчищъ Бургундскихъ съ своимъ погребальнымъ факеломъ. Герцогъ Карлъ потерялъ здѣсь все: и могущество и счастье и бодрость; а снѣжалъ одно шипло *Держосниаго*,

которое и сохраняется на скрижаляхъ испоріи въ поученіе честлюбцевъ, алчущихъ власни и щеславія.

Въ 1477 году онъ осаждалъ городъ Нанси и убитъ былъ подъ стѣнами его 5 Января, будучи ославленъ во время сраженія собственными своими воинами. Съ нимъ окончился вѣпой и послѣдній домъ герцоговъ Бургундскихъ, самыхъ сильнѣйшихъ въ то время между Христіанскими монархами; а оставшаяся по немъ дочь его Марія, по случаю бракосочетанія своего съ Максимилианомъ сыномъ Императора Фридриха III, доставила Нидерланды и Франшконте во владѣніе Австрійскому дому, и стѣмъ самымъ дала поводъ къ продолжительнымъ и кровопролитнымъ войнамъ между Франціею и Австріею.

Между стѣмъ Швейцарцы, собравъ съ поля сраженія кости Бургундовъ, построили надъ ними зданіе въ 44 футовъ длины и въ 14 ширины, которое и сохранялось до нашихъ временъ подъ именею основохранилища Моратскаго (ossuaire de Morat). Оно стояло на берегу озера, въ одной вершѣ отъ Мората.

Въ 1798 году Французы сожгли эпопѣю памятникъ Швейцарской гордоспи, какъ обидный собспвенно для нихъ и, надобно признашья, обидный вообще для человѣческа, по неумѣспному щцеславію надъ мертвыми. Швейцарцы замѣнили попомъ основоохранилище гораздо приличнѣйшимъ и національнымъ своимъ памятникомъ: *липою*; а въ 1822 году Фрибургская республика соорудила на томъ же самомъ мѣспѣ довольно красивый обелскъ; и кромѣ того выбила медаль съ изображеніемъ эпого обелиска на передней споронѣ и основоохранилища на оборонѣ (*).

(*) Въ 1475 году Морать принадлежалъ по праву завоеванія двумъ республикамъ: Бернской и Фрибургской, которыя и посылали въ него, такъ какъ и въ Грансонъ, попеременно своихъ бальфовъ или намѣстниковъ. Но съ 1798 года первый присоединенъ навсегда къ республикѣ Фрибургской, а послѣдній къ Водландской.

А В А Н Ш Ъ.

Великолѣнне древняго Авентика. Пещернице его. Осколки анти-
ковъ; мраморная колонна; мозаикъ; вапни; часть стѣны. Мечты
и провужденіе на развалинахъ.

Опъ древняго Авентика, одного изъ важ-
нѣйшихъ городовъ Римской Гельвеціи, въ
испоріи оспалось одно его имя, а на мѣстѣ
однѣ развалины развалинъ. Авентикъ много
обязанъ былъ своимъ успроеніемъ Веспасіа-
ну, что и дало поводъ почитанъ его оп-
чиною сего Императора. Титъ, сынъ Вес-
пасіана, также украсилъ эпопъ городъ мно-
гими великолѣпными зданіями, поселилъ въ
немъ воиновъ, своихъ рашныхъ сподвижни-
ковъ; даровалъ ему многія преимущества и
между прочимъ почешное шипло колоніи
Гельветической; шакъ что Авентикъ былъ

наконецъ главнымъ городомъ одного изъ чепырехъ кантоновъ Римской Гельвеціи (*).

Но цвѣшущее соспояніе этого города продолжалось недолго; въ концѣ чепверпаго сполѣпія Аллеманы и Бургунды опустошили его огнемъ; въ половинѣ пяпаго Гунны погребли послѣдніе его ошашки. Мѣсто, на кошоромъ онъ споялъ, обращено пещеръ въ огороды и пусшыри; нѣсколько развалинь, уцѣлѣвшихъ опъ спихій и времени, ошались единспвенными памяшниками его древняго великолѣпія, подобно памяшникамъ надгробнымъ, разсѣяннымъ на кладбищѣ. Любопышныя щещно будущъ спрашивашъ въ Аваншѣ кабинета древностей; равнодушіе здѣшнихъ жипелей къ ашпикамъ едвали не равняешся невѣжеспву грубыхъ Турковъ. Къ крайнему вашему удивленію, вы увидише разбросанные на улицѣ камни съ Лашински-

---

(*) Кантонъ Aventicensis тоже, что прежде Urbigenus отъ Орба, занималъ южную часть Швейцаріи; прочіе три, лежащія на сѣверѣ, суть: Augusta Rauracorum въ кантонѣ Базельскомъ (Augst), Windossa, пышшій Вилдичъ, въ кантонѣ Аргаускомъ и Vitodurum, пышъ деревня Обер-Винтертуръ, въ кантонѣ Цюрихскомъ.

ми надписями, карнизы опъ колоннъ и опломки саркофаговъ или жершвенниковъ. На одномъ фоншанѣ посшавлена голова Аполлонова; въ другому прислонена голова Юпитерова; спѣна, оспавшаяся опъ амфитхеатра, служить оградою сада. Внѣ города доспойна примѣчанія бѣлая мраморная колонна Коринескаго ордена, имѣющая 37 фушовъ высошы. Она спойшъ въ огородъ и окружена кучею разбишыхъ камней, поросшихъ крапивою. Нѣсколько далѣе, по дорогѣ Морашской, найденъ въ землѣ довольно хорошей работы мозаикъ, имѣющій около $2\frac{1}{2}$ квадратныхъ фушовъ и предспавляющій поверхность бассейна съ двумя сидящими на немъ голубями и съ чешырьмя по угламъ рыбами. Надъ этимъ мозаикомъ сдѣлали небольшую мазанку съ окномъ и съ дверью, и вѣроятно не съ шюю цѣлю, чтобы предохранить его опъ разрушенія, но чтобы имѣть благовидный предлогъ на щедроты любопытныхъ путешеспвенниковъ. На одномъ изъ холмовъ, прилегающихъ къ дорогѣ Морашской, спойшъ круглая полуразвалившаяся башня. Къ ней примыкаетъ защищенная ровомъ спѣна,

имѣющая 15 фушовъ вышины и 1¼ шолци-
нъ. По направленію сей стѣны, по слѣдамъ
жилья и другихъ признаковъ, полагають
окружность древняго Авеншика около 7 на-
шихъ вершъ или 1¼ Французскихъ лье.

Случающіяся сны чародѣйные, переносящіе
насъ въ оспрова блаженные, — манящіе къ
призракамъ очаровательнымъ и улаждающіе
горькую существенность какими-то удоволь-
ствіями неиспытанными. Пробуждаемся — и
сны легкокрылые исчезаютъ, подобно Еври-
дикѣ, возвращающейся въ царство пѣней и
щещиво призываемой Орфеемъ. Такіяже
ощущенія испытываешь и на развалинахъ
древняго города, когда погружаешься въ
пихую, ничѣмъ непрерываемую, мечшатель-
ность. — Зодчій — воображеніе развиваешь чер-
тежи свои на поверхности земли и прово-
дишь линіи съ кругами въ воздухъ; къ одной
колоннѣ прибавляешь нѣсколько другихъ и
спавишь ихъ передъ великолѣпною курією;
надъ однимъ опломкомъ мозаическаго пола
воздвигаетъ роскошные чертоги вельможи;
по сторонамъ одного дома пропягиваетъ
ряды другихъ домовъ, не менѣе достопримѣ-

чашельныхъ по изяществу вкуса и богатству украшеній. Надъ громадою сихъ зданій поднимающся храмы, башни и торжественныя арки. Входишь въ амфитеатръ и видишь всѣ прилавки занятыя неперпѣливыми гражданами. Борьба начинается; раздаются рукоплесканія—и вдругъ варваръ—пробужденіе разрушаетъ въ одно мгновеніе все то, что воображеніе спростило въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ. Смотришь—и все это пространство, которое теперь только было ограждено зданіями, снова обращилось въ пустошу, удобопроницаемую воздухомъ, лучами солнечными и взоромъ. — Не такъ ли исчезающъ съ лица земли всѣ дѣла рукъ человѣческихъ и самые народы? Всѣ наши времена и лѣта не суть ли однѣ мгновенія передъ природою, при всѣхъ своихъ измѣненіяхъ неизмѣняемою? Исполниъ солнце прошекаетъ путь свой небесный также, какъ и во времена владыкъ земли Римлянъ; пышные луга и одѣтые въ лѣтнюю холмы — шѣже самые, которые улыбались торжественному шествію любви и отрады теловѣческаго рода Тита; но владыки земли оставили

на землѣ одни слабыя слѣды существованія;
и человѣческій родъ лицемерно лицепись своей
опрады.

ПАЕРНЪ.

ПАЕРНЪ — РЕЗИДЕНЦІЯ Бургундскихъ Королей. Память въ народѣ
о Королевѣ Бергѣ; громада и деревянное сѣдло ея въ совогной
церкви.

Городъ сей, основанный, какъ думаютъ,
Римляниномъ Паперномъ, въ четвертомъ и
пятомъ столѣтіяхъ имѣлъ одинакую участь
съ Аваншемъ. Аллеманы и Аппила, прошед-
шіе черезъ него съ огнемъ, не оставили по-
помслву никакихъ памятниковъ Римскаго
владычества, кромѣ одного камня съ Латин-
скою надписью, который находится на мос-
ту Пеймскомъ и которымъ здѣшніе гражда-
не дорожатъ, какъ дипломомъ благороднаго

своего происхожденія. Возстановленіемъ своимъ Паернъ обязанъ епископу Марію, жившему въ шестомъ вѣкѣ, а приращеніемъ народонаселенія Рудольфу первому, — основателю вшораго Бургундскаго королевства, избравшему сей городъ главнымъ мѣстопребываніемъ для себя и для блистательнаго своего двора. Королева Верна, супруга Рудольфа вшораго, также немало способствовала къ распространенію Паерна основаніемъ въ немъ въ 961 году Бенедиктинскаго аббатства. Верна оставила по себѣ такую же память въ южной Швейцаріи, какую Ванда въ Польшѣ, и здѣшніе жители, не смотря на перевороты политическіе, внушившіе имъ чужденіе королевской власти, любящъ еще до сихъ поръ рассказывать о мудромъ правленіи королевы Бургундской, о ласковомъ ея обращеніи съ подданными, о ея щедростяхъ къ народу и духовенству, о ея красотѣ, домашней жизни и путешествіяхъ. Между прочимъ есть преданіе народное, что она имѣла особенную склонность къ занятіямъ хозяйственнымъ, къ руководѣльямъ, и преимущественно къ пря-

жѣ, и что не носила иныхъ одеждъ, кромѣ шѣхъ, копорыя сама прjala.

Въ соборной церкви Паернской, оставшейся послѣ реформаціи опгъ аббатства Бенедиктинскаго, находишся гробница Берпы и хранишся, какъ драгоценная рѣдкость, вѣшкое деревянное сѣдло ея съ просверленными напередѣ коромысломъ (рукоюпью), въ которое будшобы она имѣла привычку спавишь свою кудель съ волною, во время прогулокъ и пупешесивія. Историкъ Рушашъ упоминаешъ шакже объ одной ея печаши, гдѣ она предшавлена прядущею на своемъ шройѣ. Всѣ эти черпы напоминають папріархальную жизнь царей и цариць Гомеровыхъ, копорыхъ памяшь шакже благословлялась въ Греческихъ республикахъ до самыхъ позднихъ временъ.

ЗАМОКЪ ЛЮСАНЪ.

Онъ виситъ часпю на скалахъ, часпю на горѣ, обѣченной въ видѣ щеррасъ и опоясанной садами, огородами, виноградниками. Картина превосходная! — Здѣшніе жители, повидимому, не знаютъ начальной исторіи этого замка; извѣстно только, что до временъ реформаціи онъ принадлежалъ епископамъ Лованскимъ, которые управляли имъ въ духъ своего времени, какъ рыцари духовные. Широкая, вымощенная камнями дорога, въ довольно оплогихъ изгибахъ ведетъ въ самую внутренность замка; такъ, что святыя ошцы могли подниматься и спускаться въ экипажахъ, не имѣя нужды изнурять своей плоти ни восхожденіемъ, ни нисхожденіемъ. Я поднялся по крупнымъ деревяннымъ лѣсницамъ, нарочно успроен-

*

нымъ для пѣшеходцевъ и вошелъ въ замокъ черезъ узкую боковую калишку. Услужливый спорожъ, узнавши причину моего посѣщенія, поспѣшь схватилъ огромную связку ключей и началъ водить меня по темнымъ переходамъ, закоулкамъ и подваламъ, безпрестанно ошпирая и запирая тяжелыя, скрипучія, окованныя желѣзомъ или желѣзныя двери. Онъ показалъ мнѣ святишельскія кухни и святишельскіе погреба, которыхъ спѣны, казалось, еще до сихъ поръ были упитаны ароматами винъ Кипрскихъ и Италіанскихъ; попомъ ввелъ меня въ темную, освѣщаемую однимъ окномъ залу, гдѣ жили епископы *стайнъ*, и, судя по приписываемымъ имъ жестокостямъ, можно прибавить: *въ ловительствѣ убогаго*. На дворѣ естъ колодезь; мой вожапой бросалъ въ него зажженную солому, чшобы показашъ его глубину, и въ поже время позабавилъ игрою огня и хлопаніемъ воспламененныхъ газовъ. Въ верхній ярусъ замка, состоящій изъ башенъ, нѣтъ другаго хода, кромѣ подъемныхъ или подставныхъ лѣспницъ. Самая достопримѣчательная башня—шюремная; имѣющая

не болѣе сажени въ поперешникѣ. Каменный
поль и нижнія часпи спѣны выбиты ко-
лѣнами, головами и цѣпями узниковъ; сквозь
узкія, прорѣзныя окны видны холмы, по-
крышыя рощами,—долина Люсанская, пере-
сѣкаемая рѣчкою Бруа,—городъ Мёдонъ и
часпъ Альповъ. Миѣ кажется, прелазы на-
рочно поспавили эту шюръму среди та-
кихъ великолѣпныхъ видовъ, чшобы возбу-
ждашь въ несчастныхъ жажду къ наслажде-
ніямъ, для нихъ недослупнымъ. Такъ въ
средніе вѣки ушончено было искусство му-
ченій вмѣспѣ съ зодчеспвомъ шюремнымъ!
Съ 1536 до 1798 года замокъ сей былъ
мѣспопребываніемъ бальфа Бернской рес-
публики; въ послѣдспвіи времени правитель-
ство Водшландское продало его въ часпное
владѣніе фамиліи Жалы.

МЁДОНЪ.

Башня, оставшаяся отъ Римскаго города Минидуна. Тронная зала герцоговъ Савойскихъ. Примечательный фрескъ: судъ Соломоновъ; лица, изображенныя въ Русскомъ костюмѣ; аллегорическое дерево. Хартия Водландская; сходство ея съ Русскою Правдою. Сборникъ законовъ Бернской республики; законы противъ ожорства, пьянства и танцевъ. Три брачныя танца, не воспрещенныя закономъ.

Мёдонъ, сжатый двумя рядами горъ и омываемый рѣчкою Бруа, спойнтъ на развалинахъ Римскаго Минидуна (Minidunum), опъ кошораго, кромѣ другихъ памятниковъ, сохранилась еще одна огромная квадратная башня. Особенными правами и преимуществами пользовался сей городъ во время владычества герцоговъ Савойскихъ, когда онъ былъ главнымъ городомъ всей Водландской области и сборнымъ мѣстомъ депушаповъ опъ чешырехъ большихъ или добрыхъ

городовъ: Ивердона, Ніона, Моржа и самаго Мёдона, и опгъ десятии прочихъ, принадлежавшихъ ко впорому разряду. Самая любопытная рѣдкость, оставшаяся опгъ этого времени, еспъ иронная зала герцогскаго дворца, служащая нынѣ подваломъ одного изъ адъиныхъ пракировъ. Хотя она завалена вся древами и съѣсными припасами; но фрески, кошорыми расписаны ея стѣны, могутъ дать еще нѣкоторое поняшіе о пышности и вкусѣ Савойскаго герцогскаго двора въ средніе вѣки. — Примѣчательнѣйшая картина, занимающая цѣлую стѣну, еспъ *судб Соломоновъ*. Она раздѣляется на двѣ довольно замысловатыя часпи: на дѣйствіе историческое и дѣйствіе аллегорическое. Первое, состоящее изъ многихъ главныхъ лицъ, сопровождается еще многими поспоронными и между прочимъ группою музыкантовъ, изъ коихъ одинъ играеть на волынкѣ, а другой бьеть въ барабанъ. Нельзя ручаться рѣшительно за мысли художника; но, вѣроятно, онъ хотѣлъ выразить эпою игрою шоржесиво правосудія. Эпа часпъ картины привлекла особенное

мое вниманіе шѣмъ, что нѣкоторые изъ дѣйствующихъ въ ней лицъ одѣшны въ Русскіе кафшаны, опоясаны кушаками и осприжены въ скобку; по крайвей мѣрѣ для насъ Русскихъ любопышно узнать, что въ средніе вѣки Савояры, а можешъ бышь и Швейцарцы одѣвались и носили волосы также, какъ шеперь у насъ простолюдины. Другая часшь карпины, сосполчая изъ чистой аллегоріи, предспавляетъ плодоносящее и многовѣпвисное *дерево*. Это—дерево добра, насажденное при исходивцахъ водныхъ; а плоды, копорыми оно покрышо, означаютъ, какъ видно изъ надписей, разные виды добродѣпелей, какъ шо *воздержаніе, смиреніе, цѣломудріе, благодетіе* и пр. Между шѣмъ какъ оно красуется своимъ цвѣпомъ и крѣпостию; два чудовища въ видѣ челоѳческомъ, или, какъ гласяшъ надписи, два порока: *клевета* и *зависть*, пеляшъ его корень огромною пилою. Не смотря на спраннышъ идей и на спранный образъ ихъ выраженія, нельзя не замѣпшишь прочности красокъ и пщательности черпшежей эпои карпины; вѣропшно она писана была не проспымъ, но

отличнымъ художникомъ здѣшняго края, если только писана не позже пятнадцатаго столѣтія.

Хартія Водшландская, данная 14 Іюля 1359 года въ Мёдонѣ, заключаетъ въ себѣ довольно любопытныя статьи касательно полиціи и уголовныхъ законовъ того времени и, къ крайнему удивленію нашему, совершенно сходныя во многихъ мѣстахъ съ нашею *Русскою Правдою*. Таковы законы о пени, взимаемой за побой; напримѣръ: „если кто въ ссорѣ ударитъ или прибьетъ другаго, и будутъ свидѣтели одинъ мужчина или одна женщина, которыхъ утвердятъ показаніе присягою предъ судіями (Prud'hommes); то виноватый, бившій палкою или другимъ орудіемъ, до крови или безъ крови,—плашитъ владѣльцу (au seigneur) бо су пени, а испцу 30 су.—Кто ударитъ другаго кулакомъ, плашитъ владѣльцу три су, а тому, кого ударилъ 18 денегъ (deniers) (*).—Кто дастъ другому пощечину, шіуну плашитъ 5 су и 30 денегъ заушенному.—Кто войдетъ

(*) Denier есть десятая доля су и равна одной денсжкѣ.

днемъ въ чужой садъ или огородъ безъ позволенія хозяина, и не для того, чшобы выгнать свой скопъ или свою пшпцу, плашишь владѣльцу 10 су, а хозяину сада или огорода 5 су; если же не въ сосшояннн заплашишь этой суммы, то повиненъ пробѣжать нагой черезъ весь городъ. Если войдешъ въ чужой садъ или огородъ ночью, владѣльцу плашишь 60 су, а хозяину 10 су; если же войдешъ шуда за своимъ скопомъ или пшпцею, обязанъ заплашишь только за поправу: но въ такомъ случаѣ хозяинъ сада или огорода, или вмѣсто него кто другой, извѣстный своею честностью, обязаны показать количество поправки подъ присягою.“ — Не нужно доказывать, что эти законы заимствованы изъ одного источника съ Русскою Правдою и что они занесены сюда съ сѣвера, можетъ быть, Бургундами, такъ какъ въ Россію Варягами или Ганзою; но нельзя не замѣтить весьма важной разности въ томъ, что сіе законодательство, свойственное однимъ народамъ полуобразованнымъ, въ Россіи имѣло силу не далѣе шринадцатаго столѣтнн, а въ Савоин и

въ южной Швейцаріи до половинны шестнадцатаго. Такое значительное распояніе времени не можетъ ли служить новымъ доказательствомъ, сколько Россія въ средніе вѣки опередила западные народы на поприщѣ образованности и сколько попомъ отстала отъ нихъ, оспановленная въ своемъ стремленіи варварами Монголами? — Нельзя сказать рѣшиительно, имѣла ли свою силу Водшландская харпія далѣе 1536 года, по есмь далѣе того времени, когда Водшландская область поступила во владѣніе Бернской республики; по крайней мѣрѣ извѣстно, что эта республика не замедлила въ первой обнародовать сборникъ своихъ законовъ. Изъ нихъ достойны особеннаго примѣчанія законы о невоздержаніи, въ силу которыхъ обжоры и пьяницы или всѣ шѣ, которые ѣли и пили безъ мѣры, повинны были платить 10 флориновъ пени; женщины платили только половину сей суммы; церковнослужители и чиновники государственныхъ опрѣщались отъ своихъ мѣстъ; а шѣ, которые побуждали другихъ пить безъ мѣры, обязаны были платить 30 су пени. Танцы

объявлены были забавою соблазнительною и запрещались подъ опасеніемъ 3 флориновъ пени, исключая, пакъ наименованныхъ, прехъ честныхъ панцевъ въ дни брачныя, *trois honnêtes danses sur les jours de noces*, копорые никогда не были возбраняемы законами. Вопть чъмъ сильны были Швейцарцы среднихъ вѣковъ и чъмъ въ особенноти приобрѣла силу и арѣлоспъ республика Бернская!

Н І О Н Ъ, $\frac{8}{20}$ Іюня.

Панорама Женевскаго озера.

Сегодня ночеваль я въ Ніонѣ (*Colonia equestris Novidunum*). Рѣзкія впечатлѣнія, произведенныя великолѣпнымъ арѣлищемъ вечера, повторалясь безпреспанно въ моемъ воображеніи и не смотря на мою усалоспъ мѣшали мнѣ погрузишься въ дремоту. Нако-

нецъ раздалось на улицѣ хлопанье звонкаго бича, и подъ крыльцомъ гостинницы прослуцалъ горный шаръ, (крышная линейка, *char-à-banc*), запряженный парюю муловъ. Я спросилъ моего проводника и немедленно отправился съ нимъ въ Доли, одной изъ высочайшихъ горъ хребта Юранскаго.

Извѣстный путешественникъ Тавернье, по возвращеніи своемъ изъ Азіи, увѣрялъ, что видъ Женевскаго озера изъ Обони превосходитъ все видѣнное имъ во время долгихъ его походовъ и что съ этимъ ландшафтомъ можетъ равняться одна только картина окрестностей Эривани, Персидскаго города. Видъ сей въ самомъ дѣлѣ отличаетъ особенною красою и великолѣпіемъ; но онъ простирается только на одну половину панорамы и оспанавливается большею частью на впороспеленныхъ горахъ, заграждающихъ линію хребта Альпійскаго И потому Обонь, въ отношеніи обширности и разнообразія зрѣлища, безъ всякаго сомнѣнія, должна уступить Доли, которая поднимается надъ поверхностью озера на 5178 футовъ или на 738 саж. и 3 фуша и съ вершины во-

порой видно около шести озеръ и цѣпь Альпійскихъ горъ, простирающаяся въ длину на чепыреста верстъ.—Вопль чпо побудило меня предпринять путешествие къ этому гиганту, хотя я не всходилъ на самое шема его, а оспанавливался недалеко отъ мѣшетка Сен-серга, черезъ которое проходитъ дорога Швейцарская во Францію.

Шаръ нашъ оспался при подошвѣ Юры, куда мы прибыли на разсвѣтѣ. Далѣ проводникъ мой велъ меня по узкой тропинкѣ, черезъ густой лѣсъ, мимо глубокихъ овраговъ; и всякой разъ, какъ только выходили мы на открытой холмъ или на поляну, онъ напоминалъ мнѣ, чпобъ я не сморѣлъ назадъ и не оборачивался. Я повиновался его запрещенію съ покорностію, какъ бы боясь бытъ наказаннымъ за преждевременное любопытство, подобно Орфею, лишившемуся своей Евридики, а съ нею и своего блаженства, единственно отъ нешерфнїа.

Наконецъ мы достигли высочайшей горной шеррассы, покрытой справою и душистыми цвѣтами; я бросилъ взоръ мой въ новый міръ, въ бездну непостижимыхъ чудесъ

— и въ самомъ дѣлѣ пробыль нѣсколько минутъ въ изумленіи. Такъ разительны были красота предмешовъ, разнообразіе ихъ формъ и неизмѣримосць горизонша! Мой чичероне, пользуясь дѣйствіемъ на меня эпого зрѣльца, съ поржесшвомъ началъ вышверженную имъ рѣчь о горахъ, и спарался сопровождашь ее такими важными шѣлдвиженіями, какія едвали принималъ и самый его соименикъ, знаменишый Римской вишія, когда обращался къ Албанскимъ холмамъ и роцамъ.

Хребетъ Юры, на которомъ я споялъ, шянулся къ Югу въ видѣ укрѣпленія, увѣчавнаго въ разныхъ мѣспахъ зубчатыми бастіонами. При подошвѣ его сплались зеленымъ бархашомъ долины; разверпывались бѣлыми шванями горные пошоки; поднимались холмы, украшенные виноградниками и каштановыми роцами. Между ними разсѣяны пышячи мызь и деревень съ узорчатыми садами, съ шополевыми аллеями. Двадцать городовъ съ ихъ замками и башнями смонрѣлись въ прозрачной кристалль озера, изгибающагося съ востока на западъ и съ сѣвера на югъ. Верхля часнь сего огромнаго водоема, — шамъ,

гдѣ бурная Рона пробивается въ него изъ подгорныхъ сводовъ, — обнесена высокими, опшѣсными скалами. Надъ ними лежатъ группы горъ въ видѣ куполовъ съ ихъ шпицами и обелисками; однѣ изъ нихъ разваливаются, падаютъ, — другіе гордо возносятъ свое чело къ облакамъ, смѣясь надъ угрозами времени, надъ ударами молній и надъ порывами вулкановъ, колеблющихъ основанія земныя. Вокругъ нижней части озера, опоясанной нѣсколькими рядами роскошныхъ холмовъ, разсыпаны богатыя мызы съ садами. Посреди ихъ и при самомъ истоцѣ Роны поднимается амфитеатромъ Женева, вѣчная Цибелла эпой спраны очарованной. На востокъ и югъ идутъ въ одномъ направленіи съ Юрою два длинныхъ хребта Воарона и Салева. Сквозь широкое отверстіе, копорыиъ они опдѣляются одинъ опъ другаго, видна гора Мо.иъ, образующая огромную пирамиду. Она спомпгъ на площади, окруженной горами Фоссиійскими, копорыихъ разные ярусъ, нагроможденные одни надъ другими, восходятъ къ величественному пантеону древняго міра—къ Монблану. Опъ сего вели-

кольпнаго памяшника природы проспираюп-ся на югъ и на сѣверъ бѣлою волнистою полосою покршыя вѣчнымъ снѣгомъ Альпы, соспавляющія основаніе всей панорамы на проспранспвѣ двухъ сопъ или болѣ верспъ.

Сіи двѣ цѣпи: Юранская и Альпійская, служація предѣлами особеннаго міра и опдѣленные одна опъ другой долинами, Роною и озеромъ,—въ поже время соединяющся между собою пропивоположными хребтами Вуаша и Юрапа. Первый, изгибаясь серпомъ на южномъ горизонтѣ, идепъ опъ Юры къ опрасли Альпійской Салеву; другой, защищая озеро со спороны сѣвера, шпанется длинною косою опъ Швейцарскихъ Альповъ къ Юрѣ; на пышныхъ холмахъ его красуюпся Лозанна, Обонъ и виноградники Лаконна.

Не смотря на дальнее распояніе Юры опъ Альповъ и на различныя породы ископаемыхъ, соспавляющихъ ихъ основаніе, — первая заключаепъ въ воспочныхъ своихъ ребрахъ множеспво слоевъ гранипныхъ, совсѣмъ ей несвойспвенныхъ. Еспеспвоиспытатели думаютъ, что эпи слое супъ оп-

лѣпки Альпійскіе и занесены сюда во время спирающаго, совершившагося на земномъ шарѣ, переворота, но ещѣ во время всеобщаго потона, котораго слѣды видны адѣсь на каждомъ шагу, въ образованіи рѣкъ, озеръ, горъ и долинъ.

Но эти разорванные хребты и раздробленныя горы,—эти развалины и великіе памятники земли первобытной казались мнѣ основаніемъ міра новаго; наспоющее ушра было для меня ушромъ міроуданія; въ длинныхъ шѣмахъ и густыхъ шумахъ я видѣлъ подобіе хаоса, скрывавшаго землю, какъ бы еще неуспроенную. Наконецъ наступила минута высокая!... Погруженная въ безмолвіе природа, съ благоговѣніемъ ожидающая пришествія Творца своего, съ страхомъ и пренешомъ почувствовала его присутствіе. Господь изрекъ свѣтлое повелѣніе: да будетъ свѣтъ!—И лучи солнечныя зажглись на Монбланѣ, на Шпицѣ Серебреномъ, на Орнекѣ и другихъ высочайшихъ горахъ, на которыхъ они догорѣли вчера при захожденіи солнца. Но въ то время, убѣгая изъ міра дольнаго и спремясь горѣ къ источнику

сѣна, эки лучи оспавляли за собою хаосъ и смернь; шенерь, наливаясь ошь погосе свѣтоносного испочинма и чрезъ нѣже вершинны, какъ чрезъ проводимки электрическіе, несли съ собою на землю шеплоу, жиакъ и радоснь. Черезъ мнунути они покрьли розовыми спруями весь хребень Альпійской, оправились огненною полюсою на хребтѣ Юры, повисли радугами въ шунанахъ и играли перлами на деревьяхъ и на перакѣ. Земля услышала гласъ Творца своего и воспринуда; холмы възграли; рыбы пласались въ водахъ и Альпійскіе орлы плавали въ воздухѣ; между нѣми капя нѣцыи пернацыи нѣли упренній гмиа въ роцкахъ кашкацонныхъ, лавровыхъ, гранатоныхъ.

Съ изумленіемъ смогрѣлъ я на зшо великое пиршество юнаго міра; и, подобно новому челоуку, полько сейчасъ вышедшему изъ рукъ Создателя, не умѣлъ наименовать сихъ величественныхъ явленій, поражавшихъ взоръ мой,—ни сего голубаго шапра, повисшаго на цѣпяхъ горныхъ и опражавшагося въ хрусталѣ озера съ своими розовыми облаками; ни сего огненнаго шара, выкашив-

*

шагося изъ за опдаленныхъ горъ и остано-
вившагося на снѣжныхъ вершинахъ. Я чув-
ствоваль, что душа моя упивалась дыха-
нiемъ существованiя высшаго, дополъ ею
еще не испытаннаго. Чуждая всѣхъ земныхъ
помышленiй, она силлась какъ бы истор-
гнуться навсегда изъ оковъ, привязываю-
щихъ ее къ міру дольному; и съ той высо-
чайшей ступени, на которой я стоялъ,
голова была погружена въ неизмѣри-
мость неба, какъ единственной сферы, мо-
гущей распространить ея силы и дать
спремленiе ея полету. О какъ сладостна
жизнь небесныхъ восторговъ, раждаемыхъ
высокимъ зрѣлищемъ чудесъ Божiихъ, и какъ
кратка для смершнаго эта жизнь, свой-
ственная однимъ небожителемъ!...

ЖЕНЕВА, Юня $\frac{5}{30}$.

Версуа, городъ съ улицами безъ домовъ. Приливъ иностранцевъ въ Женеву. Смесь націй и языковъ за ужинкомъ. Швейцарскій столъ.

Женевскій кантонъ начинается между Водшландскимъ городкомъ Коппе (Corpet) и въспечкомъ Версуа, которое прежде принадлежало Франціи и состояло въ округѣ Жеса (de Gex). Людовикъ XV и Герцогъ Шуазёль, завидуя благосостоянію Женевской республики и процвѣпавшей въ ней въ то время торговлѣ, хотѣли сдѣлать ей подрывъ построеніемъ въ Версуа приспани и города; но предположенія ихъ не имѣли успѣха. Распланированныя улицы остаются до сихъ поръ не заселенными, и вѣроятно въ такомъ же положеніи, какъ онѣ были при Вольперѣ, который написалъ на эпосѣ не-

сбыточный планъ Французскаго министра
слѣдующую эпиграмму :

„A Versoi nous avons des rues,
„Mais nous n'avons point de maisons.

Гладкое шоссе капишся по оплоному берегу озера между виноградниками, цвѣшниками и мызами. Съ правой стороны шлепнется рядъ холмовъ, изъ за которыхъ видна цѣпь Юры; съ лѣвой представляющся зеркальное озеро, хребты Воарона и Салева, разделенные пирамидообразнымъ Модемъ, — различные ярусы Альпійскихъ горъ съ ихъ снѣжною пролею и съ великолѣпнымъ куволомъ Монблана. Догорающіе на нихъ лучи вечерняго солнца принимали попеременно цвѣтъ огненный, розовый, палевый и синій.

Я въѣхалъ въ городъ довольно поздно и остановился въ гиракширѣ Женевскаго сарба, на берегу лѣваго рукава Роны. Въ лѣтнее время бываетъ здѣсь такое множество пріѣзжихъ, чье нумера компанъ доспаются не по выбору, а на удачу, какъ выигранны въ лопереѣ. Съ самаго открытія весны Французы, Нѣмцы и преимущественно Англичане

шнянулись на Швейцарскія горы и озера, подобно спалимъ дымкхъ гусей, и утокъ, прелетающихъ съ юга купаться въ нашихъ сѣверныхъ озерахъ. Число всѣхъ иностранцевъ, путешествующихъ по Швейцаріи въ продолженіе лѣта, простирается отъ 20 до 30,000, и большая часть изъ нихъ волею или неволею должны посѣпить Женеву, черезъ которую пролегають дороги изъ Франціи, Италіи, Савоіи и Швейцаріи.

Во время ужина за общимъ столомъ я нашелъ образчики всѣхъ Европейскихъ націй. Вино разнало и смѣшало различныя языки, какъ при столпотвореніи Вавилонскомъ. Липшерапшоры занимались коммерческими расчетами, негоціанты судили и рддили о липшерапшурѣ.

Швейцарскій столъ отличается отъ прочихъ какъ числомъ, такъ и доброшою кушаній, могущихъ удовлетворить самому прихотливому вкусу гаспронома. Онъ состоить изъ двухъ отдѣленій съ нѣсколькими подраздѣленіями. Въ первомъ послѣ супа подаются разныя мяса (исключая солонины и баранины), въ разныхъ видахъ дворовая пши-

ца и дичь, овощи и рыба, всего отъ 15 до 20 блюдъ. Изъ рыбъ самая упошребительнѣйшая въ Швейцаріи еспь форель; въ особенноти славится нѣжноспію форель, добываемая въ ручьѣ Дивони, недалеко отъ Коппе. Послѣ жаренаго перемѣняются скаперши и приборы; и споль нагружается цюдами, конфектами и другими изящными произведеніями Женевскихъ кандитеровъ, пріобрѣвшихъ извѣстность въ цѣлой Европѣ упонченностію своего вкуса. Все это, со включеніемъ бутылки бѣлаго споловаго вина, спонитъ 3½ франка;—цѣна для гаспрономовъ не высокая и даже очень умѣренная, въ сравненіи съ шаксою, существуюющею во Франціи и Германіи, гдѣ за чепыре или пять обыкновенно пригошвленныхъ блюдъ платится около 2½ франковъ. Одна изъ главнѣйшихъ принадлежностей Швейцарскаго спола, *conditio sine qua non*, — національный и преимущественно Грюерскій сыръ, который обыкновенно подается вмѣстѣ съ десертомъ. Вино за споломъ упошребляется болѣе доморощенное *vin du pays*; лучшими изъ Швейцарскихъ винъ почищаются рифвейнъ

и лакшвейнъ (de La-Côte), добываемыя въ кантонѣ Водпландскомъ. Послѣднее, если оно старое, похоже на Рейнское. Французскія вина здѣсь не хороши и дороги, въ сравненіи съ пѣми, которыя получаютъ у насъ въ Россіи. Владѣльцы виноградниковъ, предпочитающія опшовой поргъ мелочному, вѣроятно находятъ болѣе для себя выгодъ опправляющъ высокой соршъ въ шѣ мѣспа, гдѣ всегда есть имъ вѣрный сбытъ и большое число попребишелей. Знашоки увѣряютъ, что нѣкопорыя вина улучшаются и ошъ пуши морскаго.

ЖЕНЕВСКІЕ ЧИЦЕРОНЫ.

Вѣрные спутники одинокихъ путешественниковъ, Чичероны, если не всѣ краснорѣчивы, то, по крайней мѣрѣ, болѣе или менѣе всѣ словоохотны. Извѣстные здѣсь подъ именемъ domestiques de place, они прачислены къ гостиницамъ, но живутъ на кварширахъ; ихъ обязанность — служить по найму иностранцамъ, показывать имъ достопримѣчательности города и исполнять ихъ порученія. Женевскіе Чичероны состоятъ подъ надзоромъ градской полиціи, копорою усановлена имъ плата по 8 флориновъ и 8 Женевскихъ су или по 4 франка въ день. Нѣкоторыя изъ нихъ имѣють понятіе о минералогіи Альпійскихъ и другихъ сосѣдственныхъ горъ; свѣдуци въ исторіи, статистикѣ и археологіи своего кантона. Такимъ по-

казался жинь чичероне, явившийся ко мнѣ послѣ ужина съ предложеніемъ своихъ услугъ.

Пробила полночь на башнѣ, стоящей посреди острова, отдѣляемаго отъ гостиницы лѣвымъ рукавомъ Роны. „Эта башня, скавалъ важно мой Жанъ, есть одинъ изъ достопримѣчательнѣйшихъ памятниковъ Женевы: простой народъ приписываетъ ея основаніе Юлію Кесарю; а ученые утверждаютъ, что она составляла часть вѣмка, существовавшего на островѣ въ XIII столѣтіи.“ Кто же по своему мнѣнію, заслуживаетъ болѣе вѣроятія, народъ или ученые? спросилъ я раскваша.— „Наша брагня (nous autres) слушаемъ однихъ, читаемъ другихъ, и предоставляемъ рѣшать господамъ путешественникамъ.“ — По крайней мѣрѣ ошались ли въ Женевѣ какіе нибудь слѣды владычества Римлянъ? — „Да, государь мой, хотя и не столько, сколько бы ожидать должно. Отъ языческаго капища, стоявшаго на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь храмъ Св. Петра, уцѣлѣла одна только голова Аполлонова; она вѣдана въ восточную стѣну храма съ наружной ея стороны.“

„Есть еще достопримечательный памятник владычества Римлян и самой природы — граниловый утесъ, споящій въ нижней части озера при истоки Роны, извѣстный подъ именемъ *Нитона* отъ Греческаго слова *Νιτων*, ш. е. Непшунъ. При подошвѣ его, на днѣ озера, найдены въ XVII столѣтїи двѣ Римскія сѣкеры и одинъ мѣдный жерпвенный ножъ. Эти орудїя, хранящїяся въ публичномъ музеѣ, дали поводъ думать, что на Нитонѣ Римляне закаляли живошныхъ въ честь божества озеръ и морей.“

„Нѣсколько выше, вдоль лѣваго берега озера есть рядъ подводныхъ свай, въ направленїи къ холмамъ Колоньи; полагаютъ, что здѣсь былъ мостъ въ Римскую колонїю. Въ нашемъ кантонѣ есть также нѣсколько мѣстечекъ, копорыхъ названїя, по всему вѣроятїю, происходятъ отъ словъ Латинскихъ, искаженныхъ въ продолженїе времени; напр. *Purlinge*, *Bessinge*, *Pressinge* отъ *Publii cinctus*, *Bessi cinctus*, *Petri cinctus et caet.*“

Да откуда же ты почерпнулъ эту Римскую премудрость?

„Изъ коллегїи, государь мой.“

А развѣ ты учился въ коллегіи?

„Пясть лѣтъ и шессть мѣсяцевъ; и два года исключительнo одной Лашини, упопреляя на нее еждневно по осьми часовъ.“

И пакъ ты знакомъ съ Цицерономъ и Виргиліемъ?

„Сполько же, сколько и всѣ бывшіе мои товарищи, изъ копорыхъ полько соному давалась грамоша, а девяносне девяшь оспановилась на половинѣ поприща.“

Для чего же вы учились?

„Для того что насъ учили; и кто не выперживалъ Лашинскаго урока, того регентъ (учитель) билъ по ладони ливейкою безъ всякой пощады.“

Я желалъ бы знать, почему ваши регенты почищаютъ Лашинскій языкъ необходимымъ для ремесленниковъ, для купцевъ и для слугъ.

„На эпомъ вопросъ, государь мой, едвали и сами они могутъ дать удовлетворительный отвѣтъ. Когда мы были еще въ школѣ, то часно повпоряли одинъ парадированный намъ стихъ Федрa: *Delirant regentes, patiuntur Achivi*, (регенты сумазбродспвуютъ, а

Ахелне спраждунъ). По крайней мѣрѣ теперь мы не находимъ другой причины ихъ упорства въ старомъ способѣ ученія, кромѣ привязанности къ старымъ предрассудкамъ и слѣпотаго уваженія къ методѣ Кальвина, преобразователя нашей религій и основателя коллегіи, хотя мы и не читаемъ Латинскихъ молитвъ.“

Эти просьбы, но основательныя разсужденія оратора госпожиныцы несколько заставили меня вспомнить о стихѣ Фернейскаго философа, имѣющемъ отношеніе къ настоящему предмету, хотя сказанномъ въ другомъ смыслѣ и съ другою цѣлю: „Qui „nous delivrerá du joug des Romains?“

Г О Ф В И Л Ъ .

Посѣщенье Фелленбергова института, Русскій—профессоръ института. Графъ Вильгельмъ, сотрудникъ Фелленберга. Альбомъ посѣтительки. Хозяйственныя заведенія. Пансионъ для благородныхъ дѣтей. Пансионъ для вѣдвухъ дѣвицъ. Школа промышленности и ремеселъ. Взаимныя отношенія всѣхъ учебныхъ и экономическихъ заведеній въ Гофвилѣ. Отзывы объ нихъ разныхъ особъ и донесеніе Графа Каподистрия. Высочайшій рескриптъ Императора Александра I Г. Фелленбергу. Отправление 13 Русскихъ питомцевъ въ Гофвилѣ. Неудовства отъ чрезмѣрнаго умноженія числа учениковъ и наставниковъ, Главныя черты характера Фелленберга и влияние ихъ на начала, принятыя при основаніи института. Нестественность методовъ ученія натуральной исторіи, физики, химіи и языковъ. Исключеніе изъ плана преподаванія некоторыхъ наукъ, необходимыхъ при воспитаніи. Исключеніе всѣхъ родовъощерецій, наградъ и наказаній. Общія мысли о естественномъ ходѣ воспитанія, определяемомъ возрастами души. Методы изящныхъ художествъ въ Гофвилѣ. Превосходная метода музыки; нравственныя гимны. Главнѣйшее неудобство для воспитанія въ Фелленберговомъ институтѣ: различіе вѣръ и цвѣдй.

Праздникъ Св. Аполлоновъ Петра и Павла въспрѣченъ нами въ Русской церкви,

состоющей при нашемъ посольствѣ въ Бернѣ. Отъ Женевы доерна не болѣе 30 Швейцарскихъ миль, что составляетъ около 100 Русскихъ верстъ; но мы ѣхали ровно при дня. Вообще Швейцарская ѣзда сколько же медленна, какъ и Нѣмецкая; съ пою только разностию, что скука, ощущаемая отъ медленности въ Германіи усугубляется самымъ однообразіемъ предметовъ, которые часто, въ продолженіе цѣлаго дня, представляютъ одинъ только неподвижный ландшафтъ,—между тѣмъ какъ въ Швейцаріи виды непрерывно смѣняются одинъ другими; взоръ переходитъ отъ снѣжныхъ Альповъ къ зеленымъ холмамъ и рощамъ, отъ голыхъ утесовъ къ кристальнымъ озерамъ, отъ развалинъ замковъ къ устройству сельскихъ домовъ. Нѣмецкіе ямщики молчаливы и грубы; Швейцарскіе вѣжливы, услужливы и гошovy безъ умолка рассказывають вамъ исторію всего мѣстнаго горизонта и объясняютъ всѣ встрѣчающіеся въ немъ достопримѣчательности и рѣдкости.

Мы остановились въ Мюнхенѣ - Бухсеѣ, деревнѣ въ 2 миляхъ за Берномъ и въ одной

верстѣ опѣ Гофвиля, сдѣлавшагося съ нѣко-
тораго времени извѣстнымъ всей Европѣ
агрономическимъ инспирушомъ и благород-
нымъ пансіономъ г. Фелленберга. Главною
цѣлю моея поѣздки было желаніе видѣшь
устройство и порядокъ эпихъ заведеній; но
зная, что доступъ къ Фелленбергу доволь-
но пруденъ для иностранцевъ, я заблаговре-
менно запасся рекомендабельнымъ къ нему
письмомъ.

Первое лице, встрѣпившее меня въ Гоф-
вилѣ, былъ одинъ изъ профессоровъ пансіо-
на. Уваживши опѣ меня, что я Русской, онъ,
къ удивленію моему, выдалъ и себя за Рус-
скаго. Смотри на бѣлокурые длинные его
волосы, на тонкій спанъ и на какойже
носъ, я спросилъ его съ нѣкоторою недоу-
чивостію: и такъ вы говорите по-Русски?—
Нилушка, опвѣчалъ мнѣ нашъ соопече-
ственникъ. Только послѣ этого опвѣща и
вспомнилъ, что наше сирополубивое опече-
ство, кромѣ сыновъ своихъ, имѣеть еще
пасынковъ и пріемьшей. Профессоръ, о ко-
поромъ идетъ здѣсь рѣчь, не что иное
былъ, какъ студентъ Дерпшскаго уни-

версиптепа, пришедшій поблеспѣлъ своимъ сѣвернымъ сіяніемъ на здѣшнемъ горизонтѣ.

Обратимся къ Гофвиллю. Эшимъ именемъ называется помѣстье г. Фелленберга, состоящее изъ огромнаго каменнаго дома и нѣсколькихъ флигелей съ разными учебными и экономическими приспособками. Посреди ихъ находится широкій дворъ или площадь покрытая шравою; на ней въ разныхъ мѣстахъ, подъ тѣнью деревьевъ, разсѣялены скамьи. Мой землякъ предувѣдомилъ меня, что Фелленбергъ былъ въ опсущспвѣи и что мнѣ надлежало обратиться съ письмомъ къ его соспруднику графу Вильвелью. Войдя во дворъ, я не вспрѣшилъ ни одной души, кромѣ одного спарика, сидѣвшаго въ размышленіи подъ деревомъ. Эшо былъ самъ Вильвель. Онъ принялъ меня ласково, но съ какою-шо принужденносіію и замѣшашельспвомъ. По прочтеніи письма, адресованнаго на имя г. Фелленберга, графъ началъ спрашивашъ меня о мѣспѣ моего рожденія, о моемъ званіи, о времени, когда я оспавилъ Россію, о цѣли моего

пушешеспвія и наконецъ довольно подробно о причинахъ, побудившихъ меня посѣщить Гофвиля и о цѣли посѣщенія. По систематическому порядку, въ какомъ предлагаемы были эти вопросы, можно было бы подумать, что они заблаговременно и нарочно заготовлены для развѣдыванія иностранцевъ.

Послѣ этого испытанія, продолжавшагося около получаса, графъ Вильгельмъ повелъ меня въ коншору, предложилъ альбомъ посѣщителей, для вписанія въ немъ моего имени, и, придвигая шабурешку, наказалъ мнѣ шумливымъ, но вмѣстѣ и какъ бы загадочнымъ пономѣмъ: сидѣшь, не шрочаясь съ мѣста, до того времени, пока явится ко мнѣ жожапый или указашель Гофвиля. Прошло около 10 минутъ, а жожапаго не было; я спалъ перебирашь отъ скуки альбомъ посѣщителей, нашель нѣсколько Русскихъ именъ и между прочимъ нашего знаменитаго поэта Жуковскаго; вспомнилъ о его узникѣ, а дверь моей пемницы еще не опворялась. Вокругъ меня царшвовало глубокое молчаніе; я погрузилси въ дремошу и не прежде, какъ черезъ полчаса,

былъ пробужденъ и оживленъ появленіемъ вѣспника моей свободы.

Вѣспникъ эпопгъ (не знаю экономя или профессоръ) изъ конторы прямо повелъ меня въ молочный погребъ, гдѣ довольно долго и подробно объяснялъ мнѣ устройство машины, посредствомъ которой сберегается съжестъ молока въ жаркое время въ продолженіе цѣлыхъ сушокъ. Не будучи знающимъ механики, я слушалъ его объясненіе безъ надлежащаго вниманія; шѣмъ болѣе, что намъ Русскимъ сама природа открыла простой и вѣрнѣйшій способъ сберегашъ какъ молоко, шакъ и прочіе съжестные припасы, не шолько въ продолженіе однихъ сушокъ, но по нѣскольку дней и даже по цѣлымъ недѣлямъ и мѣсяцамъ. Способъ эпопгъ—наши ледники.

Попомъ вожашый мой показалъ мнѣ до 40 шпукъ Швейцарскихъ коровъ, содержаемыхъ въ опрашныхъ стойлахъ для домашней экономіи, и большой сарай съ разными гимнашическими снарядами. Отсюда перешли мы въ главный корпусъ, въ которомъ помѣщается пансіонъ для благородныхъ дѣшей.

Въ столовой пансіона, занимающей часпъ бельэтажа, показывается, какъ достопримѣчательность, одна машина, имѣющая видъ круглаго шпола, кошорая, опускаясь и поднимаясь чрезъ опверспіе, сдѣланное въ полу, сдаетъ порожнія блюда прямо въ кухню и изъ кухни снова подаетъ ихъ съ кушаньемъ. Эша просная выдумка заслуживаетъ одобреніе и попому, что ею выигрывается время въ доспавленіи свѣжаго и горячаго кушанья безъ спуюкони и бѣгопни служипелей.

Классы размѣщены во вшоромъ этажѣ; я ничего въ нихъ не нашель, кромѣ столовъ, скамей и аспидныхъ досокъ; воспитанники въ шу пору всѣ безъ исключенія были въ полѣ, вѣрояпно для агрономическихъ наблюдений. Миѣ желательпо было слышать самое преподаваніе уроковъ, чтобы получить ближайшее понятіе о способѣ примѣненія къ возраспамъ дѣшей упошребляемыхъ въ Гофвилѣ мешодъ; но мой вожапый предупредиль меня, что въ заведеніяхъ г. Фелленберга приняпо за правило не развлекать вниманія учащихъ и учащихся, въ продолженіе классовъ, присупспіемъ иноспранцевъ и посѣ-

шителей. Правило очень полезное; но истинная цель его, мнѣ кажется, заключается въ отклоненіи всѣхъ случаевъ, могущихъ дать поводъ къ непріятнымъ полкамъ о достоинствахъ преподавателей, о важности употребляемыхъ ими способовъ и о степени успѣховъ и прилежанія учащихся.

Спальня воспитанниковъ занимаетъ почти весь верхній этажъ и состоитъ изъ одной длинной залы, вмѣщающей въ себѣ около 80 кроватей. Въ самомъ углубленіи ея отгорожена небольшая комната для инспектора. Эту должность исправляетъ одинъ изъ сыновей Фелленберга, безъ всякой очереди и посторонняго пособія. Трудно понять, какимъ образомъ дѣйствія и поведеніе 80 дѣтей могутъ быть обезпечены надзоромъ одного только молодого человека, одареннаго, при всей его благонамѣренности и неусыпной дѣятельности, обыкновенными силами физическими и нравственными. Это распоряженіе, вѣроятно, основано на какомъ либо началѣ г. Фелленберга: о направленіи господствующаго духа и правилъ воспитанниковъ, или просто на неограниченной къ нимъ

довѣренности, опличающей вообще его системы воспитанія.

Кромѣ пансіона для благородныхъ дѣшей, есть въ Гофвилѣ другой женскій, въ которомъ бѣдныя дѣвицы подѣ надзоромъ г-жи Фелленбергъ, учащя разными руководствіямъ. Помѣщеніе послѣдняго, кажешся, слишкомъ сближено съ первымъ; потому что домикъ, въ которомъ воспитывающя дѣвицы, находилъ на одномъ дворѣ съ благороднымъ пансіономъ, отдѣленъ отъ него однимъ досчатымъ заборомъ и стоить прямо противу оконъ спальни воспитанниковъ. Хотя начала, принятыя г. Фелленбергомъ въ основаніе воспитанія, выходятъ во многихъ отношеніяхъ изъ круга обыкновенныхъ системъ; однако, соображаясь съ духомъ эпитъ самыхъ системъ, утвержденныхъ вѣковыми опытами и основанныхъ на знаніи человеческого сердца, не слѣдовало бы, кажешся, пренебрегать никакою мѣрою предосторожности, клонящеюся ко благу дѣшей, и въ особености испытанною мѣрою удаленія отъ нихъ всего того, что можетъ питать ихъ мечпы и воспламенятъ юное воображеніе.

Одно изъ достопримѣчательнѣйшихъ заведеній въ Гофвилѣ, копорымъ г. Фелленбергъ приобрѣлъ извѣстность въ Европѣ и обратилъ на себя вниманіе всѣхъ друзей челоуѣчества, есть *школа промышленности и земледѣлія*, основанная имъ для образованія хлѣбопашцевъ и сельскихъ экономовъ. Въ составъ сего полезнаго и обширнаго заведенія входятъ: 1) *ферма образцовая* или сельское хозяйство, назначенное въ образецъ другимъ; 2) *ферма опытная* или земли для произведенія опытовъ; 3) *фабрика* для дѣланія земледѣльческихъ орудій; 4) *мастерская* для усовершенствованія полезнѣйшихъ для земледѣлія машинъ и орудій; 5) *рукоделное заведеніе* для бѣдныхъ и 6) *земледѣльскій институтъ* или школа теоретическаго и опытнаго земледѣлія.

При школѣ земледѣлія прежде сего находилось и нормальное или образцовое училище, для распространенія въ Швейцаріи теоретическихъ и опытныхъ свѣденій о земледѣліи, посредствомъ школьныхъ учителей, копорые въ лѣпнее время собирались въ Гофвилѣ изъ разныхъ кантоновъ. Съ нѣко-

шорого времени эпо училище оспаешся безъ всякаго дѣйствія.

Главная цѣль исчисленныхъ мною учебныхъ заведеній есть образованіе хорошихъ земледѣльцевъ изъ бѣднаго класса поселанъ и воспитаніе покровишелей земледѣлія изъ среды помѣщиковъ. Средствомъ избраны для первыхъ ручныя работы, для послѣднихъ сншсшешашическое ученіе.

Всѣ эти заведенія имѣють шѣсныя отношенія одно къ другому. Ферма опышная, облегчая шруды другой, для образца усшроенной, въ поже время способшвуешъ усѣхамъ науки сельскаго хозяйшсва. Фабрика земледѣльческихъ орудій доставляешъ объши фермамъ разныя механическія средства и, въ случаѣ нужды, заимшсвуешъ изъ машперской искусныхъ работниковъ. Въ машперской каждый изъ шшпомцевъ школы промышленности, сверхъ земледѣлія, учишся еще какому нибудь ремеслу подъ надзоромъ машпера. Всѣхъ машперовъ содержишся въ Гофвилѣ до 10; какъ по механикъ, площникъ, карешникъ, шшляръ, шшкаръ, кузнецъ, слѣсаръ, плавильной машперъ, башмачникъ и

поршней. Искусство мастеровъ и труды бѣдныхъ помощевъ доставляютъ благородному пансіону всѣ экономическія потребности; съ другой же стороны деньги, получаемыя за воспитаніе благородныхъ дѣтей, обращаются для устройсва и содержанія школы земледѣлія со всѣми ея оспраями.

Устройство Гофвилльскихъ заведеній и обширность видовъ Фелленберга подробно описаны и раскрыты въ разныхъ свѣдѣніяхъ одного изъ редакторовъ Библиотеки Бригганской г. К. Пикте (Pictet), въ донесеніяхъ гг. Круда, Шаванна и Ренгера своему правительству и въ донесеніи Спашсъ Секретаря Графа Каподистрия Государю Императору Александру Павловичу. Земледѣльческая оспрая заведеній Фелленберга, по словамъ К. Пикте, основана на слѣдующей главной мысли: употребить земледѣліе, необходимое для пропитанія дѣтей поселенна, къ самому ихъ воспитанію. Сія прекрасная и счастливая мысль, присовокупляетъ оны, послужить къ разрѣшенію задачи: *о развитіи способностей нравственныхъ и понятія са-*

лишь полезный образцов, не покидая ни одного дня у рутной работы.

Его Императорское Величество, въ слѣдствіе донесенія Графа Каподиспрія, препровождая Фелленбергу знаки ордена Св. Владиміра четвертой степени, при особомъ Высочайшемъ рескриптѣ, изволилъ изъявить въ ономъ Свое вниманіе въ слѣдующихъ ласковыхъ выраженіяхъ: „я съ удовольствіемъ увидѣлъ, что ваша система хлѣбопашества и воспитанія соединяетъ въ себѣ двойную пользу, приводя въ тоже время къ совершенству земледѣліе и земледѣльца.“

Донесеніе Графа Каподиспрія писано въ 1812 году, а Высочайшій рескриптъ на имя Фелленберга данъ въ 1814 въ Вѣнѣ. Въ слѣдъ за симъ, по Высочайшему повелѣнію, отправлено было 13 Русскихъ пиомцевъ въ Гофвилъ, для слушанія курса теоретическихъ наукъ о земледѣльствѣ и для практическихъ занятій въ образцовой фермѣ. Такое высокое вниманіе Русскаго Монарха къ г. Фелленбергу дало новую важность и новый обширнѣйшій ходъ его заведеніямъ. Число учениковъ и наставниковъ быстро и без-

прерывно умножалось; такъ что вмѣсто 33 воспитанниковъ и 6 профессоровъ, показанныхъ въ отчетѣ Графа Каподистрия, въ 1818 году всѣхъ учащихся было 30 въ школахъ земледѣлія и около 80 въ благородномъ пансіонѣ, и въ обоихъ сихъ заведеніяхъ 40 профессоровъ для наукъ и искусствъ и 10 учителей по ремесленной и механической часпш.

Но это быстрое приращеніе, умножая экономическія средства Гофвильскихъ заведеній, въ тоже время непримѣннымъ образомъ влекло за собою непріятныя для нихъ слѣдствія, какъ въ учебномъ, такъ и особенно въ нравственномъ отношеніяхъ. Да и не естественнo, чтобы изъ шолкаго числа пипомцевъ и профессоровъ первые всѣ были съ одинакими дарованіями и расположеніемъ къ добру, а послѣдніе съ одинакимъ направленіемъ мыслей и усердіемъ къ общему благу. Самая сила вниманія основателя заведеній, съ распространеніемъ круга его дѣятельности, неминуемо должна была какъ бы раздѣлилась и ослабѣшь опъ сего раздѣленія. Такъ часпо самыя полезнѣйшія и благороднѣйшія предпріятія чловѣка измѣняются;

унадають и даже рушацца опъ малѣйшей его неоспорожности, или и опъ обыкновенныхъ, но непредвидѣнныхъ обспояшельствъ, независящихъ опъ его власни и произвола.

Причина обманулыхъ или по крайней мѣрѣ доселѣ не оправданныхъ надеждъ ученаго міра и всѣхъ друзей челоѣчества, опносишельно образцовыхъ учрежденій Гофвилльскихъ, частію скрывается въ характерѣ ихъ основателя, въ его предразсудкахъ, въ степени его образованности и въ непрочности самыхъ началъ, на которыхъ они основаны. Г. Фелленбергъ, сколько намъ извѣстно, въ пылкія лѣта своей юности былъ однимъ изъ ревностнѣйшихъ и пламеннѣйшихъ защитниковъ свободы и равенства. Сопровождавшіе Французскую революцію, ужасы и въ особенности нарушеніе народныхъ правъ, въпорженіемъ революціонной Французской арміи въ его опчизну Швейцарію, поколебали основаніе его чувствъ и главнаго революціоннаго догмата свободы. При эпохъ пылкости характера и души доспапочно было одного самаго обыкновеннаго случая, чтобы побудить его опказаться навсегда опъ того

ложнаго и вреднаго ученія, котораго онъ самъ былъ долгое время послѣдователемъ и проповѣдникомъ. Случай сей есть слѣдующій. Въ эпоху вторженія Французовъ въ Швейцарію г. Фелленбергъ находился при Швейцарскомъ посольствѣ въ Парижѣ. Однажды онъ имѣлъ съ директоромъ Ревбелемъ въ загородномъ его домѣ официальное сношеніе, касательно прекращенія свирѣпствовавшей въ то время между двумя республиками войны. Онъ жаловался на несправедливость Французовъ, вовлекшихъ этою войною его опечисво въ несчастное положеніе; но въ тоже время съ опроверженіемъ, рѣдкою въ устахъ дипломата, представилъ и всѣ роды опасностей, угрожавшихъ нимъ завоевателямъ. Ревбель слушалъ со вниманіемъ и, повидимому, начиналъ убѣждаться справедливыми представленіями Фелленберга. Къ несчастію, въ это время проходилъ черезъ комнату слуга; директоръ, прерывая вдругъ нить собсвенныхъ размышленій и краснорѣчивыхъ доводовъ вииніи, приказалъ принести себѣ любимую свою собачку съ ея щенками, и съ намѣреніемъ или

безъ намѣренія занялся ими исключительно, какъ бы предпочитая устройству небольшого семейства чепвероногихъ живошныхъ благоденствію народовъ. Г. Фелленбергъ, не видя возможности обратиться снова вниманіе Ревбеля къ своимъ еще не оконченнымъ дипломатическимъ предспавленіямъ, удалился изъ дома его съ душою исполненною негодованія. Эпопъ случай заспавилъ его опказаться опть мѣсна, поселивъ въ немъ сильное опспращеніе къ самой дипломатіи, копшой онъ намѣренъ былъ посвятишь свое служеніе. Съ того времени онъ возимѣлъ самое низкое понятіе о человекѣ и почувспвовалъ ненависть ко всему роду человекскому; но, будучи супругомъ и опцемъ семейства, онъ убѣдился этими чувспвами въ необходимости сношеній вообще съ людьми и рѣшился, не разрывая съ ними связи, спарашься исправить ихъ нравспвенное сущесспваніе и, какъ сказашь, улучшить ихъ посредспвомъ воспитанія. Такъ рассказываетъ г. Симонъ въ своемъ путешествіи по Швейцаріи, присовокупляя, что онъ слышалъ эпо изъ успъ самага Фелленберга. Если сказашь

сей справедливъ, но изъ него нельзя вывести много заключенія объ основателѣ Гофвилльскихъ заведеній, какъ только, что онъ человекъ пылкій, мечшательный, предприимчивый.

Эти рѣзкія черты его характера отражаются въ теоріи употребляемыхъ въ Гофвилль работъ, игръ, ученія, наградъ и наказаній. Главная цѣль г. Фелленберга, какъ замѣчено нами, состояла въ томъ, чтобы приготовить и привести въ дѣйствіе преобразование правилъ и нравовъ рода человеческого; для достиженія этой цѣли онъ рѣшился исправить или измѣнить всѣ роды системъ, употреблявшихся при воспитаніи. Въ основаніе сего плана, Фелленбергъ принялъ одно общее правило: раннее развитіе въ дѣтяхъ способности изыскивать, открывать и судить; онъ хотѣлъ, не обременяя памяти пишомцевъ, научить ихъ самихъ собирать и успроивать мысли; хотѣлъ возжесть *въ умѣ ихъ свѣтильникъ, который бы со временемъ озарялъ все, къ чему они приближатся* (*);

(*) Слова изъ дописанія Графа Каподистрія.

но, къ сожалѣнію, оны неперялъ изъ виду, что сей свѣпильникъ не прежде начнаеть изливашь изъ себя яркое сіяніе, какъ когда уже нѣмашь обогащена запасомъ познаній, душа согрѣта ощущеніемъ доблесни и въ воображеніи пламенѣеть чувство нѣнцаго.

По плану г. Фелленберга, дѣпнямъ не преподають напуральной испоріи въ системапическомъ видѣ; они сами должны изыскивать и узнавать свойсва минераловъ; сами должны разбираеть распенія по корнямъ, спеблямъ, лиспьямъ, цвѣшамъ и плодамъ. Въ физикѣ и химіи, подѣ предлогомъ изоощренія наблюдашельнаго духа дѣшей, заспавляють шакже ихъ самихъ сравнивать и различать явленія природы. Хотя эпа метода предохраняеть ихъ оны привычки смощрѣшь на все съ одной спороны, по образцу одного какого либо авпора; но въ шожее время, не назначая для нихъ швердой шочки для общаго взгляда, обрацаеть всѣ дѣлаемыи ими наблюдения въ хаосъ, не имѣющій ни основанія, ни единсшва въ планѣ.

вильскихъ заведеній, а послѣдняя вѣроятно по особой только склонности къ ней г. Фелленберга. При этомъ опять невольно приходитъ на мысль басня о *птухѣ* и *алмазѣ*. Нашъ математикъ вѣроятно думаетъ, что въ мѣрѣ есть одни только пространства и количества, что въ числахъ и нулей нѣтъ истинны и что человекъ сотворенъ только длиннымъ и широкимъ, а не разумнымъ и нравственнымъ.

Вошъ причины, почему изъ Гофвилльскихъ заведеній не вышло доселѣ ни одного извѣстнаго филолога, ни одного отличнаго физика, и даже ни одного хорошаго математика. Г. Фелленбергъ, какъ увѣряюсъ, на дѣлаемыя ему замѣчанія о малыхъ успѣхахъ въ наукахъ помощевъ его высшей школы, обыкновенно отвѣчаетъ: „Чего отъ меня вы хотите? Если мнѣ даюсъ цыплятъ и воронятъ, то могу ли я сдѣлать изъ нихъ орловъ?“ Мы не смѣемъ предполагать, чтобы всѣ дѣла, поручаемые ему для воспитанія, были съпущеными способностями; впрочемъ и въ этомъ случаѣ опцы и мапери имѣли бы право требовать исполненія обѣщаній, объявленныхъ

нимъ торжественно въ яламъ учрежденій, гдѣ именно сказано, что онъ имѣеть главною цѣлю усовершенствованіе природы человека и для того усилониваетъ въ Гофманѣ *идеальное общество* какъ въ земледѣльческомъ, такъ и въ нравственномъ и ученомъ отношеніяхъ, съ тѣмъ чтобы перенести его въ міръ существенный!...

Чтобы предостеречь дѣлей отъ тщеславія, гордости и зависти, г. Фелленбергъ исключилъ изъ своего плана всѣ роды поощреній, наградъ и наказаній; но, испортивъ такимъ образомъ плевелы, онъ подрываетъ непримѣнно и самую сѣмену добра; потому что большая часть питомцевъ его, какъ удословиваются, съ раннихъ лѣтъ дѣлаются ко всему равнодушными и холодными.

Вообще всѣ ошибки г. Фелленберга происходятъ повидимому отъ того, что онъ при всемъ присрасіи своемъ къ системамъ, не довольно выкается въ науку системъ: психологію. Не занимаясь сею послѣднею, онъ не подозриваетъ и не можетъ подозривать, что возрастъ души имѣеть свои періоды и что развитіе чувствительности и вообра-

женія непремѣнно должно предшествовать образованію ума и разсудка. Скажемъ другими словами: сперва надлежитъ дать направленіе вкупреннимъ чувствамъ къ вѣрѣ, къ добродѣтели и чести, возбуждая и питая въ юное время любовь къ отечеству, преданность къ родителямъ и правительству, уваженіе къ старшимъ и т. п. Изоцрѣненіе памяти также принадлежитъ преимущественно этому періоду. Потомъ надлежитъ воспитывать вкусъ, вводя изображеніе къ созерцанію однихъ только изящныхъ картинъ. Образованіе ума есть уже вмѣстѣ воспитаніе; такъ какъ идея истины есть слѣдствіе идеи добра и красоты. Только описаніемъ психологій можно приписать и смѣшеніе соревнованія съ завистию, самоананія съ тщеславіемъ, благороднаго чувства съ низкою самрастію.

Методы изящныхъ художествъ, употребляемыя въ Гофвилѣ, также отличаются оригинальностью; что особенно можно примѣнить въ урокахъ рисовальныхъ. Сначала заставляюти, здѣсь дѣтей рисовать только нѣкоторыя предметы, которые у нихъ передъ гла-

зани, какъ шо: сшульа, спомы, вдуирен: носпъ коннашы, дома, деревья; папомъ да юмъ имъ конированъ аспамцы и каракшерм: чедся голова. Эпа менюда еспъ Паснамац: цева; она полезна для учениковъ земледѣль: ческой школы, но для дѣтей благороднаго пансіона не удовлетворительна; пошому чир: сухоспъ и неподвижноспъ мертвой приро: ды, служащей первоначально поаюншпелъ: лымъ образемъ для ихъ работы, отражаец: ся и въ промаводимыхъ ими каракшерм: снхъ паршпнахъ.

Въ выборѣ методовъ музыкальнаго искусш: ва г. Феллеберга, можешъ бышъ, счасп: ливѣ, нежелъ во вохъ прочихъ. Музыка всегда почпшалась одпнмъ изъ драгоцѣннхъ пособій для снпгченія нравовъ и для обуад: нія пылаго каракшера дѣтей. У Грековъ упошраблялась для сего музыка Дорическая, оппшчавшаяся проспопою и важностію. Подобная ей введена и въ Гофвилѣ. Здѣсь всѣ ппшомцы учащя теорію музыки и пѣ: нія; но ихъ не занимающъ преодолѣнемъ шру: достпей, служащимъ къ развпшію одпнхъ тѣлесныхъ способностей и не приносящимъ

никакой пользы въ отношеніи нравствен-
ности. Особенное вниманіе заслуживаютъ
ихъ спойные и величественныя хоры.
Увѣряютъ, что нельзя слушать безъ умиле-
нія и даже удержаться отъ слезъ, когда
они поютъ съ сердечнымъ чувствомъ гимны
Лафайера или Мильдгейма. Они поютъ такъ
же во время своихъ прогулокъ гимны изъ
Одиссеи. Вошь чтио говоритъ объ этомъ пѣ-
ніи одинъ изъ ревностнѣйшихъ сопридѣлковъ
Фелленберга г. Верли, — завѣдывающій шко-
лою земледѣлія: „Если въ учебныхъ заведені-
яхъ послѣдуютъ нашимъ правиламъ; по-
„скоро неблагоприсойныя и площадныя
„пѣсни, столь обыкновенныя въ взросломъ
„народѣ, будутъ рѣже слышны. Съ ними
„много ала испребится, а избранныя хоро-
„шія пѣсни много добра сдѣлаютъ!... Многіе
„случаи съ моими пиномцами могутъ пока-
„зать, какія чувства рождаются отъ нашего
„пѣнія въ юныхъ сердцахъ ихъ.“

На степь нравственности Гофвилскихъ
пиномцевъ разсѣваются въ Бернѣ неприят-
ныя слухи; но произнесши объ этомъ рѣши-
тельный приговоръ, основываясь на однихъ

бѣглыхъ слухахъ, было бы несправедливо и неосновательно; нѣмъ болѣе, что зависть и клевета находятъ пищу для своего злословія даже въ самыхъ обыкновенныхъ и частныхъ случаяхъ, выводя изъ нихъ общее заключеніе. Я спавлю здѣсь на видъ только одно весьма важное обстоятельство. Въ Гофвилѣ воспитывающіяся дѣши, принадлежаціе разнымъ вѣроисповѣданіямъ и родившіеся въ странахъ, имѣющихъ различный образъ правленія. Предположеніе о сохраненіи въ подобномъ заведеніи терпимости или индефференцизма религіознаго и политическаго, въ строгомъ смыслѣ этихъ словъ, было бы дѣломъ несбыточнымъ; и, при всѣхъ усиліяхъ космополитовъ, всегда бы встрѣшило сильнѣйшія препятствія, какъ со стороны воспитателей, такъ и питомцевъ. Перевѣсь въ подобныхъ случаяхъ принадлежишь партіи многочислѣннѣйшей и господствующей, болѣе или менѣе увлекающей своимъ примѣромъ и вліяніемъ всѣ прочія. Эта партія въ Гофвилѣ, по предмету религіи, есть протестантская; а въ смыслѣ политическомъ одна изъ двухъ: или аристократическая или демократическая.

Желательно, чтобы эти опасенія возбуди-
ли вниманіе всѣхъ родителей, покумякс
объ усиліи будущаго счастья дѣтей
своихъ.

ДОРОГА ИЗЪ ЖЕНЕВЫ ВЪ ЛІОНЪ,

1823 года, Сентябрь . . . .

Густой упрепній шуманъ еще лежалъ на
холмахъ, когда мы выѣхали изъ Женевы въ
длинжансь. Спутники мои, два Мюнхенскіе
пуца, говорили мало и отпривисно; потому
что курили шабахъ. Искатель приключеній,
молодой Грекъ молчалъ и вадыхалъ; Ліонская
красавица качалась и сладко дремала подъ
зеленымъ прозрачнымъ покрываломъ; я дер-
жалъ въ рукавъ письма знаменавиго нашего

пушечносивенника, переворачивала листы и смотрѣла на огрешности.

Крѣпость *Фортъ-дель-Эклюзъ* есть первой предметъ, оспанавливающей вниманіе пушечносивенника. Она можетъ выспинить только малой гарнизонъ и не имѣетъ нужды въ многочисленности. Защищенная природою, она не боится никакихъ непріятелей, кромѣ самой природы. Съ правой стороны возвышается надъ нею каменной утесъ; съ лѣвой зянетъ провасъ, подмываемая Реною. Швейцарцы для нея не спрашны; Саваоиа омѣлеленся рѣкою быспрою, глубокою и крупнобережною. Не смотря на свое неириспуиное положеніе, эпа крѣпость въ 1814 году имѣла общую учасъ со всѣми ей подобными; она пала передъ побѣдоносными знаменами союзныхъ войскъ. Теперь надъ зубчатыми стѣнами и башнями воспроены новыя зубчатыя стѣны, кошорыя выспгѣ съ нагою природою предспавляютъ видъ дикой, доспойный ексли ливошцеца.

Въ пограничномъ городѣ Сен-Жени военная Французская команда осмашриваетъ паспорты проѣзжающихъ; въ деревнѣ Бельгардѣ,

описиющей отъ Фортъ-дель-Элюза верстѣ на 7, таможенные мытари дѣлають повальной обыскъ всѣмъ паринамъ и чемоданамъ. Не смотря на строгія мѣры, принимаемыя правительствомъ, ежедневно ввозится во Францію значительное количество Женевскихъ часовъ и разныхъ золотыхъ модѣлій. Въ конторѣ, гдѣ обыкновенно выдають каждому путешественнику за два франка Французской паспорты, съ описаніемъ всѣхъ наружныхъ его примѣтъ, — происходилъ забавный споръ, похожій на прозу философскую о козьей шерсти: *de lana cargina*. Таможенный присяжавъ утверждалъ, что волосы у одного изъ Нѣмцевъ рыжіе; между тѣмъ какъ сей послѣдній называлъ ихъ русыми. Оба они избрали въ судьи и посредники Грека, подлѣ нихъ споявшаго. Сынъ Элады, котораго предокъ, можетъ быть, рядилъ дѣла въ Ареопагъ, посмотрѣвъ пристально на Германца, сказалъ прощальнымъ, жалобнымъ тономъ: „Государь мой! вы имѣете волосы не совсѣмъ русые и не совсѣмъ рыжіе.“ Хотя это рѣшеніе заставило всѣхъ смѣяться, однако оно примирило спорныя стороны и признано

было удовлетворительнымъ. Отсюда я пошелъ осмотрѣть провалъ Роны: *La perte du Rhone*, — по мѣсто, гдѣ зная рѣка, оставивъ спярое дно, сгроможденное мѣз камней, падаетъ съ шумомъ въ подземельный омутъ, перелетая опть взора и слуха и наконецъ вырывается съ новою яростію. Въ двухъ верспахъ опть Женевы, по соединеніи своемъ съ Арвою, Рона имѣетъ ширины 213 фуш. м. е. 30 саж. и 3 фуша, а подлѣ провала опть 30 до 15 фуш. м. е. около 4 и 2 сажень, не больше. Подземнымъ путемъ она протекаетъ на 60 фушовъ или около 9 сажень.

Дорога изъ Бельгарда идетъ по плоскимъ возвышенностямъ, спускается въ междугорье, и мимо озера, отражающаго утесы и горный хребетъ, приводитъ въ городокъ *Нантуа*, спящій на ровной зеленой долинь, омываемой также озеромъ.

Изъ Нантуи выѣхали мы въ пять часовъ вечера, когда солнце бросало свои послѣдніе лучи черезъ развалины одного спариннаго замка. Тамъ, гдѣ оканчивается опрасль Юры и начинаются зеленая долины и поля, я наслаждался зрѣлищемъ дикой природы.

Между тѣмъ какъ широкій рыдванъ нашъ
нико шапцлся на гору, и ушелъ далеко впе-
редъ и спускался съ горы. Сквозь сумракъ
вечерній ничего не было видно, кромѣ упе-
совъ, поднимающихся надъ дорогою и безднъ
вліющихъ подъ меня. Съ удокольспвіемъ оспа-
кавливался и передъ первыми, съ препеномъ
приближался къ послѣднимъ; пишина, ко-
торая вокругъ царшвовала, прерываема
была однимъ опдаленнымъ гуломъ горнаго
попюка, гремящаго по дну проваспей.

Тихо и величеспвенно поднялся мѣсяцъ
надъ горюю и освѣпилъ поля, по которымъ
мы капились. Грекъ и Нѣмцы наши дремали,
между тѣмъ какъ Ліонская дама продолжала
со мною занимапельный и, можно сказаць,
ученый разговоръ о дамакъ Московскихъ.
Она расширявала меня о ихъ воспишаніи,
образованности, вкусѣ и занятіяхъ.

Спраннымъ показалось мнѣ слышаніе опъ
дамы сужденія о Лапинскомъ языкѣ и объ
общемъ вкусѣ; сужденія, показывающія ея
умъ и, шакъ сказаць, классическую образо-
ванность. Она, какъ примѣрно, чшпала ис-
торію Вольтера о Петрѣ Великомъ, хорошо

знаешь исторію своего опечесства и здраво судила о сущесвующихъ во Франціи партіяхъ.—А Ліонянки, спросилъ я въ шутку, къ какой принадлежатъ партіи: къ Роялистамъ или Бонапартистамъ? — Помолчавъ немного, она сказала съ улыбкою: „Elles sont Royallistes d'Alexandre.“ Я вынулъ памятную книжку и записалъ карандашемъ эпошю умный отвѣтъ. „Я имѣла честь видѣть Его Величество, продолжала дама, во время Его посѣщенія Сен-Денисскаго женскаго пансіона, въ кошоромъ иногда я воспитывалась; Его Царская осанка, опеческое вниманіе и благосклонность оставили во всѣхъ насъ глубокое впечатлѣніе.“—О какъ пріятно Русскому слышанію имя своего Отца, благословляемое на языкахъ чуждыхъ, въ странахъ отдаленныхъ, — благословляемое пѣмми, которыя не имѣютъ нужды въ лестии!

ЛЮНЬ, 1825 года, Сентябрь...

РИМСКІЕ ПАМЯТНИКИ: АМФИТЕАТРЪ; ВОДОПРОВОДЪ; ВАНН; ДОМЪ
АНТИКАЙЛЪ; НАВМАХІЯ; ЖЕРТВЕННИКЪ АВГУСТА И РИМА; МОЗАИЧЕ-
СКАЯ УЛИЦА.

Второй городъ Франціи, Лионъ, гордящійся своимъ водчеспивомъ, промышленостию и торговолею, споминъ на развалинахъ перваго города Галліи, провинціи Римской. Пойдемъ искать слѣдовъ могущеслива и великолѣпна владыкъ древняго міра.

На одномъ изъ холмовъ, сославляющихъ вѣкъ по правому берегу Саоны, въ оградѣ Францисканскаго монастыря находящся остатки амфитеатра, построенаго Императоромъ Клавдіемъ и разрушеннаго, какъ полагають, въ осьмомъ вѣкѣ, Сарацинами или Испанскими Маврами. Эпопъ амфитеатръ достопримѣчательнъ тѣмъ, что въ немъ многіе изъ

первыхъ Христіанъ Ліонскихъ приняли мученическій вѣнецъ. Самый скапь горы, именуемый Гургильономъ, получилъ свое названіе, по мнѣнію нѣкопорыхъ писателей, отъ Лапінскихъ словъ, означающихъ кровавую пучину (*gurgis sanguineus*); т. е. кровь мучениковъ, текшую здѣсь ручьями.

На правомъ же берегу Саоны, за горою Сен-Жю, спойшь вепхая и полуразвалившаяся спѣна, раздѣленная нѣсколькими аркадами. Нижняя часпъ ея, лежащая надъ оврагомъ, составлена изъ семи грядъ, перегороженныхъ длинными и широкими плитами; наружность выдавшихся кирпичей имѣеть видъ шахмаша или сѣши, называемой у Вишривіа *reficulatum*. Эпо осмашокъ шого водопрода, кошорый начинался въ Сен-Шамонъ, за 120 верспъ отъ Ліона и оканчивался на горѣ Фурвьерѣ, гдѣ была главная площадь и дворець Кесарей. Построеніе сего водопрода одни приписываютъ Марку Антонію, другіе Императору Клавдію, уроженцу Ліонскому, основываясь на 30 вырыпыхъ изъ земли, чугуныхъ шрубяхъ, изъ кошорыхъ каждая была

длиною въ 15 или 20 фушовъ съ надписью:
„Тиверій Клавдіѣ Цесарь.“ (*)

Слѣды этого и другихъ шрехъ водопроводовъ, находимые въ окрестностяхъ Ліона, служатъ свидѣтельствомъ, какъ важенъ былъ для Римлянъ главный городъ ихъ Галліи.

Повыше церкви Сен - Жю (Св. Іуста) въ огородѣ, принадлежащемъ дому призражня лишенныхъ ума, есть квадрашное подземелье, извѣстное подъ именемъ *Римскихъ бань*. Оно имѣетъ въ длину 45 фушовъ и чешыре перехода со сводами, въ ширину 44 фуша съ чешырями переходами, въ высоту 20 фушовъ. Стѣны, полщиною въ три фуша, покрыты красноватою извешью, которая сдѣлалась твердою, подобно камню.

Нельзя смотрѣть на оспашки древностей безъ мрачныхъ или пріятныхъ воспоминаній. Ходя по коридорамъ, я невольно перенесся воображеніемъ къ древнимъ Римлянамъ. Мнѣ казалось, что я видѣлъ передъ собою нѣсколько эдмлей, прибуновъ или богашыхъ

(*) TI. CL. CAES.

гражданъ, которые, по окончаніи зрѣлища театральнаго или послѣ прогулки, пришли сюда купаться и нѣжиться. Они лежатъ на богатыхъ софахъ и съ важностію слушаютъ невольника, который читаетъ передъ ними Цицероново сочиненіе о Тускуланскихъ вопросахъ. Они перерываютъ его, спорятъ, снова слушаютъ и наконецъ идутъ вечерять, продолжая свой споръ. И вотъ по спускенимъ лѣстницы тихо спускается молодая Римлянка; она озирается во всѣ стороны и съ робостію снимаетъ дымчатое покрывало; невольницы развязываютъ серебряный ея поясъ и принимаютъ ея одежду. Красавица погружается въ воду; черные волосы ея рассыпались небрежно по плечамъ; полная грудь, подобная снѣгу бѣлизною, дышетъ и поминется въ нѣгѣ... Такъ я мечталъ; но улыбка случившагося здѣсь суроваго инцидента вдругъ разрушила мечты мои. — „Въ эпихъ баняхъ, сказалъ онъ, купались не Римлянки, а однѣ только Наяды: т. е. здѣсь были не бани, а водохранилище. Видите ли въ этомъ углу двѣ шрубы? Онѣ имѣли сообщеніе съ водопроводомъ. Видите ли въ сво-

дахъ круглыя отверстія? Черезъ нихъ черпали воду.“ Жалко мнѣ было разсѣпаться съ мечтами моего воображенія; однако не смѣлъ прошиворѣчь ученому антикварію.

Въ спранныпріимномъ домѣ, называемомъ *Антикаиль*, (Antiquaille), есть другое подземелье, имѣющее 100 фузовъ длины, 12 ширины и 15 высоты и раздѣляемое стѣною на двѣ неравныя части. Многіе писатели называли его виннымъ погребомъ или подваломъ; но Ліонская Академія пришла, посмотрѣла и, основываясь на красноватомъ цвѣтѣ извѣстки, копорюю покрыты стѣны этого зданія, рѣшила, что оно намечено было для храненія воды, а не вина. Нельзя не вѣрять Ліонской Академіи, копорюю и самъ Вольперъ, за всегдашнее ея молчаніе, называлъ *самою скромною дочерью Франціи*.

Въ верхней части городского сада до сихъ поръ примѣтна обширная круглая площадь весьма правильной формы. Подлѣ нее найдены въ землѣ развалины стѣнъ, подземелье, медали и пр. Старые антикваріи называли ее *назмахією*, новые называютъ амфишешромъ. Послѣдніе противъ первыхъ, копорые

уже давно умерли, сдѣлали слѣдующія возраженія: „1) какую Римляне имѣли нужду спросить навмахію на высокомъ мѣстѣ тогда, какъ равнина, на которой лежишь шеперь большая часть города, предспавляла для того всѣ возможныя удобства? 2) Откуда и какимъ образом Римляне могли проводить воду на сканъ пригорка?“ Мнѣ кажется, возраженія сіи не совсѣмъ основательны. Равнина въ древнія времена, какъ видно изъ лѣтописей, почши вся состояла изъ болотъ, и слѣдовательно, при разливіи рѣкъ, могла бытъ заносима пескомъ и иломъ; а для снабженія навмахіи водою, вѣроятно, доставочно было и нѣхъ водопроводовъ, которые существоють еще въ окружности сада. Самое подземелье со сводами, не что иное было, какъ водохранилище. Кроме того можно было проводить воду изъ канала, который лежалъ подлѣ холма и служилъ сообщеніемъ Саоны съ Роною. Вообще Римляне любили побѣждать природу. Пользуясь своими свѣдѣніями въ гидравликѣ, они спроели часпо навмахіи на горахъ и на значительномъ разстояніи отъ моря.

На одномъ изъ острововъ, лежащихъ среди равнины, — тамъ, гдѣ Саона сливалась съ Рогою и гдѣ стоишь теперь церковь д' Энэ, находился извѣстный въ древности *жертвенникъ Августа и Рима*. Четыре граничные столба, поддерживающіе сводъ церкви, — безъ сомнѣнія, его остатки. Огромная ихъ округлость, совсѣмъ несоразбѣрная длинѣ, заставляетъ думать, что они составляли прежде только два столба. На правой сторонѣ церковнаго олшаря есть карпина, представляющая одного мученика, поверженнаго при подножіи этого жертвенника. Двѣ колонны возвышаются по сторонамъ его, и на каждой изъ нихъ стоишь истуканъ победы съ вѣнцемъ. Въ такомъ почто видѣ представлень онъ на древнихъ медаляхъ.

Недалеко отсюда находится *Мозаическая улица*, получившая названіе свое отъ множества вырытыхъ въ ней мозаиковъ. Изъ нихъ особеннаго вниманія достойны находящійся въ павильонѣ сада или, лучше сказать, въ сыромъ подвалѣ г. *Макорса*. На немъ представлень Мелеагръ въ ту самую минуту, когда онъ приноситъ *Аталантѣ*

въ даръ свою добычу, побѣжденнаго имъ ка-
бана Калидонскаго. Расположеніе фигуръ,
соразмѣрность чашей и самые узоры, укра-
шающіе дѣйствіе, принадлежатъ хорошему
вкусу. Мозаикъ имѣетъ въ длину около 15
фушовъ. Въ этомъ же садѣ въ 1806 году
найденъ другой прекрасный мозаикъ, на по-
порокъ изображены циркъ и бѣгъ колесницъ.
Роскошь и красота этихъ памятниковъ слу-
жатъ доказательствомъ, что въ окрестно-
стяхъ жершевника Августа находились
дома вельможъ, богачей, или начальниковъ
города.

ИСТОРИЯ ЛІОНА ПРИ РИМЛЯНАХЪ И ВЪ СРЕДНІЕ ВѢКИ.

По свидѣтельству Діона Кассія, Ліонъ
обязанъ своимъ основаніемъ Римлянамъ.
Пользуясь мятежами, возникшими послѣ
смерши Юлія Кесаря, Аллоброги напали

на колонію Римскую, основавшуюся въ Вьеннѣ и выгнали ее изъ сего города. Изгнанники скрылись въ шомъ мѣспѣ, гдѣ Рона сливается съ Саоною и просили Римской Сенапъ дать имъ новое приспанище. Эпо случилось въ то время, когда Маркъ Антоній, испишель смерти Имперашора, удаллся съ войскомъ своимъ къ Альпамъ, съ намѣреніемъ привлечь на свою спорону Лепида, Силана и Планка, копорые начальствовали тогда нѣсколькими легіонами въ Галліи. Чтобъ воспрепятствовать ихъ соединенію, Сенапъ послѣшилъ обезоружить прехъ послѣднихъ; и предписалъ имъ основать и построить городъ для колоніи Вьенской на шомъ самомъ мѣспѣ, гдѣ она расположена спанъ свой. Планкъ исполнилъ повелѣніе Сенапа, и въ 710 году опъ построения Рима (или за 42 года до нашего лѣтосчисленія) Ліонъ основанъ былъ на двухъ холмахъ, называемыхъ нынѣ Сен-Жю и Фурвьеромъ. Эпо свидѣтельство Діона Кассія подтверждается надписью, находящеюся на гробницѣ Планка въ Гаешѣ, въ копорой именно сказано, что сей вождь былъ осно-

вашелемъ въ Галліи двухъ колоній: Ліонской и Раврикской.

Прекрасное и выгодное, положеніе Ліона съ самаго начала обратило вниманіе Римлянъ. Вскорѣ явились въ немъ амфитеатры и навмахи; построены были огромные водопроводы, рынокъ и монетный дворъ. Ліонъ былъ средошочіемъ чепырехъ военныхъ дорогъ, проложенныхъ Агриппою въ Галліи,— главнымъ мѣстопробываніемъ сборщиковъ податей и большой части военныхъ начальниковъ; Императоры имѣли въ немъ великолѣпный дворець. Августъ жилъ въ Ліонѣ около прѣхъ лѣтъ, и шестидесять народовъ Галліи воздвигли ему и Риму погъ жершвенникъ, о копоромъ сказано выше. Друзъ, онецъ Клавдіевъ, учредилъ подлѣ него игры, похожія на Испмическія. Какъ на эшихъ играхъ между прочимъ происходили и соспязанія орапоровъ; по Калигула издалъ для нихъ законъ, доспопримѣчательный по своей спранности. Онъ сосполялъ въ шомъ, чшобы побѣжденный плашилъ побѣдшпелю назначенную награду; и сверхъ того публично произносилъ въ чеспъ его похвальное слово:

а кто опивался вступать въ состязаніе, не имѣя нужныхъ свѣдѣній и талантовъ; поэтъ повиненъ былъ, въ присуществіи народа, вычистить языкомъ или губкою всю свою рѣчь. Въ случаѣ опеказа, били его лозами или бросали въ рѣку Рону. Надобно было имѣть великое присущствіе духа, чтобы искасть славы на такомъ опасномъ поприщѣ; и ораторы, приступая къ Лугдунскому жертвеннику, по словамъ Ювенала, блѣдѣли отъ ужаса, подобно человѣку, наступившему на змію обнаженнымъ пяткою:

„Palleat, ut nudis pressit qui calcibus anguem,
„Aut Lugdunensem Rhetor dicturus ad aram.“

Это учрежденіе по крайней мѣрѣ показываешь, что во время владычества Римскаго процвѣтало въ Лионѣ и краснорѣчіе.

Послѣ паденія Римской имперіи, Лионъ сдѣлался столицей королевства Бургундскаго; въ послѣдствіи времени подпалъ подъ власть Королей Французскихъ; отъ нихъ перешелъ къ королямъ Бургундіи Загорной и наконецъ dospался въ наслѣдство Бурнарду, архіепископу Лионскому. Преемники

его, архіепископы, владѣли Ліономъ, какъ владомъ въ церковь, и на основаніи грамотъ, жалованныхъ имъ опѣ Императоромъ Нѣмцямъ. Когда главный капитулъ духовный всушилъ въ права графовъ Форекскихъ, владѣвшихъ также Ліономъ; то наступило новое и неограниченное владычество духовное, состоявшее изъ капитула и архіепископа; оно продолжалось около одного вѣка съ половиною. Безпорядокъ въ судахъ, излишество чиновниковъ и ихъ содержаніе, требовавшее большихъ издержекъ, тяжелыя подати и налоги — раздражили наконецъ гражданъ. Они подняли оружіе, учредили народное правленіе, укрѣпили многія мѣста и привлекли на свою сторону войско. Архіепископъ и капитулъ прибѣгали попеременно то къ духовнымъ, то къ мірскимъ оружіямъ. Граждане просили покровительства у Людовика Святого; но его походы воспрещали податьъ имъ нужную помощь. Наконецъ сынъ Людовика, Филиппъ смѣлый, принявъ ихъ подъ свою защиту, утѣшилъ мятежи и возвратилъ имъ ширину, о которой они такъ долго

вадыхалъ; а Филиппъ Прекрасный, пользуясь правами, уступленными ему въ 1312 году архіепископомъ Пепромъ Савойскимъ, присоединилъ навсегда городъ Лионъ къ Французскому королевству.

Надобно замѣтить, что Лионъ въ древности назывался *Люгдунумъ*, — такимъ именемъ, которое было обще многимъ городамъ Галліи, и значило, по мнѣнію грамматиковъ, или нагорную башню или длинный берегъ. Ныѣшнее же названіе его происходитъ отъ этого льва, который былъ символомъ Марка Антонія, одного изъ благодѣтелей города. Чтобы сохранить память этого триумвира, Люгдунумъ носилъ льва на своихъ знаменахъ, изображалъ его на монетахъ и со времени крестовыхъ походовъ принялъ его въ свой гербъ. По свидѣтельству Колоніи, въ двѣнадцатомъ столѣтіи городъ сей назывался *Леона*.

ЗАМѢЧАТЕЛЬНѢЙШІЯ ЦЕРКВИ ВЪ ЛІОНѢ.

Видъ съ башни церкви Фурвьерь. Святѣиша Ліона — образъ Благодатной Маріи. Овочныя картины. Церковь Св. Иринея: подземелье съ костями мучениковъ Христіанъ; колодезь съ слѣдами мученической крови. Ловное мѣсто. Церковь Св. Іуста: каноники съ титуломъ бароновъ; золотыя панскія розы. Кафедральная церковь Св. Іоанна Крестителя; приделъ, высѣченный изъ одной массы камня; часы съ примѣчательною механикою; два креста—памятники мнимаго соединенія Греческой церкви съ Латинскою; хоръ пѣвчихъ, по образцу Константинопольскаго дѣшевственнаго; каноники съ титуломъ графовъ Лионскихъ; употребленіе мѣтры, заимствованное изъ Греческаго облаченія.

Положеніе Ліона есть одно изъ прекрасныхъ и обширныхъ карпинъ Франціи. Взойдите на вершину горы Фурвьерь и спяните на башнѣ Гопической церкви Богородицы, чтобы насладиться вполне зрѣлищемъ этой разнообразной и великолѣпной природы.

По уступамъ и скаламъ горы висятъ зда-
нія и улицы; при подошвѣ ея лежатъ огром-
ный городъ, пересѣаемый двумя широкими
рѣками. Далѣе дороги, обсаженные пополями,
планулся въ видѣ двухъ бульваровъ. Далѣе
разсыяны красивыя предмѣстія и дерев-
ни, спелются зеленыя равнины, подни-
маются амфиштеапрокъ холмы. На концѣ
горизонта сплываютъ Дофинейскія горы; изъ
за нихъ выглядываютъ сѣжныя Альпы; а
въ ясный и чистый день показывается
иногда и самъ исполнѣ Монбланъ. Какая
роскошь природы! Неперпѣливый взоръ
перебѣгаетъ отъ однихъ красотъ къ дру-
гимъ и наконецъ теряется въ дали этого
ландшафта, простирающагося на ширша
вершъ и болѣе.

Самая церковь Богородицы спомнѣ на
помѣ мѣстѣ, гдѣ находился древнѣй *Форумъ*
или торжище. Императоръ Траянъ хотѣлъ
оснавивъ Лионцамъ памятникъ своей къ
нимъ любви и соорудилъ на вершинѣ горы
великолѣпную биржу. Зданіе сіе почиталось
въ древности чудеснымъ произведеніемъ зод-
чества; и пошому самое паденіе его, послѣ-

довавшее въ 840 году, замѣчено было всѣми лѣтописцами того времени, какъ приключеніе важное.

Церковь Фурьеръ ничего не имѣетъ достопримѣчательнаго въ отношеніи къ здѣшнему и живущимъ; но въ ней хранятся священные Ліона — образъ Божіей Матери, названіемъ подѣ именованъ Благодатной Дѣвы Маріи. Въ каждую субботу и въ каждый торжественный праздникъ народъ спремится сюда толпами изъ города и изъ окрестныхъ селеній. Во внутренности церкви всѣ стѣны покрыты маленькими образами, вырѣзанными изъ дерева и принесенными по обѣду. Они представляютъ обыкновенно Св. Дѣву Марію, держащую Божественнаго младенца и облеченную по самую голову въ багряную или ашасную сорочницу. Хотя большое число этихъ образовъ служатъ свидѣтельствомъ простоты нравовъ и набожности народа; однако худая рѣзба ихъ и странное одѣяніе производятъ самое неприятное впечатлѣніе. Между разными образчиками есть также нѣсколько оброчныхъ картинокъ. Онѣ всѣ имѣютъ одинакое содер-

жаніе. На одрѣ лежишь изнемогающій опъ болѣзни; подлѣ него, передъ образомъ Божіей Матери, спояшь на колѣнахъ мущина и женщина, одѣтые и причесанные по послѣдней модѣ. Легкомысленность Французовъ и Француженокъ видна даже и въ ихъ молитвахъ. Не имѣюшь ли сіи общія картины какого нибудь сродства съ тѣми общими табличками, кошорыя Римляне, по полученіи железаго, привязывали въ испуканамъ въ знакъ своей къ нимъ благодарности? По крайней мѣрѣ Лапинское названіе для первыхъ удержано кашоликами по же самое, какое было и у Римлянъ, именно: *tabulae votivae*.

Во время революціи церковь Фурвьерь была продана съ публичнаго торгу, и долго оспавалась въ часпномъ владѣніи, переходя изъ рукъ въ руки. Въ 1803 году 19 Апрелья Папа Пій VII, совершивъ въ сей церкви Святыя Тайны, даровалъ ей полное право оппущашь всѣ грѣхи на цѣлую жизнь: *indulgentia plenaria et perpetua*.

Церковь Св. Иринея, споящая на одномъ изъ холмовъ горы Сен-Жю, естъ памятникъ вѣры въ ея гоненіи и вмѣстѣ профей вѣры

поржеспвующей. Христіане первыхъ вѣковъ, во время гоненій, искали обыкновенно убѣжища въ мрачныхъ пещерахъ; шуда приносили набіенныхъ брашій своихъ и на ихъ гробницахъ, а часпо и на ихъ шѣлахъ, обогранныхъ кровію, при блѣдномъ свѣшѣ факеловъ, совершали шайныя вечера.

Церковь Св. Иринея имѣетъ три олшаря, изъ которыхъ самый древній находится въ пещерѣ. На правой сторонѣ лѣспницы, ведущей въ подземелье, предспавляется арѣлице, которое приводитъ душу въ содроганіе. За желѣзною рѣшенкою, въ обширномъ погребѣ, лежатъ громады череновъ и оспавовъ человѣческихъ. Это оспавши Ліонскихъ Христіанъ, принявшихъ мученическій вѣнецъ въ царшвованіе Императора Севера. Ни жестокія пышья, ни мечъ, ни лесъ, ни соблазны не могли поколебать швердой ихъ вѣры. Гоненіе раждало героевъ; они шли на смерть, какъ женихъ на бракъ; послѣднія слова ихъ были хвала и благодареніе Богу; послѣдній взоръ ихъ обращался къ небу.—Надъ отшверспіемъ погреба еспъ надпись, въ которой сказано, что одинъ Св. Аббашъ

съ великимъ тщаніемъ собралъ эти оставы, ошдѣливъ опъ нихъ всѣ прочія кости, не принадлежавшія мученикамъ;—надпись совершенно лишняя и неуѣспная! Прощивъ желѣзной рѣшетки большая желѣзная дверь ведеть во глубину пещеры. Тишина и негроницаемый мракъ поселяють въ душѣ благоговѣніе. Въ споронѣ находишь колодезь, куда язычники бросали тѣла убиенныхъ ими Христіанъ. Доспаваемая изъ него земля, какъ увѣряють, и до сихъ поръ носить слѣды той крови, каплями копорой, по словамъ пѣснопѣвца Дамаскина,—какъ драгоценнымъ каменіемъ, украшались вѣнцы мучениковъ. Олшаръ этого подземелья основанъ на гробахъ Св. Епипоя и Св. Александра, посправавшихъ вмѣстѣ съ тысячами другихъ Христіанъ въ царствованіе Марка Аврелія. О порфиросный философъ и кропкій Императоръ! Чшо же значить человѣческая проницашельность и мудрость, когда и пвой свѣшлый пронь запечатлѣвъ кровію невинныхъ спрадальцевъ?

Подлѣ церкви Св. Ириней проспирается квадратная площадь съ двѣнадцатью олша-

рями. Надъ каждымъ изъ нихъ мраморный барельефъ, представляющій сцены Господни, называемыя проспо сстояніями (stationes). Подъ каждымъ барельефомъ написаны взятыя изъ Евангелія тексты, которые оканчиваются увѣщаніемъ, обращеннымъ къ душѣ: „о душа моя! помысли о семъ паденіи, о возстаніи и пр.“ Остъ площади отдѣляется желѣзною рѣшеткою большое полукружіе, называемое *Лобныйи мѣстои*. Три кресла, липыя изъ мѣди, съ мраморными изображеніями Хрїста и двухъ разбойниковъ, водружены надъ олтаремъ, назначеннымъ для совершенія Тайной Вечери; Марія Магдалина орошаетъ слезами ноги Спасителя. Подлѣ нея сстоятъ Іоаннъ Богословъ, Марія Клеопова и два Ангела. Какъ сіи статуи, такъ и барельефы, всѣ сдѣланы изъ бѣлаго мрамора, иждивеніемъ нѣсколькихъ набожныхъ гражданъ, въ память возвращенія папы Пія VII Апостольскому престолу, возстановленія Людовика XVIII на пронъ его предковъ и спасенія города, во время занятія его въ 1814 году союзными войсками.

*

Въ пещерѣ, вырытой подъ Лобнымъ мѣстомъ, есть еще небольшой придѣлъ церковный. Снятый со креста Спаситель лежитъ подъ ошаремъ въ каменномъ гробѣ. Закинутая глава, опавшее чрево, сухія ребра и всѣ прочія части тѣла носятъ глубокіе слѣды спрадаиі. Лучи солнца, въ продолженіе утра, падая сквозь небольшое окно прямо на Спасителя, производятъ рѣзкое слѣніе свѣта съ тѣнію, которому спарались подражать кисти нѣкоторые изъ Ліонскихъ художниковъ. При началѣ революціи это мраморное изваяніе спрячано было монахами въ землю, гдѣ и осмалось неприкосновеннымъ для свяшопашсвивенныхъ рукъ. Лобное мѣсто занимаетъ возвышенность горы Сен-Жю и имѣетъ видъ прекрасный. Въ продолженіе спраспной недѣли народъ собирается сюда изъ города и его окрестностей.

Церковь Св. Іуста (Сен-Жю) доспойна примѣчанія не сполько по красотѣ зодчества, сколько по правамъ и преимущесствамъ, которыми пользовались очень долгое время ея каноники. Они имѣли шишулъ бароновъ и свой гербъ, который соспоалъ изъ двухъ

единороговъ, и до революціи служилъ украшеніемъ фронтона сей церкви. Папа Иннокенцій IV, послѣ семилѣтняго пребыванія въ ихъ монастырѣ, жаловалъ ихъ многими помѣстьями и, что всего важнѣе, подарилъ имъ золотую розу, украшенную древнимъ сердоликомъ съ изображеніемъ головы Геркулесовой. *Золотыя розы* обыкновенно освящаются папами въ четвертое воскресенье поста и давались однимъ только государямъ или владѣтельнымъ князьямъ. Старшіе члены дома Турнонскаго были почетными канониками монастыря сего; они утверждали, что Св. Іустъ происходилъ отъ ихъ фамиліи и родился въ замкѣ Турнонскомъ. Парадинъ повѣспуепъ, что одинъ изъ нихъ имѣлъ обыкновеніе надѣвать на короткій шелковый кафтанъ каноническую рясу и въ тоже время носить при бедрѣ шпагу; и что родной братъ его епископъ Валенскій (de Valence), увидѣвъ его въ такомъ спраннымъ одѣяніи, не могъ удержаться отъ смѣха и сказалъ: „Братъ мой въ одномъ лицѣ представляешь при сословіи.“

Катедральная церковь Св. Иоанна Крестителя, споящая на правомъ берегу Саоны подлѣ деревяннаго моста, естъ примѣчательный памятникъ готическаго зодчества. Фасады ея состоятъ изъ двухъ башенъ и изъ фронтона, имѣющаго видъ пирамиды или острого шреугольника. Главная дверь и по сторонамъ ея двѣ меньшія украшены разными узорами. Надъ боковыми спѣнами церкви поднимающся въ видѣ перемовъ или шапоровъ двѣ другія башни, изъ которыхъ на одной виситъ колокола. Самый большой здѣшній колоколъ почитается по огромности своей первымъ во Франціи; но онъ можетъ занимать только прѣше или четвертое мѣсто между нашими Московскими колоколами. По сторонамъ купола, покрывающаго главный олтарь, споятъ еще двѣ башни, соотвѣтствующія тѣмъ, которыя находятся въ фасадѣ. Спѣны между сими послѣдними и средними башнями, составляють полукружіе, увѣчанное острыми зубцами. Внутренность церкви носитъ на себѣ печать простоты; но ряды огромныхъ готическихъ столбовъ, длинная и широкая

прапеза, высокіе и смѣлые своды, богатая рѣзьба, красота разноцвѣтныхъ спеколь, производящихъ одно только слабое мерцаніе, — все это даетъ зданію характеръ величія, располагающаго душу къ благоговѣнію.

Внутренность церкви расположена крестомъ. Стѣны главнаго олшаря украшены карпинами изъ вепхаго завѣша; нѣкошорыя изъ нихъ писаны кистію извѣстныхъ художниковъ. Спашуя Св. Дѣвы Маріи, изваянная изъ бѣлаго мрамора и споящая при дверяхъ ризницы, есть произведеніе одного изъ учениковъ Кановы и подарена церкви нынѣшнимъ Ліонскимъ архіепископомъ. Нѣсколько древнихъ колоннъ, выписанныхъ изъ Рима и назначенныхъ для украшенія храма, есть даръ шогоже ревностнаго пасшыря, извѣстнаго въ Ліонѣ по любви своей къ художествамъ.

Въ торжественные праздники выставляють здѣсь передъ главнымъ олшаремъ двѣ мраморныя спашуи Іоанна Крестителя и Святаго Стефана, работанныя ваятелемъ Блезомъ. Олшаръ обнесенъ красивою желѣзною

рѣшеткою и украшенъ очень хорошою рѣзбою на деревѣ.

Еще большаго вниманія достоинъ, по изяществу ваянiя, одинъ изъ придѣловъ, построенный въ 1449 году кардиналомъ Бурбономъ, архіепископомъ Лионскимъ, изъ одной массы камня; изъ одной и тойже массы высѣчены сполбы, своды и висячіе на нихъ и подъ ними узоры. Разнообразіе прикрасъ, выбранныхъ со вкусомъ, — шонкая рисовка, щипательная опдѣлка и совершенство рѣзнаго искусства должны приводить въ опчаніе нынѣшнихъ художниковъ. Понять нельзя, какимъ образомъ швердый камень могъ быть, подобно гипсу или воску, игралитцемъ заплѣливаго рѣзца. Эшо не что иное, какъ каменное шипье, или каменная шонкія кружева!.. На спѣнахъ сего придѣла видна повсюду рука, перевязанная ораремъ и держащая пламеноносный мечъ съ слѣдующими словами: „безъ надежды и безъ страха (n'espoir, ne peur).“ Эшо девизъ кардинала Бурбона.

Въ одномъ изъ придѣловъ, по лѣвую сторону церкви, сполитъ часы, построенные въ шеснадацатомъ сполѣшiи и исправленные

въ 1660 году Вильгельмомъ Нуриссономъ, доспопримѣчательные по своей механикѣ. Они имѣють сходство съ Спразбургскими часами или съ часами, успроенными нашимъ Кулибинымъ. По окончаніи каждаго часа, пѣшухъ бѣсѣтъ крыльями и начинаешъ пѣшь; попомъ опворяешся дверь и выходишь Архангель Гавріиль съ благовѣспіемъ къ Дѣвѣ Маріи; Свяшый Духъ спускается и осѣняетъ ее; Богъ Отець прикрапы благословляетъ; между пѣмъ играешъ внушри музыка, по напѣву спиха: „ut queant Laxis.“

Но что значашъ эши *два креста*, споящіе рядомъ на жершвенникѣ главнаго олшара? Эшо памятники соединенія Греческой церкви съ Лашинскою, совершившагося, по словамъ кашполжковъ, въ 1274 году на Вселенскомъ Ліонскомъ Соборѣ, въ храмѣ Іоанна Крещителя. Хишрая полишика власполюбивыхъ папъ, въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ, дѣйствовала неупомимо, чтобъ завладѣшь воспокомъ и подчинишь себѣ Православную церковь. Пользуясь смяшеніями слабой Греческой Имперіи, при нападеніи Срациновъ и Турокъ, и въ поже время

уничженіемъ Россіи, спонавшей подъ игомъ Монголовъ, они испощили всѣ возможныя и непопозволенные средства, прибѣгали и къ лести и къ обману и къ коварству. По ихъ мнѣнію, достпашочно было согласія десяти или пяти Грековъ, чпобъ назвать соборъ Вселенскимъ и провозгласить соединеніе церквей шоржеспвеннымъ. Но, къ счастью, конецъ никогда не соопвѣпспвовалъ хипроспеннымъ ихъ намѣреніямъ. Подкупленные или оболещенные обѣщаніями, опспшупники вѣры, по возвращеніи въ опечеспво, наказываемы были презрѣніемъ народа или изгнаніемъ; и церковь Воспощная, основанная Апосполами, опспавалась пшвердою и неизмѣнною, какъ скала среди обуреваемого моря.

На Ліонскомъ соборѣ, по свидѣпельспву лѣпописцевъ, послы Хана Ташарскаго приняли крещеніе; а кардиналы получили право носить, въ знакъ оппачія, пурпуроваго цвѣша сппхарь, копорый до шого времени былъ обыкновеннымъ облаченіемъ однихъ пѣвчихъ первопреспольной церкви Іоанна Креспштеля. Достпойно замѣчанія, чшо до начала революціи въ эпоху церкви никогда не было орга-

новъ и упошреблялась одна полько голосовая музыка. Французы не находятъ словъ для выраженія шѣхъ сильныхъ чувствъ умиленія и благоговѣнія, которыя возбуждаемы были проспымъ и ровнымъ пѣніемъ канониковъ. Эпошъ родъ музыки, совсѣмъ чуждой Каптоликацъ, введенъ былъ въ девятомъ сполѣннѣ епископомъ Лейдрадомъ, въ подраженіе хору придворной церкви Карла Великаго, и вѣрояшно происходилъ опъ Греческаго демеспвеннаго пѣнія. Извѣстно, что Карлъ Великій, домогаясь соединенія воспочной имперіи съ западною, часто сноился съ Импераприцею Евдоксією. Послы его, подобно посламъ Владиміровымъ, вѣрояшно восхипились Ангельскимъ сладкопѣніемъ клироса Констаншинопольскаго и, по возвращеніи въ опечество, можеть бышь, присовѣповали своему монарху успроишь, въ подраженіе эшому клиросу, хоръ канониковъ. По крайней мѣрѣ такимъ образомъ можно объясняшь его происхождение, которое до сихъ поръ оспавалось загадкою для Французскихъ археологовъ.

Капипуль церкви Іоанна Креспипела до начала революціи почиался во Франціи

однимъ изъ самыхъ почешнѣйшихъ. Знаками
оплечія его канониковъ были золопой
крестъ на красной лентѣ и шишуль графа
Ліонскаго. Чтобы принятымъ быть въ чи-
сло ихъ, надлежало доказашь свое благород-
ство геральдикомъ за чешыре спепени, какъ
по опцовской, такъ и по машерней линіи.
Сами Короли Французскіе принадлежали къ
первымъ каноникамъ этой церкви; и когда,
по прибытіи въ Ліонъ, они желали посѣпшишь
ее,—капшшуль, выходя къ нимъ на вспрѣчу,
облачалъ ихъ передъ монастырскими вороша-
ми въ спшхаръ и маншію каноническую. До-
фины Вьенскіе, герцоги Бургонскіе и Савой-
скіе, герцогъ Беррійскій, сирь Туарскіе и Вил-
ларскіе были также почешными канониками.

Нигдѣ богослуженіе не было совершаемо
съ такою пышностію, какъ въ церкви Іоан-
на Крестшшеля. Священники облачались въ
самыя богатыя ризы и надѣвали на голову
мишру, вѣрояшно въ подражаніе Греческимъ
епископамъ и архимандршпамъ. Архіепископъ
иначе не служилъ обѣдни, какъ съ шесшыю
священниками, кошорые, въ опношеніи къ
нему, назывались шесшыю музами. Графы

канониками между прочимъ присвоили себѣ право, во время священнодѣйствія, преклоняяшь одно только колѣно; и это преимущество, по ихъ домогательствамъ, утверждено было въ 1555 году парламентомъ. Доспойно также замѣчанія, что въ силу своего уснава, они никогда не выходили изъ монастыря пѣшіе, но всякой разъ должны были садиться на лошадь.

На площади, проспиряющейя передъ церковію Іоанна Крестителя, въ томъ самомъ домѣ, который занимаетъ теперь трибуналомъ первой инстанціи, а прежде принадлежалъ капитулу, во время извѣстнаго археолога Колоніи, находился на лѣспниці камень съ изображеніемъ извѣстнаго змія и слѣдующею надписью: „Deo invicto MITHR. Secundinus dat; богу непобѣдимому Митрѣ посвящаетъ Секундинъ.“ Это служило доказательствомъ, что поклоненіе Митрѣ или солнцу, перешедшее изъ Персіи въ Римъ, было въ употребленіи и въ Ліонѣ.

Л И О Н Ъ . . . .

Улица Св. Елены. Площадь Людовика Великаго. Боланица.
Публичная библиотека. Площади Целестинская, Яковинская
и Терро. Ратуша. Театръ. Навержная Сенклеръ. Мосты
Моранъ, Гильотерскій и Сен-Жанъ.

Улица Св. Елены, находящаяся въ недале-
немъ разстояніи отъ церкви Энэ, славилась
въ древности и въ средніе вѣки кельями
своихъ зашворниковъ. Каждая изъ нихъ имѣ-
ла десять фушовъ длины и сподожке ни-
рошы, одно небольшое опверстіе въ церковь
и одно шакоеже на улицу для принятія ми-
лоспыни. Каждая келья назначена была для
одного мущины или для одной дѣвицы, ко-
торые заключали себя добровольно на всю
жизнь. Обрядъ заключенія совершался пор-
жешвеннымъ образомъ. Епископъ, сопро-
вождаемый духовенствомъ, вводилъ зашвор-
ника въ назначенную ему келью, приказыв-
валъ закладывать кирпичами дверь и клалъ

на нее свою печать. Учрежденіе заповорничества приписываютъ Св. Евхеру, епископу Лионскому шестаго вѣка, и право на оное давалось только шѣмъ, копорые предварительно выдержали чепырехлѣпнѣй самый спротивъ искусъ. Въ улицѣ Св. Елены и въ окрестностяхъ находились десянь келій для мужскаго и десянь для женскаго пола. Слѣды ихъ оставались до начала революціи: но самое заповорничество вышло изъ употребленія еще въ концѣ пятнадцатаго столѣтія.

Огромная площадь Людовика Великаго состоитъ изъ продолговатаго чепвероугольника, имѣющаго 143 саж. и 2 аршина длины и 91 сажень ширины. Съ южной ея стороны проведена густая липовая аллея; съ северной тянется рядъ каменныхъ домовъ; съ восточной и западной сторонами два длинные дворца, построенные по одному плану. До начала революціи, среди площади находилась бронзовая конная статуя Людовика XIV съ двумя прекрасными водометами; но въ 1793 году статуя была разбита, водометы разрушены, дворцы обезображены. По воспита-

новленіи порядка, обращено было вниманіе на вооспановленіе дворцевъ. Каждый изъ нихъ раздѣляется внутри на пять домовъ; середній домъ, выдаваясь нѣсколько впередъ, составляетъ лице всего корпуса. На площади въ непродолжительномъ времени будешь поставлена новая конная статуя Людовика XIV, копорая выливается изъ бронзы въ Парижъ (*).

Лионская больница, лежащая на правомъ берегу Роны, своею древностію превосходитъ всѣ подобныя заведенія, существующія во Франціи. Основаніе ей положено было еще въ шестомъ столѣтіи королею Хильдбергомъ и его супругою королевою Ульпрогопою. Въ дѣяніяхъ Собора Орлеанскаго, бывшаго въ 549 году, упоминается, что Святые отцы утвердили сіе учрежденіе, какъ угодное Богу.

Больница имѣетъ нѣсколько отдѣленій и при главныхъ дворахъ: Св. Людовика, Св. Елисаветы и Св. Мартина. Внутренность перваго состоитъ изъ четырехъ простран-

---

(*) Она уже поставлена и открыта въ 1825 году.

ныхъ залъ, расположенныхъ крестомъ; посреди ихъ воздвигнуть жертвенникъ. Главный корпусъ, простирающійся по набережной Роны, не что иное естъ, какъ длинный коридоръ, раздѣляемый круглымъ храмомъ и его куполомъ на двѣ равныя половины.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ внутреннее устройство больницы. Каждая зала имѣетъ при рядѣ кроватей; каждая кровать закрыта занавѣсомъ. Опрятность бѣлья, чистота комнатъ, умѣренный и благородный воздухъ, хорошая пища и дѣшная прислуга, свидѣтельствуютъ о тщательномъ надзорѣ врачебной управы. Больные раздѣляются по роду болѣзней; число ихъ ежегодно восходитъ до девяти или одиннадцати тысячъ; а умирающихъ бываетъ одна двѣнадцатая часть. Знаменитая Римская больница, можетъ быть, превосходить своею огромностію; но въ ней имѣютъ убѣжище одни каполинки, а въ Ліонской принимаются больные всѣхъ странъ и исповѣданій. Врачи, принадлежащіе къ сему дому, имѣютъ обязанностію лѣ-

типъ безденежно всѣхъ бѣдныхъ гражданъ; равно какъ здѣшняя аптека обязана безденежно выдавать имъ лѣкарства.

Недалеко отъ больницы, въ дождь, принадлежащемъ коллегіи, помещена *Публичная Библиотека*. Неопрятная лѣсчатая, узкой коридоръ и прослая дверь ведутъ въ огромную и великолѣпную залу. Мраморный полъ, богатые столы, бюсты, барельефы, сферы и глобусы, изъ кожъ два имбюштъ въ поперешникѣ около двухъ аршинъ съ половиною, служатъ доказательствомъ роскоши музѣ Лионскихъ. Зала сія назначена для чтенія и содержитъ въ себѣ до 70,000 томовъ. Съ правой стороны углубляется другая небольшая зала, наполненная книгами разнаго содержанія, пожершвованными отъ разныхъ особъ. Далѣе небольшая комната заключаетъ эстампы, археологическія книги и весьма любопытныя рукописи Халдейскія, Сирийскія, Еврейскія, Армянскія, Греческія, Арабскія, Персидскія, Татарскія, Индейскія, Китайскія и прочія. Досшопримѣчательнѣйшія изъ нихъ: 1) собраніе правилъ соборныхъ (*Collectio canonum Conciliorum*). пятого вѣла;

а) Кодексъ Юстиніановъ,—шестпато вѣка, по
увѣренію смошришеля библіошеки; заглавія
ихъ писаны киноварью. 3) Требникъ или
обѣдня съ нотами, оставшаяся опть IX вѣка.
Каждая заглавная буква съ образомъ Спаси-
шеля, Божіей Машери или Свяшыхъ. Особен-
ное вниманіе обрацають образъ Саваооа во
всю спраницу и другой, соспоацій изъ нѣ-
сколькихъ лжковъ Свяшыхъ. Краски и по-
золота яркія; вкусъ Греческой; но рисовка
довольно правильная и даже съ выраженіемъ.
Есть еще одна рукопись Кишайская, писан-
ная кишію; и одна печатанная въ Пекинѣ
книга, называемая Икингъ, въ 22 шомяхъ,
въ 4 долю лиспа, о законахъ и богословіи
Кишайцевъ. Между эспампами доспопримъ-
чашельно собраніе небольшихъ каршинъ, оп-
носящихся къ возрожденію живописи. Онѣ
но большой часши аллегорическія, напр. по-
валившійся фонарь съ свѣчею, имѣющій над-
пись: „Inconstans vector; вращаюсь опть непо-
споанспва.“ Библіошека Ліонская основалась
въ шеспнадапомъ сполѣтій опть пожершво-
ваній королевскихъ и чашныхъ особъ. Лю-
довикъ XIII и Людовикъ XIV обогашил ее

*

великолѣпными изданіями Луврскими. Библиотека Адамоли, подаренная Академіи наукъ, словесности и искусствъ, имѣющей свои засѣданія въ эпохъ залѣ,—множество рѣдкихъ и дорогихъ книгъ, доставшихся отъ уничтоженныхъ монастырей, и наконецъ значительныя суммы денегъ, отпускаемыя городомъ ежегодно въ это книгохранилище, распространяли его, привели въ цвѣтущее состояніе и поставили на ряду съ знаменитѣйшими библиотеками Европы.

Целестинская площадь посвящена Флорѣ. Въ воскресные и праздничные дни производится здѣсь торгъ цвѣтами и душистыми растеніями; песпропта и расположеніе ихъ составляютъ пріятное зрѣлище. Съ нѣкопорого времени вкусъ къ цвѣтамъ сдѣлался въ Лионѣ общимъ; но цѣна лилій, символа Бурбонскаго дома, также часто здѣсь измѣняется, какъ курсъ на Лондонскихъ биржахъ. У Французовъ на все моды, на плашье, на сочиненія, на правительсва и на самую вѣру.

Рядъ кофейныхъ домовъ, окружающихъ эту площадь, есть рядъ волшебныхъ замковъ. Огромныя залы, безчисленныя группы

мушницъ и женщинъ, зелень благоуханныхъ расплывшій, журчащія водометы, повсюду развѣшенные цѣпочныя цѣпки и наконецъ пылчя люстры, пылающихъ во время ночи, приводящя въ изумленіе. Вы перемесили вдругъ въ жилище Фей; вы спомните въ садахъ Арминидныхъ. Однимъ словомъ: зрѣніе ваше всѣмъ очаровано и всѣмъ обманушо. Тысячи предметовъ не что иное, какъ одни и шѣже предметы, повпоряющіеся въ зеркальныхъ сплѣнахъ съ разныхъ сторонъ и въ разныхъ видахъ. Среди залы, на возвышеніи, какъ на провѣ, окруженная букетами розъ, живая роза или полынъ, Армида или играющая роль Армиды, прелестная или безобразная, молодая или старая Француженка, беретъ су и франки за пуншь, кошорымъ грѣюся мушницы, и за лимонадъ, кошорымъ прохлаждаюся женщины.

Площадь Якобинская находилъся на томъ мѣстѣ, гдѣ была церковь монашескаго ордена Якобинцевъ. Монашескаго дома ихъ, занимаемый теперь префектомъ Лионскимъ, былъ театромъ разныхъ достопримѣчательныхъ происшествій. Я упомяну только о важ-

нѣйшемъ изъ нихъ. Послѣ смерти Клименша V, пресполь папскоѣ болѣе двухъ лѣтъ осна- вался правдымъ, по причинѣ несогласія карди- наловъ; въ то время Филиппъ, графъ Поапьер- скій, по повелѣнію брата своего Людовика (le Hutin), заманилъ въ Лионъ, подъ разными предлогами, двадцать прехъ кардиналовъ и за- перъ ихъ въ монастырѣ Якобинцевъ 28 Іюня 1318 года, объявивъ напередъ, что они до нѣхъ норъ изъ него не будутъ выпущены, пока не заберутъ первосвященника. Святыя ош- ны долго упрямилась, спорили и брѣзали; но, соскучивъ наконецъ започеніемъ и постомъ, 7 числа Августа нарекал папою кардинала Оссаша, извѣснаго подъ именемъ Іоанна XXII. Эпоитъ конклавъ, казался, можно починиашъ первымъ, приведеннымъ въ дѣйство по шоч- ной силѣ постановленія вшорато Лионскаго собора, бывшаго въ 1274 году подъ председа- тельствомъ папы Григорія X. (*)

(*) Entre un grand nombre de Constitutions qu'on publia dans ce concile, il y en a une très-intéressante et ayant pour objet d'empêcher qu'après la mort d'un Pape, le saint siège ne demeure long temps vacant. C'est l'origine du

Площадь Терро рождаешъ горькія воспоминанія въ друзьяхъ человѣчества. На помѣ самомъ мѣстѣ, гдѣ Римлянами проведенъ былъ каналъ для сообщенія Роны съ Саоною, лилась рѣвною кровью гражданъ 13 Апрѣля 1793 года. Въ общемъ совѣщѣ городской думы определено было воздвигнуть здѣсь мраморную стѣпую. Людовику XVI; для сооруженія этого памятника уже принесены были значительныя пожертвованія; намъ вдругъ перемѣсилась сюда революція со всѣми своими ужасами; воздвигла здѣсь эшафотъ и на этомъ жерпвенникѣ, доспойномъ ея идола, безравсуднато равенства, заклала 1500 жерпвъ!...

Conclave qui a été en usage depuis Grégoire X pour l'élection des souverains pontifes et dont l'expression latine désigne un lieu où plusieurs personnes sont renfermées sous une seule et même clef. C'est dans un tel lieu que les Cardinaux se rendent pour procéder à l'élection. Selon cette constitution, si trois jours après leur clôture ils ne sont pas d'accord sur le choix d'un Pape, on ne leur servira les cinq jours suivans, qu'un seul à chacun de leurs repas: ce terme expiré, on ne leur donnera que du pain, du vin et de l'eau.

(Précis de l'histoire ecclésiastique par M..)

Городская Ратуша, стоящая на площади Терро, по красоте зданія занимаетъ, какъ утверждаютъ Французы, первое мѣсто послѣ ратуши Амстердамской. Она построена въ половинѣ семнадцатаго столѣтїя, по плану архитектора Симона Монна. Знакомы удивляющагося свѣтому своду сѣней, который проспирася въ видѣ распущенной дуги. Здѣсь стоятъ двѣ бронзовыя колоссальныя группы. Съ правой стороны рѣка Саона, лице аллегорическое, покоящаяся на львицу, съ опрокинутымъ рогомъ изобилїя; съ лѣвой Рона (le Rhone), въ видѣ Нептуна, держитъ презубецъ и опирается на льва. Обѣ эти группы до начала революціи служили украшеніемъ стѣнъ двухъ водометовъ, среди которыхъ стояла конная статуя Людовика XIV. Вѣроятно, въ непродолжительномъ времени возвращать имъ прежнее ихъ назначеніе.

Ратуша раздѣляется на два двора. Пространству задняго, за небольшою площадкою, стоитъ домъ, обнесенный съ двухъ сторонъ галереями. Статуя Аполлона, группы музы и другія подобныя принадлежности, копо-

рыми увѣчанъ фасады, показываютъ назначеніе зданія. Это *Театръ*.

Склонность Лионцевъ къ зрѣлищамъ открылась съ давняго времени. Представленіе шамисувъ, вѣры и разныхъ происшествій, взятыхъ изъ священнаго писанія, было въ употребленіи въ Лионѣ еще въ четырнадцатомъ столѣтіи. Около половины шестнадцатаго вѣка уже поспроешь поспоянный шеапръ, на кошоромъ играли площадныя комедіи и нравственныя драмы. Верхняя часть шеапра, по свидѣтельству Колоніи, представляла рай со всеми его радостями; нижняя часть представляла адъ, изъ кошорато раздавались стоны и рыданія: но сей домъ, послѣ смерти содержателя его, былъ проданъ; и во время пребыванія Генриха IV въ Лионѣ, группа Италіянскихъ комедіаншовъ помѣщена была въ одной изъ залъ монастыря графовъ канониковъ. Это показываетъ, что духовенство католическое въ началѣ семнадцатаго столѣтія еще имѣло терпимость и не ошлучало оныхъ церкви англичановъ. Одна также изъ залъ, подлѣ церкви Св. Павла, сдѣлалась въ Лионѣ навѣснкою

явны, что въ ней игралъ *Мольеръ* большую часть лучших своих пьес. Такия образомъ Мельпомена и Талия бродили изъ одной улицы въ другую до половины прошедшаго столѣтня, когда, по плану Суффлоа, построена была великолѣпная домъ на площъ жѣспѣ, гдѣ прежде находился садъ городской ратуши.

Самыя лучшяе частныя дома находятся на набережной Роны, называемой Сенле-роми; эта часть города построена только въ половинѣ прошедшаго столѣтня. Открытiе биржи и пристани, свѣжестъ воздуха и разнообразiе представляющихся оиселъ видовъ привлекли сюда богатыхъ гражданъ. Во всѣхъ прочихъ частяхъ Лиона улицы неправильны; узки и нечисты; дома о пяти и шести жильяхъ; дворы скапы; воздухъ гнѣзель и нездоровый. Почетный и вшорей городъ Францiи,—городъ, который во время владычества Римскаго изобилелъ великолѣпными водоемами и который до сихъ поръ еще гордится развалинами водопроводовъ, не имѣетъ нынѣ ни одного фонтана и ни одного колодезя, достопримѣчательнаго по

отношеніямъ къ искусству; но его набережныя по берегамъ Роны и Саоны, приспаны и мосты очень красивы.

Деревянный мостъ на Ронѣ, названный, по имени архиепископа, *Моранолъ*, занимаетъ первое мѣсто во Франціи между строеніями этого рода. Онъ имѣетъ около 90 сажень длины и шестнадцать опверсшій, сквозь которыя свободно плаваютъ барки.

Мостъ *Гильотерскій*, соединяющій предмѣстіе Гильотерь съ городомъ и ведущій черезъ Рону въ южныя области Французскія, въ Савойю и Италію, простирается на 493 метра или на 257 сажень и состоитъ изъ семнадцати каменныхъ арокъ.

Изъ шести мостовъ, проведенныхъ чрезъ Саону, достопримѣчательнѣе каменный съ пятью арками и съ пропурами. Въ 1808 году ледъ назвала его *Тильзидскимъ*; но съ того времени, какъ прошли по немъ войска союзныя, народъ съ гѣря и досады счталъ называть его простию *Ивановскимъ мостомъ* (de St. Jean).

ПРОДОЛЖЕНИЕ

Постепенное возвышение Лионской торговли. Поселение Итальянцевъ. Евреи. Ярмарки. Фабрики. Модные магазины. Лаборатория Г. Реймонда. Биржа. Депо иностранныхъ товаровъ. Материалы, получаемыя изъ соседнихъ департаментовъ. Число жителей.

Почетный и впрочемъ городъ Франціи, Лионъ, обязанъ богатствомъ, славою и народонаселеніемъ обширной своей торговлѣ. Въ теченіи многихъ вѣковъ много разъ онъ былъ игралищемъ внутреннихъ мятежей, добычею варваровъ, жертвою голода, мора, наводненій, пожаровъ; и всякой разъ возрождался изъ своего пепла, подобно баснословному Фениксу. Войска Севера его разграбили; Гунны, Вургунды и Мавры его опустошили; столющія междуусобная война съ епископами и канониками его истощила; Пропетанцы его разрушили; и Лионъ пережилъ всѣ ужасы. Паденіе города неминуемо влекло за собою паденіе торговли; но съ ея воспа-

ніємъ возснавалъ и онъ изъ развалинь. Чшо могло бытъ ужаснѣ революціи, копорая воэдвигнула внупри его эшафоты и заклала на нихъ пысячи жерпвѣ? Чшо могло бытъ вреднѣ и опаснѣ власполюбія Наполеонова, безъ жалоспи пожинавшого, въ продолженіе цѣнадцати лѣтъ, лучшій цвѣтъ Ліонскаго юношесства? Но Ліонъ снова начинаешъ дышашъ и наслаждашъя плодами промышленоспи. Если миръ не могъ возврашшъ опццанъ ихъ подпоры и машерямъ единспвенной ихъ опрады; по крайней мѣрѣ онъ гошовъ вознаградишъ городъ шѣмъ обиліемъ, съ кошорымъ явлелся на спогнахъ его.

Любопышно знашъ, чшо давалѣ, въ продолженіе споль многихъ вѣковъ, жизнь, движеніе и силу шорговлѣ Ліона? Безъ сомнѣннѣ, выгодное его положеніе, дѣяшельносшь гражданъ, ихъ спремленіе къ образованноспи, покровишельсшво королей и самыя обспояшельсшва полишшческія.

Ліонъ лежишъ при впаденнѣ Саоны въ Рону, текущую въ Средиземное море. Въ Галліи, какъ и во всѣхъ земляхъ необразованнхъ, рѣкѣ служили первымъ и един-

ешвеннымъ душемъ сообщенія для жителей; а потому и торговля явилась въ Лионѣ вскоре послѣ его основанія. Шестидесятъ народовъ, соорудившихъ храмъ Августу въ Люгдунѣ (древнемъ Лионѣ), нисходя и восходя по теченію рѣкъ, несли въ новоосвоенный городъ свои избытки и искали на его торжищахъ всего, что могло удовлетворять ихъ нуждамъ. По открытіи военныхъ дорогъ въ Галліи и по учрежденіи ярмарокъ въ Лионѣ, торговля его распространила свои сношенія съ землями сосѣдственными; и наконецъ чрезъ Средиземное море не замедлила проникнуть въ отдаленныя страны Азіи. Въ Греціи Лионцы озарилъсь первымъ свѣтомъ Евангелія; и во второмъ столѣтіи, когда Римъ и Италія еще понули во мракѣ язычества, Православная вѣра пришла съ востока на западъ и водрузила знаменіе креста на горахъ Лионскихъ.

Вмѣстѣ съ паденіемъ Римской имперіи палъ и великолѣпный Лионъ. Самое богатство и изобиліе его послужили ему источникомъ золь и ужасовъ; потому что онъ заключалъ въ сѣняхъ своихъ все, что могло

нолько льстивше амчюсны хищныхъ варваровъ. Хотя въ послѣдствіи времени, подъ правленіемъ королей Бургундскихъ и герцоговъ Савойскихъ, примѣнно приходилъ онъ въ силу и крѣпость; однако его благоденствіе утвердилось на прочномъ основаніи только въ четырнадцатомъ столѣтіи, подъ покровительствомъ королей Французскихъ. Крѣпкое и мудрое правленіе уврачевало раны, причиненныя внутренними раздорами; щедрость, возмѣтная на гражданъ, пробудила въ нихъ дѣятельность; права, данныя купечеству, привели къ движенію равнымъ образомъ промышленности.

Почти въ тоже самое время одинъ неожиданный случай далъ торговлѣ Ліонской ходъ новый и блистательный. Въ концѣ тринадцатаго столѣтія многіе изъ богатыхъ Италіянцевъ, принужденные оставити опечесиво по причинѣ внутреннихъ мятежей, принесли съ собою въ Ліонъ глубокія свѣденія и опытность въ дѣлахъ торговыхъ. Чтобы не лишиться навсегда сокровищъ, оставленныхъ ими въ Италіи, они привели въ употребленіе векселя, изобрѣтенные не-

задолго передъ шѣмъ временемъ и при шакихъ же обшпопательсвахъ зашпючѣными Евреями. Въ слѣдъ за симъ они опшрыли банки, учредили коншоры, построили для складки шоваровъ магазины, завели многія фабрики; и шакиимъ образомъ досшавили Лиону и средшва и способы всшуншп въ сношеніе со всѣми городами завѣсшпаго въ шо время шра.

Гонимые изъ одной шпраны въ другую, Евреи шакие находили пршспанище съ давнихъ временъ въ Лионѣ. Еще въ девяшомъ шшолшпш они имѣли здѣсь свою сшнагогу и особенную улицу, называемую до сихъ поръ Іудейскою, сосшоя подъ вѣденіемъ особаго мшншспра (Maitre des Juifs), который былъ ихъ ходашаемъ и покровшпелемъ при дворѣ короля Людовика Крошпаго. Они занимались преимущественно шорговлею и пользовались шакиимъ довѣріемъ и благоволеніемъ, что шорговымъ днемъ, бывшій въ суббшпу, посвященную ими Богослуженію и покою, былъ замѣненъ въ послѣдшвіи другимъ днемъ.

Яриарки, опшрышныя Карломъ VII въ 1420 году и приведенныя въ цвѣшущее сосшопніе

Людовикомъ XI, также весьма много способствовали къ распространенію торговли Лионской. Данныя купечеству преимущественно привлекли на берега Роны толпы иностранныхъ промышленниковъ, которые нашли здѣсь и возмездіе за свою дѣятельность и новое для себя отечество. Со времени революціи эти ярмарки совсѣмъ уничтожились; но паденіе ихъ не могло произвести никакого значительнаго ущерба въ торговлѣ: опытъ того что фабрики Лионскія доведены уже до высшей степени усовершенствованія и не имѣютъ ни малой нужды въ постороннихъ пособіяхъ.

Земледѣліе и торговля суть главные источники народнаго благосостоянія. Онѣ питаютъ силы государственныхъ и даютъ обиліе всѣмъ сословіямъ. Короли Французскіе убѣждены были въ этомъ, и во многихъ случаяхъ старались оказывать оплотивное покровительство Лионцамъ. Подданные равнымъ образомъ умѣли дѣлать вниманіе своихъ монарховъ, и когда требовали государственныхъ нужды, открывали имъ свои сокровища. Генрихъ IV, пронувшій усердными

пожертвованіями гражданъ Ліонскихъ для уплаты жалованья Швейцарскому войску, сказалъ въ одномъ изъ своихъ манифестовъ: „да будутъ чужды мнѣ подозрѣнія и недовѣрчивость къ Ліонцамъ! Никогда не буду я строить крѣпостей въ ихъ городѣ; я построю крѣпости въ ихъ сердцахъ.“

Ліонъ особенно достопримѣчателенъ количествомъ и качествомъ своихъ фабрикъ, составляющихъ основаніе и опору его торговли. Суконныя и шляпныя фабрики процвѣтали здѣсь еще въ четырнадцатомъ столѣтіи; книгопечатаніе, кожевенные заводы и канашныя фабрики въ пятнадцатомъ, бумазейныя въ шестнадцатомъ. Но особеннаго вниманія достойны фабрики шелковыя, которымъ Ліонъ обязанъ своею извѣстностію, а большая часть жителей его своимъ благосостояніемъ. Онѣ основаны были въ 1536 году при Францискѣ I, и достигли теперь до такого совершенства, что не боятся уже никакого соперничества. Прочность красокъ, изящество и разнообразіе узоровъ, яркость цвѣтовъ и тщательнѣйшая обработка даютъ преимущество ихъ издѣліямъ предъ

всѣми прочими, вырабатываемыми въ Европѣ и въ Америкѣ. Вкусъ къ ихъ парчамъ, бархатамъ и шалямъ распространился равнымъ образомъ во всѣхъ частяхъ міра. Пышные и великолѣпные ихъ обои употребляютъ для украшенія дворцовъ и большей части храмовъ католическихъ. Въ публичной городской библиотекѣ сохраняется одна аллегорическая картина, работанная на фабрикѣ Сегеня и Темница по рисунку Ревуала; она представляетъ Французскій гербъ, прирванный до половины щитами Русскимъ, Прускимъ и Австрійскимъ; и по согласію цвѣтовъ, по тонкости позолоты и игрѣ шпатель, можешь служить образцемъ въ изящныхъ издѣліяхъ эпохи рода. Златошвейная фабрика рисовщика Бони славящаяся также изящностію шпатель картинъ.

Модные здѣшніе магазины по справедливости могутъ называться храмами вкуса и роскоши. Богатство матерій, обиліе цвѣтовъ и блестящія узоры ослѣпляютъ взоръ и удовлетворяютъ въ полной мѣрѣ прхотнямъ любопытства. Каждый цвѣтъ посвященъ памяти какого нибудь баснословнаго

*

лица или историческаго предмета; одинъ называется прахомъ Троянскимъ, другой шлемомъ Ахиллесовымъ, прешій румянцемъ Венеры и такъ далѣе.

Съ нѣкошораго времени цѣна всѣхъ вообще издѣлій и въ особенноти шелковыхъ получили большее преимущество предъ прежними въ блескѣ и прочноти. Къ усовершенствованію ихъ много способствовалъ профессоръ химіи *Реймондъ*, котораго уроки главною цѣлю имѣють распространеніе искусства составленія красокъ. Лабораторія его всегда бываетъ полна слушателей. Рисованье также есть одинъ изъ главныхъ предметовъ, которыми занимаются фабриканты, ихъ работники и ученики. Польза знанія искусства очевидна; оно положило печать вкуса на всѣхъ узорчатыхъ матеріяхъ. Вообще Ліонцы не пренебрегаютъ никакихъ свѣденій, могущихъ улучшить ихъ издѣлія. Награды, раздаваемыя ежегодно обществомъ поощренія за лучшіе представленные образчики, такъ какъ и соединенныя съ ними преимущества и права, рождаютъ въ промышленникахъ соревнованіе; а соревно-

ваніе ведешъ ихъ къ новымъ полезнымъ изобрѣшеніямъ.

Лионская биржа помѣщается въ одной изъ залъ музея, подлѣ классовъ химическаго и рисовальнаго. Такое сближеніе учреждений, повидимому разнородныхъ, покажется для многихъ страннымъ; но оно служишь доказательствомъ, въ какомъ отношеніи у Лионцевъ промышленность въ торговлѣ съ искусствами и науками. Имъ извѣстно, что и первыя, безъ пособія послѣднихъ, не имѣють жизни, и послѣднія, безъ поощренія первыхъ, лишены движенія.

Въ Лионѣ есть также депо для складки иносиранныхъ незапрещенныхъ товаровъ и товаровъ колоніальныхъ, выгружаемыхъ въ Марсель; и тѣ и другіе получаютъ свободный ходъ только во мѣрѣ пребыванія или въ такомъ только случаѣ, когда уже пребыли одинъ годъ въ депо.

Лионъ стоишь на такомъ мѣстѣ, которое назначено самою природою для складки товаровъ и для мѣны произведеній сѣверныхъ на южныя. Саона, имѣющая сообщеніе съ Лоарою посредствомъ Бургундскаго канала,

и съ Рейномъ посредствомъ другаго вновь успроеннаго, открываетъ Лиону пути въ Парижъ, въ земли Рейнскія, въ Германію и чрезъ Океанъ въ Америку; посредствомъ Роны, впадающей въ Средиземное море, онъ имѣетъ сношенія съ южною Франціею, съ Италіею, Испаніею и Левантомъ. Матеріалы для своихъ фабрикъ и прочія потребности, необходимыя для жителей, получаетъ онъ изъ окрестныхъ департаментовъ. Конд'оръ, Эль и Изера доставляютъ ему хлѣбъ, сироевой лѣсъ и дрова; Аруень, Гардъ и Дрома снабжаютъ его самымъ лучшимъ шелкомъ, а Лоара каменнымъ углемъ; Ниевра и Сюв-де-Домъ отправляютъ на его рынки рогатый скотъ. Собственный его департаментъ производитъ прекрасныя вина Комдріе, Конд-Ропи, Семп-Фуа и другія. Руды мѣдныя, свинцовыя, и превосходныя каменоломни находятся почти ври впащахъ его. Ко всемъ этимъ пособіямъ прибавимъ удобность дорогъ, исправность дѣлжансовъ, успроеніе парходовъ; и мы получимъ полное понятіе о средствахъ, способствующихъ распространенію Лионской торговли.

За нѣсколько времени передъ ошкрытіемъ революціи число жителей въ Лионѣ просширалось до 150,000; но послѣ осады и по разрушеніи города оставалось въ немъ только 98,000. Нынѣ (въ 1823 году) считаютъ около 130,000; изъ нихъ до 50,000 занимаются работами на фабрикахъ. Если во время правленія Наполеонова безпреспанные рекрутскіе наборы, похищая у родителей дѣтей, у женъ ихъ супруговъ, неминуемо должны были разорять и опустошать цѣлыя семьи; по крайней мѣрѣ, при крѣпкомъ нынѣшнемъ правленіи, подѣ сѣнію мира и тишины, можно ожидать быспраго приращенія жителей. Миръ раждаетъ промышленность и торговлю; а торговля въ городахъ, какъ и земледѣліе въ деревняхъ, всегда способствововала умноженію народонаселенія.

УВЕСЕЛИТЕЛЬНЫЯ МѢСТА и ЗРѢЛИЩА.

Городской садъ. Воздухоплавательница г-жа ГАРНИЕРЕНЪ. Бульваръ. РУССКІЯ ГОРЫ. ТЕАТРЫ.

Шесть дней Лионцы работаютъ на фабрикахъ и шоргуютъ, седьмой посвящаютъ ошдыху и прогулкамъ. Въ воскресенье и въ праздники волны народа спремются въ городской садъ, на бульвары, въ предмѣстія, въ театры.

Передъ воротами сада стоитъ мраморный бюстъ Аббаша Розьера, памятникъ признательности гражданъ къ заслугамъ его въ еспешливенной испоріи. Богатое собраніе правъ, цвѣшовъ и деревьевъ, ошмѣнное мѣсположеніе и прекрасные виды, заманиваютъ въ садъ невольно. Тѣнисная аллея, поднимаясь и опускаясь по скачамъ пригорка, составляетъ обширный кругъ. Въ средошотіи его находишся ша ровная площадь,

копоруоу анпикваріи обыкновенно называюшь Римскимъ амфишеапромъ или навмахіею. Сколько ни были хипры древніе въ изобрѣшеніяхъ, однако, надобно признашья, новѣйшіе много превзошли ихъ силою духа. Первые плавали только по сушѣ, а послѣдніе нашли средство путешествовать по воздуху.

30 Сентября въ 5 часовъ по полудни мадамъ *Гарнеренъ*, сѣвши въ лодочку, привязанную къ аеросташу, схвативъ въ одну руку флагъ и разсыпая другою цвѣпы на изумленныхъ зришелей, при всеобщихъ рукоплесканіяхъ и восклицаніяхъ, улетила къ облакамъ, подобно быстрой и огромной пшицѣ. Около шрехъ минулъ шаръ несея по направленію сѣвернаго вѣтра; вдругъ обратился въ противоположную сторону. Сто тысячъ зришелей не спускали съ него глазъ и показывали его другъ другу даже и въ то время, когда онъ перялся въ туманъ. Вдругъ лодочка ошорвалась; женщины и дѣши ахнулиу воздухоплавапельница падаешъ спремглавъ; и не прежде, какъ по раскрытіи парашуша, спала шихо и плавно спускашья на землю,

въ 7 версахъ (около двухъ лье) отъ города. Г-жа Гарнеренъ не издавала ни журнала, ни писемъ о своемъ путешествіи; но объявлено только было на другой день въ афишкахъ, что любопытные, плаща по одному франку, могутъ слышать всѣ подробности изъ успѣ самой путешественницы.

Лучшій бульваръ Лионской естъ аллея, идущая, вдоль праваго берега Роны, по набережной и по плашинѣ Паррашѣевой. Она простирается верстѣ на пять и оканчивается при соединеніи Роны съ Саоною. При началѣ этой аллеи, со стороны Швейцаріи, стоитъ огромный кофейный домъ. Богато убранная зала его содержитъ пристра споловъ, за которыми можетъ помѣститься до тысячи человекъ.

За Роною, въ предмѣстіи Гильошерь, построены *Русскія горы*. Хотя надпись надъ воротами переименована и Русскія горы превращены въ Элисейскія поля города Лиона, *Elysée Lyonnais*; однако народъ зовешъ ихъ первоначальнымъ и собственнымъ именемъ. Посреди сада, прямо противъ горы, стоитъ открытый кофейный домъ. Съ правой его

споромы. Кашпаны колясочки вокруг амфи-театра, занимаемого комедіаншами; съ лѣвой находяться небольшой театр и бульваръ украшенный спашуами, представляющими игроковъ на флейштѣ. Колясочки всѣ дву-дѣсятныя съ суконными или бархатными подушками. Пробѣжавъ съ неизвѣрною быстротою большой кругъ, онѣ возвращаются къ самому подножію горы и поднимаются пономъ на верхъ посредствомъ колеса, обра-щаемого лошадыю.

Недалеко отъ Русскихъ горъ спрощена пирамида съ храмомъ, посвящаемая памяти 300 гражданъ, убитыхъ на эпомъ иѣспѣ во время революціи.

Въ Ліонѣ два театра и нѣтъ ни одного испиннаго актера. Въ большомъ театрѣ играютъ драмы, комедіи, оперы и балеты. Танцовщицы и шанцовщицы сносны; въ оперѣ одинъ порядочный пѣвецъ; комедіи жалки, драмы снѣжны. Очень хорошо, что не посягають на трагедію. Я видѣлъ балетъ Амура и Психею. Сороколѣшній акуръ сдѣлалъ по театру нѣсколько слачковъ и потчасъ взялъ опспавку. Во второмъ и прешьемъ

дѣйствіи роль его играла одна панцовщица. Новый амуръ покидаетъ Психею, садится съ нею на облако, но облако не пошло съ нѣею. Амуръ осматриваетъ прелестное свое положеніе, сердится; движетъ руками и ногами облако; но облако не слушается; и наконецъ опустился занавѣсъ при всеобщемъ смѣхѣ и рукоплесканіяхъ.

Въ маломъ театръ *des Celestins* играютъ легкія комедіи и водевили. Спранно, что во вѣрномъ городѣ Франціи нѣтъ ни одного хорошаго актера даже и для водевилей. Худая игра, худыя пѣсы, прошивныя правила искусства и нравственности, буйство публики, которую составляетъ здѣсь всякая сволочь, — вотъ ошачивательныя черты театра.

На большомъ театръ я слышалъ концерты и вариации перваго королевскаго флейшмейстера, знаменишаго *Друе*, извѣстнаго уже и нашей Московской публикѣ. Быспроша, легкость и нѣжность ошличаютъ его флейшу; но любители музыки болѣе всего удивляются его акордамъ и акомпанимантамъ. Въ одно и тоже время онъ играетъ

на флейшъ и сопровождаешъ ее, пакъ ска-
зашъ, фагомъ, а иногда какъ бы и двумя
фагошами. Друе играешъ и никшо не смѣешъ
двигашься и дышашъ; все пыхо, все очаро-
вано! Онъ опускаешъ флейшу—и все шумитъ
опъ избытка чувствъ; рукоплесканія и вос-
кличанія попрысають театръ.

СТАРИННЫЕ ПРАЗДНИКИ ВЪ ЛЮНЬ.

Пятидесятница; Св. Дюнсия; крестный ходъ на рѣкѣ Саонъ;
повозъ вумажной лошади. Гимнастика и играца на островѣ
Ильбаръ.

Ильбаръ, красивый островокъ, омывае-
мый Саоною, два раза въ годъ бываешъ са-
мымъ веселымъ и шумнымъ гульбищемъ. Во
время Пасхи и Пятидесятницы раскиды-
ваюцца здѣсь, подъ шѣнью деревьевъ, палат-
ки, гремитъ музыка, скачутъ скоморохи,

прыгаюць на канатахъ панцовшчыкі і панцовшчыцы. Групіны народа, дзвіжучыся по скалахъ окрестныхъ холмовъ,—коляскамі, плянуціся по дарогамъ,—лодкі і шлюпки, напіяціся въ верхъ і внизъ по спруямъ Саоны,— все эпо, по словамъ Ліонцевъ, ссавляець самую прыяпную і разнаобразную каршину.

Обрядъ въ день *Пяпидесятніцы* въ Ліонѣ есьць оспашокъ одного древняго, вельма доспршмъчашельнаго праздніка, получившаго начало свое въ прынадцапомъ спольпіі, вскорѣ по мншмомъ ссодшненіі Греческой церкви съ Лашшнскою на Вселенскомъ Ліонскомъ соборѣ. Нѣкшо Жанъ-ле-Грасъ, священшкъ монаспыря Св. Петра, въ ознаменованіе своего восторга, по случашу эпого прожшсешвія, учредшль два кресшныхъ хода. Одынъ шзъ ншхъ ежешодно во время Пяпидесятніцы опсправлялся въ аббашспво Бенедшпшнсское, основашное на оспровѣ Ильбарбѣ еше въ первые вѣкш Хршсшанской вѣры; і кашдый разъ ссопровождаець былъ всеобщешю пляскою, кошорая опшкрывалась танцемъ священшніка съ свашшою ссешпрою

или машерью, игуменьею Пепровскаго монастыря.

Лионъ имѣлъ очень много другихъ праздниковъ, ознаменованныхъ подобными странностями. Напр. въ день *Св. Діонисія*, верспахъ въ пяши ошъ города по дорогѣ Лионской, бывало самое шумное собраніе народа, похожее на всеобщій маскарадъ. Здѣсь всѣ вообще посѣпишели, и бѣдные и богатые, имѣли право другъ надъ другомъ смѣяшся и другъ друга оскорбляшъ съ какою-шо должною благоприспосойностію. Маскарадъ сей, безъ сомнѣнія, естѣ оспапокъ древнихъ Бахусовыхъ празднествъ. Христіане западной церкви въ первые вѣки, не хопя разспахъся съ языческими обрядами и игрищами, вѣроупно перемѣнили одного шолько ихъ папрона и вмѣсто Бахуса, копорый назывался у Грековъ Діонисіемъ, избрали соименнаго ему Св. Діонисія. Въ 1711 году 11 Окпября вышло изъ города на эшопъ праздннкъ около 30,000 человекъ. Зорю ударили на укрьпленіяхъ ранѣ обыкновеннаго; часовые хопѣли считахъ всѣхъ гражданъ, кошорые должны были входихъ въ городъ по

Гильошерскому мосту. Вскорѣ опть пѣсно-пы и опть опрокинутыхъ колясокъ произошло ужасное смяшеніе; шакъ чшо, не смодира на всѣ мѣры, принятыя полицією, задавлено и ушонуло въ Ронѣ въ шо время 238 чело-вѣкъ. Нѣсколько дней спусти, народъ, подобно Вакханкамъ, схватилъ сержанша Белера, котораго онъ почишалъ виновникомъ смяшенія, и расперзалъ его на часши.

Къ самымъ пышнымъ праздникамъ Ліонскимъ принадлежалъ *крестный ходъ на водѣ*, кошорый ушпановленъ былъ еще въ первые вѣки Христіанской вѣры, въ воспоминаніе какого-шо величайшаго чуда, забышаго самими Ліонцами. Священный флотъ отпра-влялся обыкновенно изъ предмѣстія Ваизы и спускался по Саонѣ до церкви Энэ. На судахъ, убранныхъ цвѣшамъ и древесными лиспьями, гремѣла музыка и пѣпы были молебны и аншифоны. Духовенство и многіе изъ мірянъ наряжались въ какіе-шо символы, имѣвшіе опношеніе къ шому происшествію, кошорое они предспавляли. Въ шу самую минушу, какъ флотъ приближался къ Саонскому мосту, съ верху одной арки, называе-

мой чудесною, бросали въ рѣку воловъ, которыхъ послѣ того ловили, убивали, жарили и ѣли за общимъ споломъ, по окончаніи хода.

Въ 1400 году произошелъ въ Лионѣ бунтъ, по случаю возвышенія цѣны на съѣстные припасы; и мяшежники дошли до такой спешени неистовства, что перемѣнили даже самый образъ городского правленія. По возстановленіи тишины и порядка, граждане, не принимавшіе участія въ мяшежѣ, вздумали предать памяти сей безразсудный поступокъ учрежденіемъ *повзда слупой или безмозгой лошади* (*fête du cheval fou*). Во время этого сапирического праздника одинъ изъ весельчаковъ, съ вѣнцемъ на головѣ и съ скипетромъ въ рукѣ, садился верхомъ на бумажнаго коня и бѣгалъ изъ улицы въ улицу. Впереди его шло множество музыкантовъ; за нимъ слѣдовала вся чернь, которая плясала и скакала по лошадиному.

На островѣ *Ильбарбб* собирались также до пяти разъ ежегодно шолпы масперовыхъ, для гимнастическихъ упражненій. Вооруженные пиццалими, мечами, дропиками и копьями,

они шли съ распущенными знаменами, при звукѣ лимпановъ. Сверхъ того, почти каждый праздникъ приходили сюда поселане изъ окрестныхъ деревень и граждане изъ Ліона и сосѣдственныхъ городовъ, съ женами, дѣтьми и семействами, для игрищъ и пляски. Мушцины и женщины плясали сперва подлѣ монастыря; потомъ въ монастырѣ и даже въ кельяхъ съ аббатами. Въ половинѣ шестнадцатаго столѣтія одинъ изъ настоятелей пустыни, для прекращенія соблазновъ, приказалъ запереть ворота монастырскія. Чшожь послѣдовало? Разъяренный народъ разломалъ стѣны и вошелъ силою. Таковъ духъ предковъ Ліонскихъ! Онъ живетъ и въ попомкахъ. Во время безначалія, изувѣріе расхишило всѣ драгоцѣнные вклады, принесенные королями въ даръ аббатству, и срыло самыя основанія монастыря. Здѣсь хранилась одна изъ древнѣйшихъ Французскихъ библиотекъ, собранная епископомъ Лейдрадомъ для Карла Великаго; она испреблена была протестантами еще въ шестнадцатомъ столѣтіи.

ЛІОНСКІЙ МУЗЕЙ.

ПАМЯТНИКИ РИМСКІЕ И СРЕДНІХЪ ВѢКОВЪ. КАРТИНЫ МЕРТВОЙ ПРИРО-
ДЫ И ИСТОРИЧЕСКІЯ. ЛІОНСКАЯ ШКОЛА ЖИВОПИСИ И ВАЯНІЯ.

Нѣтъ ничего забавнѣе, какъ чинишь рос-
казни словоохотныхъ и хвастливыхъ Фран-
цузовъ, когда дѣло идетъ о прозведеніяхъ
ихъ водчеспва. Самый обыкновенный бал-
конъ и столбикъ даютъ уже имъ поводъ
къ восторгу; а въ восторгѣ они не щадятъ
никакихъ украшеній. Напримѣръ, чего не
прибавило прихотливое ихъ воображеніе къ
описанію наружности эшаго музея? „Какой
величественный фасадъ! Какія колонны, пе-
риспиды, бельведеры! однимъ словомъ: эшо
дворецъ!“

Вошь что называется изъ мухи дѣлать слона. Нѣшь; это не дворець, а простой квадратный домъ самой обыкновенной архипекшуры; домъ, ничего не имѣющій особеннаго, кромѣ не кспаша нагороженныхъ анпресолей и слуховыхъ оконъ, разрушающихъ правильность зданія.

Но чѣмъ менѣе общается его наружность, тѣмъ болѣе удовлетворяетъ внутренность. Большой квадратной дворъ имѣетъ со всѣхъ четырехъ сторонъ портики; надъ ними проведена открытая шерраса съ желѣзною рѣшеткою. Посреди площади спойтъ новая мраморная статуя Аполлона на древнемъ жертвенникѣ, посвященномъ сему божеству, названному въ надписѣ *Святыйлиб*. Жалко, что это миниатюрное произведеніе рѣзца среди обширнаго двора совсѣмъ потеряется изъ виду. Въ самыхъ порникахъ разспавлены повсюду древнія гробницы, урны, маски, амфоры, надписи, ошломки статуй и многіе другіе памятники Римскіе, вырытые изъ земли или найденные въ городѣ и его окрестностяхъ. Начало сему собранію положено было вскорѣ послѣ

революціи, когда Ліонъ еще лежалъ въ развалинахъ. Лишь только вышелъ чадъ мнѣжняго духа изъ головы Французовъ; они опомнились и подъ грудами новыхъ камней спали исканья старыхъ. Для Ліонянъ, безъ сомнѣнія, всѣ эти остатки древностей должны быть дороги по тому, что ими открываются неизвѣстные и объясняющія темныя черты ихъ исторіи: но вообще для любителей, достойны вниманія одинъ дискъ одинъ павробалтическій жертвенникъ, одинъ саркофагъ и три или четыре надгробныхъ камня.

Важные Римляне иногда любили шумить и плачь, гдѣ надобно было лишь слезы. Вопль нѣсколько надгробныхъ надписей, копоры могутъ дать объ этомъ понятіе. „Суція Анѣида, сказано въ одной изъ нихъ, сдѣлалась несчастливою отъ поро, что была слишкомъ благочестивою.“ Бландинія была женщина самая скромная и невинная; мужъ, по смерти ея, вырѣзалъ на гробѣ слѣдующія слова: „чипашель! иди въ бани Аполлоновы и купайся, какъ я съ моею женою купался; еслибы можно было, я и еще тоже бы сдѣлалъ.“

Добродѣтельная Сепшиція Гемина даетъ изъ гроба своему супругу слѣдующее насшавленіе: „Другъ мой! играй, веселись и приходи ко мнѣ.“ Но что можешь быть лучше этой тонкой и смѣльной похвалы, написанной въ честь молодой и безъ сомнѣнія прекрасной дѣвушки, Камиллы Августиллы? „Она ни чѣмъ не огорчала своихъ родителей, и огорчила одною только смертію.“

Изъ памятниконъ среднихъ временъ до-спомниъ примѣчанія одинъ барельефъ, принадлежащій девятому вѣку. Онъ предшавляетъ графа Ричарда, стоящаго на колѣнахъ и молящагося Спасителю симъ стихомъ: „Христе, врачу грѣшниковъ! Помилуй меня грѣшнаго; *Christe, rei miserere mei, medicina georum.*“ Павелъ Апостоль, предшавляя его Христу, говоритъ: „Я Павелъ прошу ему даровъ Божіихъ и упокоенія небснаго; *Paulus ei peto dona Dei requiemque caelorum.*“ Спаситель, изображенный въ верхней части барельефа, держитъ въ лѣвой рукѣ книгу, благословляетъ графа правою и произноситъ слѣдующія утѣшительныя слова: „за-сшупленіемъ Павла и за добрыя дѣла твои

Я возношу себя въ горнія селенія: Pro Paulo, pro te, месум super astra fero te.“

Широкая лѣспница ведетъ въ огромную залу музея, раздѣленную на три части двумя арками и четырьмя колоннами. Полъ въ ней мраморный; пошолокъ украшенъ живописью и медальономъ, представляющимъ городъ Ліонъ; въ основаніи залы спойтъ на подножіи гипсовал, колоссальная сшашул Паллады. Первое отдѣленіе галлерей посвящено мершвой природѣ; а первое мѣсто между этими карпинами занимаетъ *Ваза Іоганна Фан-Гюйза* съ розами, пюльпанами, маками. Знашоки удивляются какъ живописи цвѣшовъ, пакъ и шщашельнѣйшей опдѣлкѣ шшчьяго гнѣзда съ лйцами, лежащаго подлѣ вазы. Горшокъ изъ красновашой глины, спспавленный на мраморномъ сполнкѣ и на-полвенный розами, медвѣжьими ушками и маргарипками еспъ произведеніе легкой и гнѣжной кисти г-жи *Брюерѣ*, опшчавшейся во многихъ родахъ живописи. Какъ эти, пакъ и большая часть другихъ подобныхъ картинъ, безъ сомнѣнія, превосходны; въ нихъ найдете и правильность рисовки и

точность колорита и гармонию въ цѣломъ; совсѣмъ шѣмъ онѣ нимало не занимають воображенія. Опъ чего жъ это происходитъ? Опъ того, что всѣ онѣ представляють природу мертвую, имѣющую къ намъ весьма малое отношеніе; и не только мертвую, но еще высканную и, какъ скажешь, не естественную. Мы любимъ видѣть овощи на грядкахъ, цвѣты въ полѣ, плоды на деревьяхъ; но подобныя изображенія въ картинахъ, отклоняясь отъ простоты природы, выказываютъ только изысканность человеческого искусства. Это почти тоже въ живописи, что въ краснорѣчьи не ксаша и чрезъ мѣру наизанные орапорскія прикрасы. „А *картушъ Геела*, скажешь мнѣ; развѣ это не превосходная картина?“ Картушъ (*), обвѣнчанный цвѣтами и плодами, лежишь на двухъ орлахъ и двухъ рогахъ изобилія; посреди его порпредишь одного молодого Шпашгальпера изъ дому Оранскаго; внизу левъ держишь померанецъ; однимъ словомъ: это гербъ. Но

(*) Завитокъ, украшеніе капителя; — слово, употребляемое собственно въ зодчествѣ.

могутъ ли бытъ предметомъ живописи гербы, которые почти всѣ состоятъ изъ химеръ, не существующихъ въ природѣ? Кромѣ этого художникъ писалъ эпозъ поршреть не съ поршрета и не съ медальона; но представилъ намъ самаго Шшапгальпера сидящимъ на щиту герба своего и выглядывающимъ изъ за куста розъ и изъ за деревьевъ. Какая странная смѣсь природы съ геральдикой! „А павлинъ Депорта? А кошка Мишьона? Гордый павлинъ съ распущеннымъ, блестящимъ яркими красками, хвостомъ, на садовой шеррасѣ, передъ корзинкою винограда, за кошорымъ плянется снизу обезьяна. Сърая кошка въ шо самое мгновение, какъ хотѣла броситься за мышью, бѣгущею изъ западни, повалила вазу съ цвѣтами. Здѣсь оживлена природа и по крайней мѣрѣ есть уже какая нибудь мысль; однако шѣже самыя живописныя, кошорыя столько занимающъ насъ въ басняхъ, мало занимательны въ картинахъ: пошому что въ поэзіи они имѣющъ опредѣленные характеры, и облагораживающсл иносказаніемъ, а въ живописи они теряющъ это преимущество.

Средняя зала посвящена *картинами историческими и портретами*. Число ихъ проспиррается до 100; я упомяну здѣсь только о тѣхъ, которыя достойны особеннаго вниманія.

Священное писаніе всегда было самымъ обильнымъ и неисчерпаемымъ источникомъ для живописи. Набожность Христіанъ, духъ времени, особенное назначеніе картинъ, для которыхъ церкви въ прошедшіе три вѣка были почти единственными музеями, и наконецъ самый вкусъ папъ и прочіихъ покровительей художествъ заставляли всегда живописцевъ искасть и предметовъ и вдохновенія въ прогашельныхъ и высокихъ чертахъ Евангелія. Такимъ образомъ составилась, такъ сказать, особенная школа живописи, *Христіанская*.

Поклоненіе волхвовъ есть поэма Христіанской живописи. Рожденіе младенца прежде вѣкъ рожденнаго, поржество неба и земли, изумленіе Ангеловъ и челоуковъ суть такіе предметы, которыя всегда одушевляли художниковъ священнымъ воспоргомъ. Каждый изъ нихъ старался дать сему великому

дѣйствию новый ходъ, новыя лица и новое выраженіе. Въ здѣшнемъ музеѣ естъ при превосходныхъ картинахъ, представляющихъ поклоненіе волхвовъ; онѣ принадлежатъ Рубенсу, послѣдователю его школы Жаку Жордену и уроженцу Лионскому Жаку Стелль, жившему въ XVII вѣкѣ.

Обрѣзаніе Спасителя естъ одно изъ лучшихъ произведеній Гвертино, живописца Болоньской школы. Обрядъ совершается въ присутствіи Святой Дѣвы и Святаго Иосифа. Не смотря на доспомысва этой картины, мнѣ кажется, главное дѣйствіе ея выходитъ изъ предѣловъ живописи. Ничто изъ художниковъ не долженъ имѣть сколько осторожности въ выборѣ предмета, какъ живописецъ и ваятель; они изъ цѣлаго дѣйствія ловятъ одно только мгновеніе, останавливаютъ его на вѣки; и представляютъ его не другому чувству, какъ зрѣнію, которое всегда было самымъ спрогимъ судьей.

Вознесеніе Христа естъ подлинникъ учителя Рафаелева. Иисусъ оставилъ землю и восходитъ на небо; Святая Дѣва Марія и

Апостолы подъяютъ очи горѣ. Одинъ изъ Апостоловъ, котораго смолришь прямо на зрштеля, по мнѣнію нѣкоторыхъ, естъ самъ *Перуджино*. Эта картина подарена была папою Піемъ VII, въ знакъ памяти и благоклонности его къ городу Ліону. Она еше носитъ на себѣ печать Греческаго вкуса. Греки среднихъ временъ давали шѣлу положеніе искривленное, когда хотѣли предспа-вись легкосп; въ такомъ же видѣ и Перуджино изобразиль Спасителя. Греки обводили головы Святыхъ золотыми кругами или окладами; шже самое сдѣлалъ и Перуджино. Греки не вещеспвенному давали образъ вещеспвенный; такъже поступиль и Перуджино, изобразиль благодать Божию надъ каждымъ Апостоломъ въ видѣ багроваго пламени.

Огромная рамка, имѣющая 17 фузовъ вышины и 11 длины, оспанавливаесть невольно зоръ; новое и необыкновенное дѣйствіе раждаесть въ насъ любопытство. Св. Францискъ и Свяшій Доминикъ со многими другими Святыми молять Христа удержавъ молніи, готовыхъ разрушить

вселенную. Возлежащій на облакъ, Сынъ Божій держитъ огненные перуны. Мысль спиральная и, можетъ быть, основанная на легендахъ западной церкви; но расположение группъ, пламенное моленіе, выраженное на лицахъ, яркость и стигмы богатыхъ одѣлній, и наконецъ имя *Рубенса* защищаютъ сочиненіе и содержаніе картины отъ суроваго суда.

Възніаніе Максимилиана и его супруги драгоцѣнно для любителей художества, какъ одинъ изъ первыхъ памятниковъ возрождавшейся живописи. Младенецъ Иисусъ смотритъ на Императрицу, Божія Матерь на Императора; чины Ангеловъ держатъ вѣнки надъ головами помазанниковъ, покорныхъ Божеству и судьбамъ его; сановники двора и народъ окружаютъ ихъ съ благоговѣніемъ. Эта картина есть твореніе начальника Нѣмецкой школы *Альберта Дурера*, современника *Рафаэля*. Во второмъ планѣ онъ изобразилъ самаго себя смотрящимъ прямо на зрителя и держащимъ картину съ надписью: „*Albertus Durer pictor.*“ — Краски

темныя; но правильность рисовки, характеры лицъ, разнообразіе и единство дѣйствія удовлетворяющъ въ полной мѣрѣ любопытству знатоковъ.

Католическая легенда рассказываетъ чудо о Святомъ Францискѣ. Мощи сего праведника, обрѣтенныя неплѣнными, долго лежали въ пещерѣ подъ главнымъ олтаремъ церкви, посвященной ему папою Григоріемъ IX. Богъ хощѣлъ явить на немъ новую благодать—и онъ вспалъ изъ гроба, и долгое время оспавался на ногахъ съ обращенными къ небу очами. *Иосифъ Рибера*, живописецъ Испанской школы, прозванный *Эспаньолетомъ*, представилъ его въ этомъ спрашномъ положеніи. Лице — образъ мерпвеца; глаза открытыя и поднятыя; уста полуотверстыя; ряса черная и опоясанная; руки сложены; въ плѣхъ недвижимоспъ; однимъ словомъ, это мерпвая природа, поражающая зрителиа ужасомъ.

„Уже въ спѣнахъ древней Капитоліи все было приготоовлено для въичанія Тасса, какъ вдругъ шумная молва пронеслась по спогнамъ Рима съ печальною вѣспію о его смерти. Друзья его, родные и чпители шекуптъ пол-

нами въ монастырь Св. Онуфрія, гдѣ лежали смертные осипшки пѣвца Іерусалима; спавяпъ шѣло его на одрѣ погребальный и кардиналъ Цинпіо кладетъ на голову своего друга вѣнецъ шоржеспвенный.“ Вопъ содержаніе прекрасной карпины живописца Парижскаго *Дюсиса*. Пѣснопѣвецъ проспертый на одрѣ—блѣденъ и бездыханенъ; вокругъ его пылають свѣчи; плачущій Цинпіо вѣнчаетъ чело его лавровымъ вѣнкомъ; народъ погруженъ въ глубокую печаль. Дѣйствіе свѣща и блескъ красокъ очаровываютъ взоръ; всмаприваешься и, кажешься, видишь колеблемые движеніемъ воздуха, багровые огни и черный курящійся дымъ.

На чемъ еще оспановишь намъ неперпѣливой взоръ, увлекаемый безпреспанно любовытспивомъ? Вопъ *Даная Тимтореттова*, образъ нагой красопы, услада очей. Она приподняла голову и, опираясь на правую руку, смопришь на золопой дождь, ее орошающій. Въ голубыхъ глазахъ ея изумленіе и сладоспрасіе, въ нѣжномъ шѣлѣ шомленіе, въ круглыхъ грудяхъ дыханіе.

Вопшь двѣ головы, изображенныя на одной доскѣ. Рѣдкіе сѣдые волосы кажущся залогомъ мудрости; взоръ попухающій, но проницашельный; лице и чело покрыты морщинами, но не глубокими. Переходъ отъ силы къ дряхлости, соединеніе просмоты съ благородствомъ, слияніе искусства съ природою — оплываютъ это произведеніе *Вандика*, представляющее, вѣроятно, Апостоловъ Петра и Павла.—Вопшь и воины *Теньера*, ученика Рубенсова,—въ темной спорожкѣ замка, за большимъ споломъ, въ разныхъ положеніяхъ, съ разными чувствами. Въ картинѣ *Вандиковой* я воображаю дѣйствіе, здѣсь вижу его передъ собою; изображенія Апостоловъ одушевлены мыслями,—воины *Теньеровы* движущся, смотрятъ и все видятъ, кромѣ Ангела, за желѣзною рѣшеткою снимающаго оковы съ Петра. Первые только чинно не говорятъ: смотря на послѣднихъ, вы, кажешся, слышите ихъ шумъ и хохотъ, раждаемые необузданнымъ веселіемъ. Перспектива полей, открывающихся сквозь окно, весьма правильна; красота ландшафта и темная внутренность спорожки,—Ангель, ведущій

Апостола изъ пемницы, и войны, занятыя азаршною игрою въ кости, сосзавляющъ разишельную пропивоположностъ. Харакше-ры игроковъ, выраженія лицъ, чершежи'пу-ловищъ и самыя движенія ихъ все' пре-восходно.

Оспавляя сіи классическія шворенія, пе-рейдемъ къ новой, пакъ называемой, *Ліонской школь*. Живопись, подобно всъмъ другимъ искусствамъ, естъ вѣрное зеркало образован-ности того народа, кошорому она принадле-житъ; памятникъ его прошедшихъ усилій, свидѣтельствво насзоящихъ успѣховъ и за-логъ будущихъ средствъ и способовъ. Въ этомъ опношеніи и нѣкоторыя изъ произ-веденій Ліонской школы досшойны особенна-го вниманія.

Я видѣлъ дворецъ Фоншенебло въ напу-рѣ и удивлялся ему въ картинѣ *Бугота*. Здѣсь искусство подражаетъ искусству и живопись шоржесшвуешъ надъ зодчесшвомъ. Какое разишельное дѣйствіе перспективы! Смошря нѣсколько секундъ на эту картину, вы увидите и колонны и галерею и самую

площадь совершенно опдѣленными ошт дворца.

Флери Ришардъ представилъ свиданіе Моншаня съ Тассомъ. Въ 1579 году послѣдній, по повелѣнію Герцога Альфонса заключенъ былъ, въ Феррарѣ, въ домъ сумасшедшихъ, гдѣ и былъ долгое время предметомъ празднаго любопытства путешественниковъ. Волосы его всключены; передъ нимъ на столѣ и на полу разбросаны бумаги; онъ обращаетъ взоръ на Моншаня, пришедшаго поспшипить его. Моншанъ всматривается въ Тасса и какъ бы испытываетъ, въ самомъ ли дѣлѣ великій поэтъ лишился разсудка. „Я, говоритъ Моншанъ въ письмахъ своихъ, почувствовалъ еще болѣе негодованія, нежели соспрананія, когда увидѣлъ его въ Феррарѣ въ споль жалкомъ положеніи, переживающимъ самага себя и презирающимъ свой геній и свои шворенія.“ Изъ шемницы ведетъ въ верхъ лѣспница, черезъ которую виденъ въ дали ландшафтъ; перспектива очень правильная.

Картина *Резуалля*, профессора Ліонскаго, представляющая рыцарскія игры, есть одна

изъ самыхъ сбивчивыхъ и многосложныхъ. Для входа въ эшопъ лабиринтъ, шакъ какъ и для выхода, необходима нишь испорическихъ объясненій. Дворянство Брешанское, собравшееся въ Рень (Reppes), подъ предводительствомъ Сира Рено и владѣтеля Лионскаго, вступаютъ въ ручной бой и расходился. Началось метаніе копій. Въ это время являешся на поприщѣ юноша, вызываешъ прошивниковъ и одерживаешъ верхъ надъ четырнадцатью рыцарями. Рено горитъ желаніемъ испытать свои силы—и преклоняешъ копье предъ юнымъ незнакомецемъ. Наконецъ выходитъ прошивъ него одинъ Нормандскій рыцарь, славившійся искусствомъ сбрасывать шлемы. Послѣ щепныхъ усилій онъ падаешъ на землю; но не теряя присущствія духа, ударяешъ еще разъ въ чело побѣдителя и схватываешъ съ него забрало. Герольдъ Реновъ, прибѣжавшій на помощь побѣжденному, съ изумленіемъ оспанавливается, поднимаетъ руку и произноситъ имя героя. Это былъ сынъ Рено, Бернранъ дю Гескленъ. Герольдъ Лионскій играетъ на шрубѣ, между тѣмъ какъ опецъ Рено, споя на под-

мосткахъ, изъявляютъ удивленіе и радость. Посреди этого зрѣлища сидятъ въ ложѣ чешыре судьи, изъ коихъ одинъ поднимаетъ серебрянаго лебедя, назначеннаго въ награду побѣдшелею. Съ правой и лѣвой стороны плянуща ложи дамъ, украшенныя щипами рыцарей. На первомъ планѣ, при врапахъ поприща, спомнѣ воинъ; на сполбахъ видна слѣдующая спаринная надпись: „a biaux faicts, biaux loz; мящнымъ доблеспямъ, мящная хвала.“

Надобно имѣть великій шаланшъ, чшобъ дать шакому огромному шворенію единшво, многосложности простоту и ясность, дѣшвию занимательность, лицамъ постороннимъ приличное учашіе, лицамъ дѣшвиющимъ характеры, характерамъ разнообразіе и пропивоположность. Французы вообще имѣютъ спрасъ къ поэмамъ; хотя до сихъ поръ ни ихъ поэзія, ни живопись, ни музыка ничего не могли произвесши опличнаго въ эпомъ родѣ. Гескленіада Ревуалева покрайней мѣрѣ по имѣетъ достоиншво, чшо въ ней изображены вѣрно одежда, доспѣхи, оружія, игры и обычаи чешырнадацапаго спо-

лѣшія;—доказательство несомнѣнное основательныхъ свѣдѣній сочинителя въ рыцарскихъ древностяхъ.

Между всѣми произведеніями Ліонской школы, можетъ быть, первое мѣсто занимаютъ виды г. Гробона, представляющіе соборную церковь Св. Іоанна и развалины Римскихъ водопроводовъ; виды, для которыхъ Французскіе газетны и журналы испощили все свое краснорѣчіе. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя не удивляться ихъ перспективѣ и дѣйствию свѣта. Чистыя струи Саоны, смѣющіеся берега ея,—знойный паръ, носящійся надъ фабриками,—холмы, усыпанные лучами солнца,—прозрачныя тѣни, отбрасываемыя горами,—все это въ картинѣ, какъ въ природѣ. Каждая черта есть дѣло времени, перпѣнія и усилій, но усилій такихъ, которыхъ вы не примѣчаете. Волшебная кисть художника, ничего не перемѣняя и не прибавляя, изобразила здѣсь природу очаровательную, и, что всего удивительнѣе, разлила на предметы такой опблескъ свѣта, котораго нельзя объяснить словами.

Таковы пруды и успѣхи Лионскихъ художниковъ. Любители и знатоки живописи, отдавая имъ справедливосшь, безъ сомнѣнiя пожелаюшь шеперь знашь, въ чемъ состоипшь ихъ школа. Не знаю. Какіе ея характеры? Не знаю. Чшоже значипшь это громкое и почешное ея названіе? И на шо опшвѣчашь рѣшишельно не умѣю. Можешь бышь кришки опдѣлили ея опъ Французской школы по шому шолько, чшо г. Гробонъ и нѣкоторые другіе профессоры распроспранили между Лионцами вкусь къ живописи ландшафтной и перспективной; сверхъ шого надобно еще замѣшишь, чшо Французы имѣюшь спрасшь изобрѣшашь имена общешсшвамъ, вещамъ и самымъ дѣшямъ прежде, нежели они получащъ бышіе свое. Школа живописи, въ общеприняшомъ смыслѣ разсмаприваемая, опшчаешся или родомъ предметовъ, кошорыми она занимается, или средешсшвами и способами, ею упошребляемыми, или наконецъ оригинальносшю ея основашеля. Лионскіе художники не имѣюшь ничего собешвеннаго, не были изобрѣшашелями ничего новаго, слѣдовали всегда и всему чужому; слѣдовашельно

и для школы ихъ, если она существуешь, нѣтъ другаго характера, кромѣ *сидси*.

Впрочемъ идши по слѣдамъ, проложеннымъ великими геніями, умѣнь пользовашься ихъ изобрѣшеніемъ и приближашься къ ихъ образцамъ, значишь уже приближашься къ совершенству; а Ліонцы, въ эпоху отношенія, успѣли не только въ живописи, но и въ другихъ изящныхъ искусствахъ. Доказательствомъ служатъ слѣдующія при спашумъ, находящіяся въ музеѣ.

Ръзецъ *Кортота* изваялъ изъ бѣлаго мрамора *Пандору*. Прозрачная мантія обвиается вокругъ ея легкаго и прекраснаго плѣла. Хорошая и простодушная дѣвушка, кажется, и сама не знаетъ, что въ этой ея коробкѣ скрывается зло для всего рода человѣческаго. — Юная *Евридика* только сей часъ купалась въ струяхъ свѣтлаго Пенел; но, выходя на берегъ, покрытыйправою, вдругъ почувствовала боль въ лѣвой ногѣ, кладеть ее на правую ногу, смотришь на пяшу и не видишь зми, отъ нее убѣгающей. Молодой художникъ *Лежандръ Гераль* избралъ это мгновение для того, чтобы открышь

всѣ прелестни Евридики; — шло мягкое и
нѣжное, перси круглыя и полныя, проспо-
душіе въ чертахъ лица дѣшское, положеніе
гибкое, легкое! Эшо грація въ покоѣ!

„Спавыше себя на мѣсто шого лица, ко-
норое хопише изобразишь:“ говорящъ зако-
нодашели вкуса; а Ліонянка *Сермези* сдѣлала
болѣе; она, кажешся, поспавила свою Пси-
хею на мѣсто самой себя. Непоспоянный и
вѣтренный амуръ забылъ свои кляпвы,
вспорхнулъ и скрылся. Осиропѣвшая Пси-
хея, сидя на камнѣ, погрузилась въ глубокую
меланхолю. Глаза ея, вперенные въ землю,
ничего не видящъ; она думаешъ, ни о чемъ
не думая; уша ея полуопверсны, но не
слышно ропота; соперница Венеры еще лю-
бищъ бѣглеца своего. Нѣщъ; недовольно од-
ного вдохновенія, чшобы дащъ грубому кам-
ню такую нѣжную душу; надобно было са-
мой художницѣ испышашъ всѣ движенія
юнаго сердца, убишаго внезапною измѣною.
Эшо не легкомысленная Французанка, мгно-
венно забывающая горесши; но вѣрная и
чувспвишельная Гречанка, вкусившая пер-
вые воспорги любви и вдругъ пошерявшая

счастіе и проспившаяся со всѣми радостями жизни.

Я унизилъ бы палантъ художницы, если бы назвалъ ее членомъ Ліонской Академіи; она не членъ, а душа Академіи, украшеніе своего пола, честь роднаго города и опечесива.

КАБИНЕТЪ ДРЕВНОСТЕЙ.

Различіе между трудами педагоговъ и истинно ученыхъ мужей. Египетскіе памятники. Вліяніе иносказательной, героическо-религіозной на порчу вкуса въ художественныхъ произведеніяхъ. Памятники Греческіе и Римскіе; Гальскіе и Северныхъ народовъ. Достопримѣчательности: бронзовый Индійскій храмъ; Сенегальскій фетишъ; Египетская мумія; барельефъ Suovetaurilia; мозаики. Собраніе медалей. Две медныя доски съ вырезанного на нихъ рѣчью Императора Клавдія.

Въ Парижѣ есть очень забавная каррикатура, представляющая группу сѣдыхъ

аншикваріевъ. Спаршій изъ нихъ держипъ крѣпко и обѣими руками опломокъ какой-шо монеты или медали; всѣ прочіе плянушя съ шакою на лицѣ судорогою, чшо, кажешя, сейчасъ душа разспанешя съ шѣломъ и выпрыгнешъ черезъ очки, которыми вооружены длинные носы ихъ.

О сколько естъ въ природѣ шакихъ людей, бѣснуемыхъ духомъ древности! Сколько пошеряно прудовъ и созжено масла (oleum perdidierunt), для объясненія памятниконъ, неважныхъ ни для испоріи, ни для словесности? Греки и Римляне пили и ѣли, можешъ бышь, нимало не заботяся о потомствѣ; а бѣдные потомки, лишая себя часшо и пищи и пипья, убиваюшъ дни и бряхпаяшъ цѣлыя ночи за рѣшеніемъ важныхъ вопросовъ: Какъ они пили и ѣли? Какія у нихъ были вина? Сколь велики ихъ кувшины, стаканы и рюмки? — Поспавимъ себл на мѣсто Грековъ и Римлянъ и вообразимъ, чшо эти вещи, шеперь насъ окружающія, черезъ двѣ пысячи лѣшъ будушъ предметомъ ученыхъ изслѣдованій и споровъ первыхъ мудрецовъ какого ибудъ грядущаго поколѣ-

ніа; что эту бушылку съ виномъ назовутъ чернильницею приказныхъ служителей, эту лодеколонную скляночку слезохранилищемъ молодыхъ вдовъ, а эти очки знакомъ опличія молодыхъ литераторовъ, для ношенія на носу по установленному порядку. Не може ли дѣлають и теперь большая часть нашихъ антикваріевъ? Не оскорбляють ли они великихъ пѣней Сципіона и Аннибала, называя ихъ серебряные щипы соусными блюдами? И не дѣлають ли излишней чести знаменитымъ древнимъ гаспрономамъ, называя соусныя ихъ блюда щипами Аннибала и Сципіона? Надобно признаться, что подобныя споры очень не рѣдки вообще между людьми, имѣющими приязаніе на ученость. Тамъ, гдѣ есть пища ихъ самолюбію и тщеславію, — гдѣ надобно искашь истину въ поспѣхахъ и можно блеснуть оспрошою ума, — болѣе или менѣе они всегда готовы обѣлишь черное и очернить бѣлое, — изъ мухи сдѣлашь слона и изъ слона муху.

Впрочемъ мы были бы очень несправедливы, если бы, порицая или осмѣивая хвасповспиво и педанство, въ тоже время не умѣли достойно

оплачившъ такихъ благонамѣренныхъ и полезныхъ спужениковъ, какъ Монфоконъ, Винельманъ, Кель и другіе имъ подобные мужи. Не они ли первые распоргли завѣсу невѣжества, висѣвшую надъ Европою? Не они ли восплавили умы опть долговременной дремоты и оцѣпенѣнія? Не имъ ли обязаны мы любовью къ искусствамъ и образованіемъ нашего вкуса? Испинныя заслуги ученыхъ, также какъ гражданскія и нравственныя доблести, по большой части, оспаются непримѣнными для публики; но пѣмъ не менѣе онѣ достойны вниманія и уваженія истинныхъ любителей просвѣщенія.

Сплюю среди памяшниковъ глубокой древности, волнуемый новымъ и непоняшнымъ чувствомъ, кошорое увлекаетъ меня изъ насюящаго міра въ прошедшій и сосредоточиваетъ все прошедшее въ насюящемъ. Надо мною носяшся, оспанавливаются и исчезаютъ цѣлые ряды вѣковъ, какъ одно мгновение; передо мною воспаютъ, проходяшъ и скрываются цѣлые народы, какъ призраки, какъ мечты воображенія. Гдѣ же слѣды ихъ сущестшования? Здѣсь, на эшихъ

опломбахъ, напечатлѣнные глубоко и неизгладимо. Здѣсь отражаются ихъ дѣшество и мужество, нравы и обычаи, заблужденія, суевѣріе и образованность; однимъ словомъ, вся исторія ума человѣческаго. Начнемъ съ Египта. Вотъ цѣлые ряды Изидъ, Озиридовъ, Гарпократовъ, Горовъ, воловъ Аписовъ, собакъ Анубисовъ, богинь кошекъ и другихъ Египетскихъ идоловъ съ обыкновенными ихъ принадлежностями.

Вотъ *Горъ* или геній солнца съ распростертыми руками; въ одной держитъ двѣ змѣи, въ другой скорпіона. По сторонамъ его знаки зодіака: левъ и овенъ; лицо его покрыто маскою пана; на головѣ митра съ перьями и колосьями; подножіемъ ему служитъ крокодилъ. Полагаютъ, что это барельефъ, изваянный изъ черноватаго серпентина, не что иное былъ, какъ родъ палисмана. Онъ весь покрытъ гіероглифами, изъ коихъ восемь рядовъ перпендикулярныхъ спереди, двадцать чешыре горизонтальныхъ съ задней части, чешыре въ окружности, шесть внизу, два на основаніи.

Одна изъ вазъ, называемыхъ *канопами*, имѣеть на ручкѣ два ряда гіероглифовъ. Крышка представляетъ голову Изиды, перевязанную покрываломъ; а во внутренности находилась черепъ младенца, обвернутый пеленою и намазанный горной смолой. Вообще этого рода вазы назначены были, кажется, для храненія набальзмированныхъ членовъ усопшей особы.

Изида, сдѣланная изъ сикомора въ видѣ домовища или фушляра муміи, вся покрыва живописью. Шапка и борода расписаны синей финифтью; лице и уши вызолочены; глаза, брови, губы, ноздри и чершежь лица означены черными линіями; на груди въ девяти полуциркулахъ представлены цвѣтъ лопось, приугольники и жемчужныя зерны, красныя, синія, зеленыя, бѣлыя, черныя. Внизу Озиридъ, сидящій между жрецомъ и жрицею, которые одѣшны въ синее плашье; подъ ними рядъ гіероглифовъ (вышины 1 футъ 5 дюймовъ).

Большая часть Изидъ и другихъ мелкихъ идоловъ не что иное, какъ родъ Ларовъ, которыхъ Египтяне ставили повсюду для

предохраненія себя отъ злыхъ геніевъ. Одна изъ эпихъ Изидъ держишь приугольничъ, похожій на букву А, означающую, по шолкованію Кирхера, Агашодемона или добраго генія.

Спрашивается: отъ чего искусство въ Египтѣ никогда не могли возвыситься до образцевъ изящной природы? — Обыкновенно говорятъ: отъ образа правленія, отъ рабства и характера народнаго, отъ климата, отъ образа жизни, отъ недоспадка сношеній съ сосѣдственными народами и наконецъ отъ недоспадка красивыхъ лицъ въ женскомъ полѣ. По моему мнѣнію, можно отвѣчать однимъ словомъ: отъ суевѣрія. Египтяне, подобно всѣмъ воспочнымъ народамъ, имѣли особенную склонность къ индсканіямъ. Вѣра ихъ въ началѣ своемъ была еспешивенною; они хопгли дасть ей видъ шамисивенный; облекли ее въ покрывала и преврашили въ аллегорическую. Аллегоріи, сколько бы правильны и хороши ни были, не могушь никогда являшься съ блескомъ въ искусстввахъ; но аллегоріи, опспуваюція отъ законовъ ума, предписываемыхъ приро-

дою, спановяшся одними химерами. Вопш чшо и случилось съ Египшянами. Къ сожа- лѣнню, художники ихъ должны были рабо- шашь почти исключительно для религiи; слѣдовательно занимались такими предме- тами, кошорыхъ они сами не понимали. Та- инспвенность и непроицаемость изобрѣ- пенныхъ суевѣремъ басенъ не предспавляли ихъ воображенiю никакихъ цвѣшовъ; несо- образность и нелѣпность иносказанiй не мог- ли воодушевить ихъ никакими благородны- ми чувспвами. Они не смѣли руководспво- ваться образцами природы; пошому чшо боя- лись нарушить свяшыню. Законы жрецовъ были для нихъ органомъ воли боговъ; а жрецы, вѣспо сверхъестеспвенныхъ пред- метшовъ, предписывали имъ пропивуеспе- спвенные. Такимъ образомъ вкусъ и вообра- женiе, окованные узами суевѣрiя, ничего не могли произвешь, кромѣ химеръ; все, чшо ими произведено было, носило на себѣ пе- чашь шяжести, недвижимости и оцѣпе- нѣнiя.

Изъ Грешескихъ и Римскихъ памятниковъ
доспопримѣчательны: Юпитерь, вооруженный

перунами, — Діана, вынимающая стрѣлу изъ колчана, — Геркулесь, опершійся на булаву и нѣсколько маленькихъ эроповъ; одинъ выходитъ изъ аканшовыхъ листьевъ, другой гошовъ сейчасъ вспорхнувшъ на воздухъ, прешій плывесть по морю на челнокѣ. Далѣ видите другаго Юпитера, раздраженнаго и мещущаго перуны, или крылапую побѣду, держащую вѣнецъ и пальмовую вѣшьвь. Здѣсь женщина выходитъ изъ бани и выжимаетъ волосы; тамъ группа амуровъ сидятъ подлѣ Венеры и держатъ въ рукахъ стрѣлы и виноградныя листья. Всѣ эти спатуйки, величиною въ чепыре или два дюйма, ничего же имѣють опличнаго; но положенія вообще легкія, лица правильныя и красивыя, выраженіе приличное; вездѣ и во всемъ видите слѣды образованнаго и изящнаго вкуса.

Между Гальскими памяшниками достойны примѣчанія нѣсколько жершвенниковъ, копорые, вѣроятно, были дѣланы Римскими художниками. На однихъ съ передней спороны предсшавлена булава, принадлежность Геркулеса; на иныхъ самъ Гекулесь, одѣшмый

въ Римскую военную одежду сагу (sagum), съ булавою въ одной рукѣ и съ шаромъ въ другой; при ногахъ его собака. Всѣ эти жершвенники изъ камня и величиною въ 9 или 10 дюймовъ; они, кажется, спавились въ домашнихъ божницахъ передъ ларями и пенатами; или сооружаемы были вмѣсто большихъ по объѣму; такъ какъ у Римлянъ, за неимѣніемъ воловъ и овецъ, было обыкновеніе приносить на жершву даже восковыя ихъ фигуры.

Къ памятникамъ *Сѣверныхъ народовъ* принадлежатъ идолъ съ тремя головами, идолъ съ головою коня и нѣсколько идоловъ Вандальскихъ съ надписями, состоящими изъ буквъ Латинскихъ и Греческихъ или Славянскихъ. На одномъ, который держитъ воловью голову, написано: CCSTOS; другой имѣетъ руки сложенныя крестомъ, а за плечами полукругіе съ многословнымъ словомъ: ALAUVNVIFRHO; у шрепьяго на волосахъ: ГОВПАНГ; у четвершаго, имѣющаго голову барана и ноги сапиря или козы, на спинѣ слѣдующія буквы: hAVHCLVI, а на поясѣ: SHVVLA. Соответствующіе имъ Славянскіе

идомы суть: *Триглавѣ*, *Святовидѣ* съ четырьмя головами, *Радегастѣ* въ городѣ Ресрѣ съ головою львиною и съ головою буйвола на груди, *Числовоедѣ* въ видѣ женщины съ луною, — *Ипабосѣ*, покровишель звѣриной ловли.

Въ числѣ рѣдкостей находящяся *бронзовый храмъ* съ сполбами и воропами, вышиною около 10 дюймовъ, и очень любопытная бронзовая группа двухъ *Индѣйскихъ идоловѣ*, на слонѣ, изъ копорыхъ одинъ держитъ въ рукѣ бичъ. Деревянный *Сенегальскій фетишъ* доспомнѣ также примѣчанія: волосы его завязаны на задней часпи головы; глаза расписанные и стеклянныя, лобъ возвышенный, носъ широкой; руки лежатъ на груди; шея украшена жемчужнымъ ожерельемъ. На пѣдѣ слѣдующій барельефъ: два жреца держатъ руки надъ головою одного божества, въ такомъ положеніи, какъ бы хотѣли вѣнчать его; съ правой стороны ключъ, съ лѣвой морская пшлица; подлѣ нихъ спомашъ еще два жреца. Эпомтъ фетишъ, опшичающійся числопою работою, вышиною въ 1 футъ, 2 дюйма, 6 линій.

*

Ліонскій музей въ числѣ рѣдкостей своихъ имѣеть очень хорошо сбереженную *Бешлетскую мулію*. Г. Трольеръ, профессоръ анатоміи школы изящныхъ искусствъ, снялъ съ нея пелены и расквашивалъ всѣ члены. По его наблюденіямъ оказалось, чтоо шрупъ сей, пощаженный двумя или тремя тысячами лѣтъ, принадлежишь женщинѣ; чтоо она женщина Эіопскаго племени и скончалась на тридцатомъ году своей жизни. Такія заключенія не похожи ли на бредни о соусныхъ блюдахъ, называемыхъ щинами Сципіона и Аннибала? Нѣтъ; избави насъ Богъ такъ думаешь объ анатомикѣ ашикваріѣ, котораго острый взоръ, чудное ослзаніе и дальновидная ученость проснираюшся за три тысячи лѣтъ назадъ.

На крышкѣ ящика или домовица изображенъ судъ, производимый въ царствѣ пѣней надъ усопшею. Въ самомъ низу, при ногахъ ея образа, сползаетъ аубисъ или песь, спражишь мертвыхъ. Нѣсколько выше, она простерша на одрѣ смершномъ; а душа ея улетаеть въ видѣ пшпцы. На срединѣ крышки сидишь увѣчанный соколъ или копчикъ, символъ

солнца, оживошворяющаго природу. Помошь слѣдуешь самый судъ и приговоръ. Таупъ, Египетскій Меркурій, имѣющій голову ибиса, держитъ въ одной рукѣ своей скипетръ, другою представляетъ усопшую державному судіи ада, Озирису. Для укрощенія сего спрашнаго божества, лежатъ передъ нимъ на жерпвенникѣ два хлѣба и цвѣтъ лопось. Семь другихъ адскихъ идоловъ, кажешся, слушають приговоръ Озириса и готовы съ радостію принять душу въ жилище блаженныхъ. Въ верхней части, надъ черпогомъ вѣчности, паритъ геній безсмертія съ распростертыми крыльями и руками.

На груди муміи найдены фарфоровая съпочка и скарабей, символъ возрожденія. Пелены, кошерыми она обвита, сохранились въ цѣлости. Двѣ Греческія ламбды ΛΛ, вышитыя синею хлопчатною бумагою на двухъ лоскуткахъ, украшенныхъ бахромою, даютъ аншикваріямъ поводъ думать, что эта мумія принадлежитъ времени Птолемеевъ. Голова, вырѣзанная на верхней крышкѣ, состоящая изъ линій прямыхъ и проспыхъ, доказываетъ также смѣсь вкуса Греческаго съ Египет-

скимъ. Ученые изслѣдователи древности почти паюшъ обыкновенно такого роду изображенія поршрешами самыхъ мумій: но огромность и однообразіе ихъ лицъ совершенно опровергаюшъ это предположеніе. Вѣроятно они означаютъ Изиду или маперъ земли, пріемлющую въ лоно свое усопшихъ; по крайней мѣрѣ еслъ множеству бронзовыхъ и каменныхъ статуи этого божества, имѣющихъ чершежъ и видъ доловища мумій.

Мраморный барельефъ, представляющій *жертвоприношеніе свиньи, овцы и вола* (Suovetaurilia), можетъ служить самымъ вѣрнымъ объясненіемъ этого Римскаго обряда. Съ одной стороны храмовые служители ведутъ живошныхъ къ жертвеннику; съ другой ожидаюшъ ихъ жрецы и одинъ изъ опроковъ съ сосудомъ и съ лопашкою trulla, которая употреблена была для варенія священнаго мяса. Главный жрецъ, завѣщенный покрываломъ, стоитъ передъ жертвенникомъ; подлѣ него игрокъ на флейтѣ, ликторъ и первосвященникъ. Послѣдній, какъ насюшеть и чиноположникъ совершаемаго обряда, сидитъ на возвышенномъ сѣдалищѣ.

Ноги коня, опломовъ опть бронзовой конной спашуи, найденный въ 1766 году въ рѣкѣ Саонѣ, прошивъ церкви Энэ, вопреки мнѣнію археологовъ, доказывающъ, что Римскіе ваятели умѣли давать и конямъ большую красочу, движеніе и легкость. Жалко, что до сихъ поръ всѣ спаранія опыскашъ самую спашую оспалжсь щщешными.

Римская мозаическая картина, представляющая надежду, находимся также въ здѣшнемъ кабинетѣ. Рисунокъ ея видѣть можно въ сочиненіяхъ Келя, копорому она принадлежала. Въ полу карпинной залы вдѣланы *два Римскихъ мозаика*, найденные въ семнадцатомъ столѣтіи въ саду Ліонскаго аптекаря Випала. Какъ на одномъ, такъ и на другомъ изображено сраженіе амура съ Паномъ. Божокъ любви, играющій здѣсь ролю гимназіарха (*), въ одной рукѣ держитъ пальмовую

(*) Главный начальникъ школы, въ которой обучался гимнастикъ, т. е. упражненіямъ тѣлеснымъ. Ему подчинены были два другія должностныя лица: *жестархъ*, смотритель атлетовъ и *гимнастъ*, распорядитель всѣхъ прочихъ тѣлесныхъ упражненій.

жѣшью, назначенную побѣдишело, другую показываешъ плоды.

Но самый любопытный и драгоценный въ семь родѣ памятникъ есть большой *квадратный мозаикѣ*, представляющій конное риспалище Римское. Длинная перегородка, украшенная рядами дельфиновъ, раздѣляетъ поприще на двѣ часши. На каждой споронѣ по двѣ колесницы; каждая колесница влечешся чепырьмя конями; каждый возница опличаешся цвѣпомъ одежды, краснымъ, зеленымъ или синимъ. Подлѣ главной мѣшпы, состоящей изъ шрехъ пирамидъ лежатъ разбишны въ дребезги колеса. На спѣнѣ видна прешорская ложа, изъ кошорой спарѣшшины или судьи наблюдали движенія рапующихъ и раздавали вѣицы побѣдишелямъ. Богатая подробностями карпина эша въ одно и поже время даешъ намъ поняшье о спроенѣ древнихъ амфитеатровъ, о обычаяхъ риспалищъ, о пышности Люгдунскихъ гражданъ и о цвѣшущемъ состоянѣи художествъ того времени, кошорому она принадлежала. Фигуры ея довольно правильны; каймы опличающся выборомъ узоровъ; въ рас-

положеніи цѣшнихъ камней соблюдена постепенность шѣней.

Собраніе древнихъ медалей Греческихъ, Азійскихъ, Египетскихъ и Римскихъ, соспущъ изъ 9,560 бронзовыхъ и серебряныхъ; въ числѣ ихъ находится около спа *Лисеунскихъ* съ изображеніемъ Августова храма. Что касается до золотыхъ медалей и многихъ серебряныхъ хорошей пробы, онѣ всѣ похищены и переплавлены были въ слитки во время революціи.

Между шѣмъ какъ алчность и невѣжество просширала свои свяшопашспивенныя руки на дорогіе мешаллы; просшая мѣдь, ничтожная въ глазахъ корышлюбцевъ, но драгоценная для людей просвѣщенныхъ, пережила и всепожирающее время и неукротимыхъ варваровъ. Я говорю о *двухъ лѣдныхъ доскахъ*, на которыхъ вырѣзана рѣчь Императора Клавдія. Онѣ найдены были въ 1528 году на холму Св. Севастіана и, какъ приѣшно, составляли одну доску, раздѣленную на два столбца, въ 4 фуша 2 дюйма вышины, въ 6 фушовъ широты. Царспвенный вишія, бывъ уроженцемъ Люгдуна, имѣлъ

благородную цѣль ввесли въ сословіе сенаторовъ нѣсколько доспопочтенныхъ особъ Галліи, шакъ называемой, Космапой или Люгдунской, и доставилиши имъ всѣ шѣ права и преимущесшва, которыми уже пользовались Нарбонна, Вьенна и самый Люгдунъ. Ліонцы гордяшся эшимъ памяникомъ, какъ залогомъ любви Клавдія къ родинѣ, и вмѣстѣ, какъ грамапою и дипломомъ древняго ихъ благородшва. Эша же самая рѣчь, какъ навѣшно, находилшя и у Тацита въ XI книгѣ его лѣтописей. Прилагаю здѣсь переводъ съ подлинника, предославляя самымъ любителямъ древностей сравниши его съ копіею Тацита. Одно шолько подобное сравненіе можешъ дать намъ нѣкоторое понятіе о спенени досповѣрности и прочихъ прекрасныхъ рѣчей, споль часно влагаемыхъ древними историками въ уста вождей, градоначальниковъ и императоровъ.

Верхняя часпъ шѣдной доски пошеряна; а попому и въ прилагаемой здѣсь рѣчи, какъ можно замѣниши, не достаешъ приспуга.

„Не обинулся скажу вамъ, чпо образъ вашихъ мыслей имѣ уже напередъ извѣстенъ.

Но не смущайтесь и не принимайте моего предложенія за новостъ, прошивную древнимъ обычаямъ Рима. Помыслийте лучше о всѣхъ перемѣнахъ, происшедшихъ въ нашемъ городѣ со времени его основанія, и исчислийте всѣ виды его правленія и всѣ роды его учрежденій, которыми споль многократно смѣнялись одни другими.“

„Въ началѣ Римъ управляемъ былъ царями; но санъ царскій, не бывъ наследственнымъ достояніемъ ихъ домовъ, переходилъ въ роды чуждые и часто иноплеменные. Нума, преемникъ Ромула, вышелъ изъ земли Сабинянъ, бывшихъ въ то время нашими сосѣдами, но не соотечественниками. Древній Тарквиній, царствовавшій послѣ Анка Марція, также былъ иноземецъ. Родясь опть мащери благородной, но бѣдной, которую нужда засшавила вшпунить въ бракъ съ Коринтеяниномъ Демарашомъ, Тарквиній, какъ сынъ чужестранца, лишенный права искашь почешей въ опечешивѣ, переселился въ Римъ, гдѣ и былъ возведенъ на спешень царя. Преемникомъ Тарквинія древняго и предшешвенникомъ его сына и внука (ибо

писатели въ томъ несогласны между собою) былъ Сервій Туллій, котораго наши историки называютъ сыномъ рабыни Окрезіи, а лѣтописцы Тосканскіе именуютъ поварихомъ Целія Вивенны и вѣрнымъ его спутникомъ въ счастіи и въ несчастіи. Если вѣрить сямъ послѣднимъ, послѣ многократныхъ преперѣнныхъ имъ поражений вышедши изъ Эпруріи съ остатками войска Целіева, онъ основался на одной изъ нашихъ горъ, называвшейся прежде Тосканскимъ именемъ, Масшарною, и въ послѣдствіи времени названной въ честь упомянушаго полководца Целійскою. И сей самый Туллій, какъ сказалъ я, къ величайшему благу республики былъ призванъ на царской престолю. Но когда власполюбіе гордаго Тарквинія и необузданные нравы дѣпей его возбудили общее негодованіе; тогда народъ устрашилъ самодержавной власпи и для управленія республикою началъ избирать ежегодно новыхъ консуловъ.“

„Долженъ ли я говорю теперь о дикшаторахъ, которыхъ самъ былъ неограниченнѣ консульскаго достоинства и которыхъ

наши предки обыкновенно избирали въ крайнихъ опасностяхъ войны или во время бурныхъ мятежей народныхъ? Нужно ли упоминать о учрежденіи трибуновъ народныхъ, блюстителей правъ народа противъ припязаній патриціевъ? Кому такъ же не извѣстно, что власшь верховная опть консуловъ переходила къ десяти начальникамъ; и по уничтоженіи правленія десятиначальниковъ, опять возвращена была консуламъ? Но сего не довольно; начали избирать по шести и осьми трибуновъ военныхъ, соединяя съ ихъ званіемъ всю силу консуловъ; и наконецъ дали право самому народу не только восходить на первыя степени въ правленіи, но и достигать отличныхъ почестей въ сословіи жреческомъ.“

„Равнымъ образомъ за лишнее починая считатьъ всѣ войны, съ полными мужествомъ нашими предками начатыя и съ полными шоржествомъ нами окончанныя; ибо ни скромность, ни приличіе не позволяютъ намъ хвалиться теперь славою нашей Имперіи, проспертой за предѣлы океана. И такъ обращаюсь опять къ нашему городу.“

ВТОРАЯ ТАВЛИЦА.

(Начало втораго столбца, такъ какъ и перваго, поперяно; слѣдуешь продолженіе).

„Императору Августу и моему дядѣ Тинерию угодно было, чтобы отличнѣйшія особы колоній и союзныхъ городовъ, шо ешь мужи, прославившіеся чеспвостію и знаменитые богашствомъ, были принимаемы въ члены сего правительственнаго дома.—Почему же, скажете вы, при выборѣ сихъ членовъ, уроженецъ Испалійскій не долженъ быть предпочтшаемъ пришельцу, родившемуся въ провинціи?—Я съ вами согласенъ, и образъ моихъ мыслей покажу вамъ на дѣлѣ, когда начну раабирать мое предложеніе въ эпохѣ отношеніи; однако не нахожу причины заграждать входъ въ Сенатъ и уроженцамъ провинцій, если только они могутъ служить ему украшеніемъ.“

„Въ примѣръ приведу вамъ колонию Вьенскую, какъ самую могущественную и цѣшущую. Сколько уже сенаторовъ доспавила она сему правящему дому съ того давняго времени, какъ получила право на выборъ ?

Не изъ ея ли предѣловъ вышелъ Луцій Веспинъ, цвѣтъ благороднаго сословія всадниковъ и мой искренній другъ, который распоряжаешъ шеперь моими частными дѣлами? Да будущъ удостоены, прошу васъ, и дѣши его первыхъ спешевей въ священномъ званіи жреческомъ, какъ скоро только возраспъ и служба дадушъ имъ право на высшія почести. Я унаачиваю здѣсь о томъ шагѣ, коего самое имя мнѣ ненавистно, и который неоспознаннымъ какимъ-то чудомъ, изпоргшись изъ среды бойцовъ, дароваль своему дому преимущеспива консульскія прежде, нежели его колонія удостоилась законнаго благоволенія Римлянъ. Ничего не буду говоришь и о его братѣ, который достойнъ сожалѣніи шѣмъ болѣе, что опчужденіе его опъ сената еспъ наказаніе, можетъ бышь, совсѣмъ имъ не заслуженное.“

„Но пора уже шебѣ, Кесарь Германикъ, изъяснишь почтеннымъ сенаторамъ, къ чему клонилсися рѣчь швоя: ибо ны пришелъ уже къ крайнимъ предѣламъ Галліи Нарбонской.“

„Всѣ сіи знаменитые юноши, объежлемые взоромъ моимъ, не сполько же ли достойны

бышь сенаторами, сколько и Персикъ, мой другъ, признанный самими вами достойнѣйшимъ сего званія, не смотря на то, что на бюстахъ предковъ его вы чмшаете имена Аллобеговъ. Если вы въ этомъ со мною согласны; но что оспаете мнѣ болѣе, какъ развѣ только указать перспомъ на сію страну, лежащую за предѣлами Нарбонскими, и вѣснѣ объяснить вамъ, что она можетъ присылать и уже присылаетъ намъ сенаторовъ: ибо Люгдунъ, главный городъ сей области, даровалъ уже намъ многихъ мужей, ни мало не дѣлающихъ стыда нашему сословію.“

„Не безъ робости оспавляю я предѣлы невѣстныхъ и знакомыхъ вамъ провинцій; но вижу необходимость говорить теперь въ особенности и о Галліи Космапой. Если мнѣ возражать, что они вели войну въ продолженіе цѣлыхъ десяти лѣтъ противъ Юлія Кесаря; но надобно также размыслить и о томъ, что около ста лѣтъ уже эта провинція покорена Имперіи и во все это время хранила къ намъ ненавистную

вѣрность среди всѣхъ опаснѣйшихъ мятежей. Да и когда опецъ мой Друзъ покорялъ Германію, эпи Галлы наблюдали пшину и не нарушили мира позади его войска; и сверхъ того должны были даватьъ ему въ пособіе подати, къ которымъ въ то время совсѣмъ еще не были привычны. Сколь прудно было сіе исполнить, мы можемъ судить о томъ по собственному нашему опыту; ибо еще и нынѣ народъ Римскій и самые граждане наши кричатъ, какъ вамъ извѣстно, даже прошивъ простой переписи имѣній, хотя ею занимающся только для собранія почтовыхъ свѣдѣній о нашихъ доходахъ.“

ГРЕНОБЛЬ, 1823 года, Октября...

Церковь Св. Лаврентія въ подземельи. Колоссальная статуя
Барда. Библиотека. Картинная галерея. Кабинетъ нату-
ральной истории.

За 8 верстъ отъ Гренобля, дорога изъ
Лиона идетъ между двумя рядами горъ, ко-
шорыя наконецъ расходящяся и оспавляющъ
городъ на большой долинь, на лѣвомъ берегу
рѣки Изеры. Улицы неправильныя и нечис-
пыя, площади также. Церковь Богородицы
Notre Dame оплмчается своимъ Готическимъ
фасадомъ.

Церковь Св. Лаврентія есть памятникъ
первыхъ вѣковъ Христіанства. Подземелье,
въ кошоромъ она находится, служило убъ-
жищемъ Христіанамъ во время гоненія. Подъ
эшими мрачными сводами они озарялись не-

мерцающимъ свѣпомъ Евангелія и совершали тайныя вечера на пѣлахъ мучениковъ.

Въ церкви Св. Андрея покоишься прахъ знаменитаго *Баярда*. Подъ проспымъ мраморомъ на черной доскѣ, вдѣланной въ спѣну, написано, что эпошь камень гордился прахомъ неуспрашимаго и цѣломудреннаго рыцаря. На Андреевской площади, проспиряющейся передъ дверями церкви, въ прошедшемъ мѣсяцѣ Юлѣ воздвигнула колоссальная статуя Баярду изъ зеленой бронзы. Герой одѣшъ въ рыцарское платье; при бедрѣ висяшъ ножны; лѣвымъ бокомъ прислонился онъ къ спволу срубленнаго дерева; правою рукою держишъ передъ собою мечъ съ крестообразною рукояшью, обращенный внизъ осприемъ. Баярдъ спопришъ вправо на судебную палату. На передней споронѣ подножія начертаны слова, приписываемыя древнею лѣшописью Баярду: „Dieu et le Roi —voilà nos Maîtres; onc je ne connoitrai aucun autre.“ Кажется, и самыя успа его прозвоняшъ эши слова: „Богъ и король—наши владыки; другяшъ не знаю.“ Пониже написано: „Баярдъ, рыцарь чуждый спраха и укоришъ:

*

Sans peur et sans reproche.“ На правомъ боку подножія исчислены всѣ побѣды, одержанныя имъ въ первой половинѣ XV столѣтія; на лѣвомъ имена всѣхъ героевъ, участвовавшихъ въ его подвигахъ. На задней части подножія годъ царствованія Людовика XVIII и имена министровъ, при которыхъ воздвигнута эта статуя. Художникъ Раггъ (Ragg) помѣстилъ свое имя на стволѣ дерева. Можно безъ приспращія сказать, что эпошъ колосъ будетъ всегда служить ошлчнымъ памяшникомъ царствованія Людовика XVIII и цвѣщущаго сосшоянія художествъ его времени.

Гренобль имѣетъ при коллегіи огромную библіотеку, музей натуральной исторіи и довольно значительное собраніе картинъ. Въ библіотекѣ споятъ на споллахъ двѣ очень красивыя модели. Одна, подаренная сословіемъ Гренобльскихъ каменщиковъ, естъ родъ Греческаго шеаптра, обнесеннаго колоннами; другая, соспавленная г. Аргу (Argoud) изъ выполированныхъ гранитовъ, предспавляетъ видъ храма. Главная зала вмѣщаетъ въ себѣ, большою часпію,

книги юридическія и богословскія. Смотришель не забылъ обратити моего вниманія на дорогіе деревянныя споль, которыми въ самомъ дѣлѣ Гренобльская библіюшека можеть похвалити ся.

Здѣсь я видѣлъ драгоцѣнную археологическую книгу: первый помъ древностей, издаваемыхъ въ Парижѣ. Въ немъ заключающа планы и виды храмовъ и зданій Эивскихъ, что въ верхнемъ Египтѣ, Каирскихъ и нѣкопорохъ Греческихъ. Какъ периспили, такъ и внушренности Эивскихъ храмовъ украшены многими рядами колоннъ; каждая колонна покрыта гіероглифами и имѣеть вмѣсто капишеля по чешыре головы. Правильности эпихъ лицъ и движенія гіероглифическихъ фигуръ показывають, что Египтяне были по крайней мѣрѣ такими же учителями для Грековъ, какимъ Перуджино для Рафаэля. Сколько занимательны оспашки древностей, сполько же плѣняло меня гравированіе новѣйшихъ художниковъ. Зрѣніе безпреспанно обманывается перспективною и рука невольню ищеть шѣхъ выпуклоспей, копорохъ совсѣмъ нѣтъ на гладкомъ листѣ.

Желѣзная рѣшетчатая дверь отдѣляетъ библіотеку отъ карпинной галлерей, кошо-рая заключаетъ въ себѣ копіи и многіе по-длинники знаменитыхъ живописцевъ.

Между многими карпинами взоръ оспа-навливается особенно на одною портретъ молодой крестьянки. Изъ подъ соломенной шляпки рассыпающся небрежно бѣлокурые ея волосы. Какія полныя щеки и груди! Ка-кой лукавой взглядъ! Если съ перваго раза не узнаешь, что эпохъ портретъ написанъ начальникомъ Фламандской школы Рубен-сомъ; то по крайней мѣрѣ не ошибешься, что онъ есть промаведеніе кисти одного изъ знаменитыхъ художниковъ. Голова Ру-бенсова спарца также оспанавливаешь не-волью вниманіе любитель живописи. Глу-бокія морщины, проведенныя по смуглому и жесткому лицу, попухающій и напряженный взоръ, рѣдкіе на головѣ волосы и всключен-ная борода, все превосходно.

Виньоновъ (Vignon) *Иисусъ* среди училелей и *Бассановъ* *Аравійскій Караванъ* ошличающся расположеніемъ группъ, выраженіемъ лицъ и колоритомъ. Книжники и фарисеи сидятъ

за споломъ; передъ ними лежатъ раскрытыя книги Пророковъ. Иисусъ обратился вѣво и, кажешся, объяснешъ пророчество. Одинъ изъ фарисеевъ прощянулъ голову и слушаешъ со вниманіемъ; другой схватилъ себя за бороду и разсуждаешъ съ самимъ собою; шрепій положилъ палець на уста и дѣлаешъ какъ бы вычисленія.—Караванъ Бассавовъ полько сей часъ оспановился. Аравищянинъ поднимашъ боченокъ и цѣдишъ черезъ вранъ воду, конюрюю пьюшъ конь и собаки. Кошка ѣспъ мясо. Машъ держишъ младенца, шоммаго жаждю. Одни снимаютъ ноши съ лошадей, другіе успанавливаютъ разную домашнюю посуду. Обѣ сіи каршины родились какъ бы подъ одною кистію: эшо опъ шого, члю Виньонъ и Бассавъ принадлежали къ одной Венеціанской школь. Одежда Аравищянь и фарисеевъ самая богатая и самага яркаго зеленого цвѣта.

Карпина *Галлева*, *Св. Николай* съ деньгами, приѣчанельна по дѣйствию свѣта. Въ бѣдной хижинѣ, за вешкимъ споломъ, сидишъ пригорюнившійся старикъ; сынъ его чшпалъ книгу, переспалъ чшпашъ и слушаешъ опца.

копорый, кажется, ищеть ушщениа въ вѣрѣ и велишь дѣшамъ надѣяшсь на помощь Божию; дочь его придесть волну и вслушивается. Багровый свѣтъ догарающей свѣчи опражаеься на ихъ лицахъ. Если бы художникъ удовольствовался эпою группою; картина его близко подходила бы къ произведеніямъ кисти Рембранша. Но слѣдуетъ другая чась, нарушающая правила единства и вѣроятности. Св. Николай подходитъ къ хижиѣ и кладеть на окно кошелекъ съ деньгами. Между шѣмъ въ дали видны дома, церкви, ѣдущая повозка и горы, покрыныя деревьями. Теперь спрашивается; когда происходитъ все это дѣйствіе? Половина днемъ и половина ночью; по есь въ хижиѣ ночь, а на улицѣ день. Иначе можно ли бы было въ шемонѣ видѣть всѣ подробности шакого ландшафта? Но художникъ погрѣшилъ не только прошивъ единства времени, но и прошивъ единства мѣста. Онъ вдругъ переноситъ зрителя и въ хижину и на ошдаленныя горы. Горациѣ говоришь, что поэзіа должна подражанъ живописи; а мы на оборощ можемъ пошребовать, чтообъ и живопись

подражала поэзіи. Нѣмецкая комедія послунаешъ вопреки вѣроятности, когда въ одно и тоже время представляешъ на театрѣ двѣ сцены, раздѣленные одна отъ другой стѣною. Точно также невѣроятны и шѣ картины, которыя вдругъ представляютъ два вида. Художникъ погрѣшилъ еще и прошивъ костюма. Онъ забылъ, что Греки носили бороды и что Св. Николай не былъ ни священникомъ Капюлическимъ, ни пасторомъ Люшеранскимъ.

Г. Маллицѣ на одномъ столѣ повѣсилъ узорчатый коверъ, на другомъ положилъ виноградъ, груши, дыни и персики. Коверъ обманываетъ глаза, плоды манятъ зрителья уполишь жажду. Въ 1818 году г. *Роландѣ*, профессоръ живописи въ Гренобльской коллегіи, написалъ опца съ больнымъ сыномъ, и живописію лицъ, сильнымъ ихъ выраженіемъ и правильноспію хопѣлъ раздѣлишь славу съ первыми художниками Римской школы. Опець представлень погруженнымъ въ гореспѣ. Чело его сморщилось, брови нависли; въ глазахъ и черпахъ лица видна перзаемая душа его. Онъ облокопился на

правую руку, а лѣвою прижимаетъ къ груди десятилѣтняго сына, который недавно лишился зрѣнія. На лицѣ спраждающаго опрока написана сильная боль. Кажется, слышишь шикіе сны его.

Но хопите ли бытъ очарованы волшебною кистію? Окиньте взоромъ музей; и взоръ вашъ невольно ошановится на этой прелестной *Психеѣ* и на этомъ прекрасномъ *Амурѣ*. Заря зарумянилась на востокѣ; ночь начинается снимать мрачный покровъ; тихой шорохъ пробудилъ Психею, которая спала на зеленой муравѣ; она приподнимается и видитъ склонившагося надъ собою Амура. Перевязь съ головы ея упала и бѣлокурые волосы рассыпались. Покрывало спустилось съ плеча и открылись пышныя шайныя прелестей. Глаза и уста исполнены сладостраспія; круглыя груди поднимаются и дышутъ; ноги переплелись небрежно. Амуръ ошановилъ на ней взоръ свой, указываетъ правою рукою въ верхъ и зоветъ ее въ зѣирныя чертоги. Крылья его проспершы; лѣвую руку держитъ впереди; одна нога опускается,

другая нѣсколько поднята. Кто не узнаетъ здѣсь положенія Меркурія? Г. *Делаваль*, написавшій Амура и Психею въ 1819 году, вѣроятно при сочиненіи этой картины руководствовался аншиками. Безпрестанно открываешь въ ней прелести и жадный взоръ не можешь ими насытиться. Какая удивительная гармонія красокъ! Какая легкая и нѣжная кисть!

Между гипсовыми спашуями Гренобльскаго музея, по большой части представляющими въ копіи знаменитѣйшіе аншики, находится Амуръ Кановы. — Голова его покрыта большими локонами; глаза исполнены коварства; уста дышутъ сладоспраспиемъ. Онъ наклонился нѣсколько на лѣвой бокъ и опирается на лукъ. Каждая часть плѣла есть прелесть, совершенство. Канова—Анакреонъ ваянія. Въ силѣ грацій онъ спрашный соперникъ Полидора, Агапова и всѣхъ древнихъ ваятелей.

Недавно выставленъ въ музеѣ гипсовый колоссальный бюстъ *Баярда*, для котораго въ концѣ залы приспособлено уже и подножіе,—мѣсто самое высокое для промазеденія.

могешь бышь, самого низкаго. Французы, но непоспоянспву и легкомыслию своему, кажетя, большое имѣють сходство съ древними Аѳинянами. Прошло при вѣка и они ничего не говорили о Баярдѣ; въ половинѣ четвертаго украшають его мраморомъ, спроятъ въ его имя площади, воздвигаютъ спашуи, спавяшь бюспы. Не шакъ ли поступали и Аѳиняне съ шѣми великими мужами, кошорыхъ они убивали или наказывали оспракнэмомъ? Но Аѳиняне были убійцами по легкомыслию и обожашелями по сердцу; Французы, напрошивъ, убивая по ожеспоченію, едвали способны къ раскаянію. Одно шолько шщеславіе, одни виды полиниши, а и шого хуже, если одна шолько леснь, заспавляють ихъ возобновляшь разбитыя спашуи Людовиковъ и воздвигашъ памяшники забышымъ Баярдамъ.

Въ одной небольшой комнашѣ, кошорая соединяетя съ заломъ библіошеки, помѣщенъ весь кабинетъ нашуральной исторіи. Любишели минералогіи и зоологіи ничего здѣсь не найдуть любопытнаго, кромѣ опряшноспи и порядка. На одной вѣшвы дерева,

подъ большимъ спешляннымъ колоколомъ, посажены всѣ роды колибри и другихъ мелкихъ птицъ. Длинный и широкій синоль есть родъ мозаика, соспавленнаго изъ всѣхъ цвѣшовъ и родовъ полированнаго мрамора. Врачи-операшоры, безъ сомнѣнiя, остановившiя здѣсь передъ массою шѣла, обратившеюся въ мѣль, — длинною и имѣющею въ поперечникѣ около шестии или семи вершковъ. Это рука, ошсѣченная у одного больнаго.

ПРОДОЛЖЕНIЕ.

ПОЛОЖЕНIЕ И ОКРЕСТНОСТИ ГРЕНОВА. ВОСПОМИНАШЕ О ВСТРѢЧѢ,
СДѢЛАННОЙ ГРАЖДАНАМИ ГРЕНОВА НАПОЛЕОНУ ВЪ 1815 ГОДУ.

ВЛIЯНIЕ ПОЛИТИЧЕСКИХЪ ПАРТII НА НАРОДЪ.

Палапа, споящая на площади Св. Андрея, есть единственнiй домъ, замѣчательнiй по Гошическому водчешву. *Городской садѣ*, украшеннiй бронзовою спашуею Геркулеса, со-

споятъ только изъ нѣсколькихъ каштановыхъ деревьевъ. Къ нему прилегаетъ небольшая, но опрятный ботанической садъ. Въ нѣкопорогъ разстоянїи отъ города устроены *Русскія горы*, имѣющія преимущество передъ Лионскими въ томъ, что онѣ споятъ надъ потокомъ; вода вертитъ колесо и поднимаетъ колясочки на горы.

Самое достопримѣчательное въ Греноблѣ есть его положеніе. Два моста, каменный для экипажей и деревянный для пѣшихъ, ведутъ на правый берегъ Изеры, вдоль котораго протянутся нѣсколько улицъ. Надъ ними, въ видѣ амфиатра, поднимаются острогъ и женскій монастырь; нѣсколько выше запущенный замокъ. Каменные стѣны, которыя простирались на нѣсколько верстъ и вмѣстѣ съ скалами составляли укрѣпленіе этой горы, разваливаются и заросаютьправою. На самой вершинѣ, въ области громовъ и шумановъ видно жилище людей: каменный и довольно красивый домъ. Опустивъ отсюда взоръ и вы увидите подъ ногами городъ и одну изъ обширныхъ и прекрасныхъ долинъ. Со стороны запада защи-

щаюшъ ее утесы и покрышыя роццями пригорки, съ юга плыушся обнаженныя горы, изъ за копорыхъ выглядываюшъ, увѣчанныя снѣгомъ, Альпійскіе великаны. Двѣ быспрыя рѣки разсѣкаюшъ долину, поглощаюшъ тысячу ручьевъ и наконецъ сливаюшъ вмѣстѣ свои синія воды. Кашшаны, плакучія ивы и шополи образуюшъ между ними круги, шріугольники и квадраты. Подъ шѣнію ихъ разсѣяны веселые домики. Какъ счастливы должны бышъ поселяне, владѣльцы эшихъ прекрасныхъ мѣспъ! Любимцы природы, они не знаюшъ ни заботъ, ни спрассей, ни нужды. Весна распшалаешъ для нихъ вѣчно-зеленые барканы и рассыпаешъ благоухающіе цвѣшы; осень изъ рога изобилія сыплешъ имъ плоды и въ поже время подаешъ пѣнящіяся виномъ чаши. Такъ мечпалъ я, споя на скалѣ и смопрп издали на эпу прекрасную каршину; но я увидѣлъ ее вблизи и очарованіе мое ищезало. Мнѣ хотѣли показашъ въ мѣспечкѣ Соснажѣ чудесныя водоемы, высѣченныя въ скалѣ самой прпродою; дорога ведешъ черезъ долину. Какое было мое удивленіе, когда вмѣсто Арми-

дннхъ садовъ я увидѣлъ вокругъ себя попки болота, бѣдные огороды и худо воздѣланныя нивы! Веселые домики превратились въ неопрышныя хижины; на порогѣ ихъ сядящъ нужда и бѣдность. Тупъ я невольно повспорилъ изрѣченіе Римскаго спикшорца: „не обольщайся наружноспію! Ne credas colori!...“

Городъ Гренобль въ наше время сдѣлался завѣсненъ тѣмъ, что въ немъ Наполеонъ, послѣ своего побѣга съ острова Эльбы, разыгрывалъ первое дѣйствіе своей послѣдней драмы. Сначала многіе почитали эпоху побѣга его необдуманнхъ и неприготовленнхъ, — слѣдствіемъ одной оплошности Англійской морской сражи; но, какъ выразился одинъ изъ современныхъ политическхъ писовъ, бомба лопнула и показала, чѣмъ она была начинена. — На маршала Сульша, бывшаго въ то время военнхъ Миниспромъ, падаетъ большое подозрѣніе, что онъ не безъ намѣренія расположилъ многочисленныя опряды войска въ области Дофине, прозванной колыбелію перевороповъ; опряды сіи сосполяли преимущественно изъ приверженцевъ

Наполеона. Маршалъ Ней, назначенный предводителемъ арміи противъ Бонапарта, и обратившій свое оружіе противъ Короля, — вѣроятно, обдумалъ свое предательство еще прежде присяги въ вѣрности, произнесенной имъ въ Тюльери, при прощаніи съ его величествомъ.

Наполеонъ, какъ извѣстно, прибылъ съ своею флотиліею въ Жуанскій заливъ 1 Марта 1815 года и приспалъ къ берегу въ шомъ мѣстѣ, гдѣ за пятнадцать передъ лѣтъ, по возвращеніи своемъ изъ Египта, вышелъ для завоеванія себѣ прона и имперіи. Опрядъ, сопровождавшій его съ острова Эльбы, состоялъ только изъ 1000 человекъ. Не смотря на его малочисленность и на холодность, съ какою принялъ былъ изумленными жителями Прованса, Наполеонъ двинулся немедленно во внутренность королевства, въ Дофине, къ Греноблю. 7 Марта, когда уже находился онъ верстахъ въ четырехъ отъ этого города, онъ встрѣчилъ высланные противъ него опводные караулы. Въ это время, остановивъ свой опрядъ, Наполеонъ пошелъ одинъ къ нимъ на встрѣ-

чу и раскрывъ грудь, громко сказалъ: „если кто хочеть убишь своего Императора, вопъ оиъ.“ Пораженные эшижъ призывомъ своего прежняго вождя, солдаты побросали оружіе и закричали: „да здравспвуетъ Императоръ!“ Между пѣмъ прибыли изъ Шамбери въ Гренобль съ седьмымъ линейнымъ полкомъ генераль баронъ де Вильеръ и полковникъ Лабедойеръ. Около пяти часоѡ по полудни послѣдній вышелъ съ двумя баталіонами также прошивъ Наполеона; но приближансь къ нему, оиъ вдругъ выславилъ орма и вынулъ изъ барабана шрещцѣшныя кокарды; оиъ съ жадностію былъ расхвтанъ солдатами, при восклицаніяхъ: „да здравспвуетъ Императоръ!“ Въ шоже время вспыхнуло возмущеніе между осивавшимися въ Гренобль войсками и гражданами. Генераль де Вильеръ и комедантъ генераль Маршанъ, не имѣя возможности съ ними справитсья, принуждены были съ нѣсколькими артиллерійскими офицерами удалитсья (*).

(*) Такъ писано было въ современныхъ вѣдомостяхъ; а, по словамъ Вальтеръ Скотта, генералы де Вильеръ и Маршанъ,

Наполеону и муниципальный советъ, при шумныхъ восклицаніяхъ опьянѣлыхъ отъ воспорага гражданъ, поднесъ ему адресъ; наполненный самою низкою лестію.

Наполеонъ пробылъ въ Греноблѣ нѣсколь-
ко дней; опдыхая отъ дороги и обдумывая
планъ для будущихъ своихъ дѣйствій. Здѣсь
изданы нѣ высоконарныя воззванія къ наро-
ду, въ которыхъ было сказано, что орлы съ
народнымъ знаменемъ полетятъ съ колоколь-
ни на колокольню до башенъ Нотр-дамскаго
собора. Это предсказаніе сбылось скорѣе, не-
жели какъ могъ предполагать самъ Бона-
парть. Походъ его отъ Гренобля до Парижа
походилъ болѣе на смѣхъ арміи. Онъ часто
ѣхалъ впередъ своихъ отрядовъ безъ всякой
спражки. Поспѣвшаго прошивъ него войска
передавались ему, при первомъ его появленіи.
Казалось, онъ обладалъ властію волшебника
обворожать мечи и ружья. Самый народъ,
который за годъ провожалъ его въ мѣсто
ссылки одними оскорбленіями и даже про-

были задержаны гарнизономъ и выпущены изъ города уже
самимъ Наполеономъ.

кляпняки, нынѣ встрѣчалъ его; какъ опца
ощечесива; это служившъ доказательствомъ,
сколь сильно дѣйствовала его паршія. На-
родъ во Франціи, сказалъ одинъ изъ оспро-
умныхъ писателей, есть поже, что океанъ,
а паршія—вѣтры. Тотъ изъ нихъ, который
пересиливаетъ, гонитъ передъ собою волны;
съ переменною вѣтра и волны принимаютъ
другое направленіе.— Сколько же на эпомъ
океанъ, безпрерывно опкрытомъ для вѣп-
ровъ, пошребно силы, мудрости и швердо-
сти духа кормчему корабля государствен-
наго! Теперь, благодареніе Богу, вездѣ ши-
шина, не исключая и самыхъ бурныхъ зали-
вовъ: Ліона и Гренобля; но долго ли она
продолжится и опкуда перелѣ вѣперъ по-
дуешь, этого не знаешь и самъ океанъ—
народъ.

ШАМБЕРИ, 1823 года, Октября...

Дорога отъ Гренобля до Шамбери идетъ между горами. Съ лѣвой стороны спускаются голые утесы и нѣрѣдка низвергаются серебряныя водопады; съ правой капишся Изера черезъ красивыя долины. За нею сплунулись цѣлю Дофинейскія горы съ рощами и деревьями; нѣ за нихъ поднимаются снѣжныя Альпы. На пригоркахъ зеленѣются виноградники; равнины засѣяны кукурузой, картофелемъ и коноплею. Знаете ли, отъ чего наше шляхетство не кушаетъ кукурузы, извѣстной въ южной Россіи подъ именемъ почашковъ? Разумѣется, отъ того, что она непригодна для вкуса и употребляется въ пищу только отъ нужды простолюдными. Но знаете ли, отъ чего наше дворянство находитъ вкусъ въ этихъ почашкахъ? Отъ того, что у Французскихъ крестьянъ, за недоспашкомъ

хлѣба, соспавляющъ они одно изъ лакомыхъ блюдъ. Все основано на отношеніяхъ!

Въ пяти или шести миляхъ отъ Гренобля стоить на пригоркѣ древній замокъ Баярда. Онъ обнесенъ землянымъ валомъ и имѣетъ довольно значительный гарнизонъ. На западъ отъ сей крѣпости, извѣстной подъ именемъ *Форбаро*, идетъ дорога черезъ горы, утесы и лѣса въ знаменитый монастырь Карнезіанскій. Говорятъ, что видъ этого огромнаго и величественнаго зданія посреди дикой природы не имѣетъ ничего себѣ подобнаго.

Природа не положила никакихъ границъ между Савоіею и Франціею; правительствовало также не послѣдствовало ни рогатокъ, ни заставы. Сколько Французскіе таможенныя чиновники грубы, столько ушныя Савойскіе. Въ пять минутъ открываютъ и закрываютъ чемоданъ, въ шестую минутку подписываютъ паспортъ, попомъ кланяются и желаютъ добраго пути. При въѣздѣ въ Савоію поражаютъ взоръ путешественника развалины одного древняго замка, лежація на пригоркѣ. Двѣ полуразвалившіяся

башни, находящаяся одна опъ другой на большомъ разстояннѣ,—груды камней, поросшія волчцемъ и крапивою,—вошь все, что оспалось опъ древняго его великолѣпія и пышности. Какое прѣкрасное положеніе! При подошвѣ его спелелся зеленая долина; на югѣ споянъ сѣжные Альпы; на западѣ дикіе утесы съ уступами и съ огромнымъ опверспіемъ, имѣющимъ видъ полукружія, образованнаго самою природою. Когда вечернія тѣни высокнхъ горъ дожапся на долины и холмы; тогда опускающееся солнце болѣе получаса бросаетъ сквозь это опверспіе багровые свои лучи прямо на развалины замка. Кто обладалъ этими спѣнами и зубчатыми башнями, грозными въ самомъ паденнѣ? Напрасно я спарался узнать имя его.

Въ пять часовъ вечера прѣхалъ я въ *Шамбери*. Не далеко опъ города находился домъ знаменитой мадамъ *Варанъ* (Warens), любимицы Жан-Жака Руссо. Съ зеленого холма, который называется Жан-Жаковымъ, я окинулъ взоромъ столицу Савоіи; на бульварѣ я видѣлъ всѣхъ гражданъ и гражда-

нокъ. Савоярки довольно милы; одѣваются просто, почти всѣ въ фаршукахъ и чепчикахъ. Дворянства здѣсь очень мало; оно скрывается въ уединеніи, для того, чтобы зимою явись въ общество со всею пышностію; собираетъ девять мѣсяцевъ плоды для того, чтобы издержать ихъ въ три мѣсяца. Здѣсь спрощенъ небольшой шеатръ въ Испаніянскомъ или Русскомъ вкусѣ, по естѣ съ колоннадою. Казармы для пѣхоты и конницы, коллегіумъ и больница довольно красивы. Дома вообще прехъ-эпажные; но замѣчательнъ одинъ только дворець или замокъ *Королевскій*—огромное готическое зданіе, плѣняющее величественною наружностію. На пригоркѣ, къ кошорому оно примыкаетъ, лежатъ два сада, одинъ дворцовой съ куртинами и аллеями, и другой городской, состоящей изъ четырехъ темныхъ каштановыхъ аллей.

Въ здѣшней кафедральной церкви я, видѣлъ умилительное зрѣлище. Въ часы вечерніе, когда волны народа носились по улицамъ и бульварамъ, семь молодыхъ солдатъ стоя-

ли на колѣнахъ передъ образомъ Божіей Матери и молились ей со слезами.

Изъ кафедральной церкви пошелъ я въ полицію; комиссаръ полиціи, которъй долженъ былъ подписать паспортъ мой, подаль мнѣ спуль, осыпалъ меня учтивостями и не замедлилъ представивъ мнѣ одного молодого человѣка, называя его моимъ соотечественникомъ. Я соскочилъ со спула; и такое невольное чувство удивленія, при такой неожиданной встрѣчѣ, весьма естественное. Но чѣмъ же кончилось? Г. комиссаръ ошибся; онъ полагалъ Москву, какъ кажется, въ Германіи, или Германію въ Москвѣ. Когда я вывелъ его изъ заблужденія; онъ съ простосердечіемъ и опроверженностію прибавилъ слѣдующій вопросъ: „а! какъ вы имѣете свой языкъ? Вы говорите по Русски, а не по Нѣмецки?“ — Я охотно прощаю невѣднію г. Комиссара. Онъ честенъ, ласковъ, хорошо исполняетъ свою должность; а этихъ добродѣтелей уже довольно и для предсѣдателей палаты. Но я не могу равнодушно слушать, когда ученые Швейцарцы и Французы говорятъ

важнѣишѣ и рѣшишельнымъ пономъ: „вѣдь языкъ Русской и Татарской одинъ и пошъ же?“ „Русскіе говорятъ Греческимъ языкомъ?“ „Русской языкъ есть нарѣчіе Нѣмецкаго?“ — Мало шого, что шакъ думающъ и говоряшъ, но и ушвердишельно пишушъ въ своихъ книгахъ.

Конецъ II-ѣ части.

ОПЕЧАТКИ

В Т О Р О Й Ч А С Т И .

стр., строк.	Напечатано:	Исправить:
7 4	Галемь	Галлемь
15 19	---	---
18 14	Карарскаго	Каррарскаго
22 19	---	---
41 21	у нее	у нея
44 1	Адджа и Эйзаха	Адджа (Эча), Изера и Лека
59 9	промышленность	промышленость
61 6	-----	-----
139 17,18,19	ниодного	ни одного
212 12,13,14	---	---
267 7	этого	этого
291 12	---	---
324 14	объ антикваріѣ	— антикваріи
330 13	самымъ	самимъ
